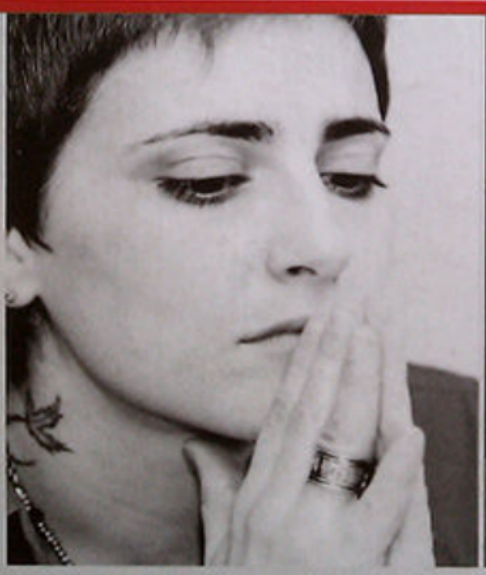
Исповедь четырех

Елена Погребижская



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Я считаю, что Богушевская, Сурганова и Умка уже давно заслужили, чтобы о них написали книгу. У нас принято описывать жизнь замечательных людей тогда, когда замечательные люди уже ничего о себе не скажут по объективным причинам. Мне кажется, что мы, те, кто это читает, сможет подзарядиться от их опыта и переживаний, их истории способны многих из нас поддержать в трудную минуту и вдохновить во все остальные».

Е. Погребижская

- Елена Погребижская
  - ○
  - ○ Сказка в трех частях
    - ■ Вступление
    - ■ Ирина Богушевская
      - ■ Вместо эпиграфа
      - ■ Глава первая
      - ■ Глава вторая,
      - ■ Глава третья
      - ■ Глава четвертая
      - ■ Глава пятая
      - ■ Глава шестая
      - ■ Глава седьмая
      - ■ Глава восьмая
      - ■ Глава девятая
      - ■ Глава десятая
      - ■ Глава одиннадцатая
      - ■ Глава двенадцатая
      - ■ Глава тринадцатая
      - ■ ~~~
    - ■ Светлана Сурганова
      - ■ Глава первая
      - ■ Глава вторая
      - ■ Глава третья
      - ■ Глава четвертая
      - ■ Глава пятая
      - ■ Глава шестая
      - ■ Глава седьмая
      - ■ Глава восьмая
      - ■ Глава девятая
      - ■ Глава десятая
      - ■ ~~~

- Умка
  - Был ли чемодан со старухой или начало
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава шестая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - ЗАНАВЕС
  - ~~~
- Послесловие

○ ~~~

Елена Погребижская
Исповедь четырех

Спасибо за все моей маме, которая всегда верит в меня, самому любимому Кролику, моему лучшему другу и директору Оле, сердитой Кате, которая всегда очень помогает, Юле Тржмецкой, которая помогла мне понять, что я могу написать что-то путное, Наташе Леушиной за фантастику в обычной жизни, Саше Кушниру, моему хитрому собрату по духу, Ире Федосовой, сама знаешь за что, Яне за картинки, Галине Григорьевне за обратную связь, милому издателю Андрею — у нас все получится, Наташе Времячкиной за самоотверженность и японские кроссворды, Марине Казанской за умение прийти на выручку, иногда капризным, но геройским героиням книги спасибо за искренность, моей славной группе Butch, «всем, кого я люблю и знаю, всем, кто любит в ответ меня».

Если бы не эти люди, этой книжки бы не было.

Лена Погребижская.

Сказка в трех частях

Вступление

Я сижу на лекции в Вологодском пединституте. Большой зал, большие окна. За ними северные снега. У многих из нас под партами валенки, ибо гламур тогда еще не изобрели, а на улице холодно. Идет лекция по фольклору. Надо сказать, что этот предмет еще ничего, бодрый, не то что старославянский или диалектология. Мы проходим сказки. «…Сказочная Комиссия не смогла бы описать своего материала без этого списка, ибо пересказ 530 сказок потребовал бы много места, а для ознакомления с этим материалом пришлось бы…» Волшебный дымок окутывал мое сознание, представляете себе научный орган с таким названием «Сказочная Комиссия»? А пересказ 530 сказок… Мдда, мечта, а не предмет.

«…и запомните его отчество. Влади-мир Яков-ле-вич Пропп».

Уж не знаю, может у наших институтских преподавателей была особая разнарядка или это было исключительно их локальным увлечением, но нас, студентов, заставляли учить не только имена-фамилии исследователей, но и отчества. Вик-тор Вла-ди-ми-рович Виноградов, а Бодуэна де Куртенэ звали Иван Алек-сан-дрович, а первые два слова — это фамилия.

Главный исследователь сказки, которого мы сейчас проходили, сразу стал как-то ближе. И оказывается, он научно доказал, что все на свете волшебные сказки написаны по определенным формулам. Внутри каждой находится алгоритм действий, поменял просто героев, и каждый раз получается новая сказка. Эта мысль меня вывела из дремоты.

«Как объяснить сходство… кхе-кхе… сказки о царевне-лягушке в России, Германии, Франции, Индии, в Америке у краснокожих и в Новой Зеландии, причем исторически факт… гхм… общения народов доказан быть не может? Иванова, вам не интересно?» Смешки в аудитории. Иванова принимает вертикальное положение.

«Исследование покажет, что повторяемость функций поразительна. Так, и баба-яга, и Морозко, и медведь, и леший, и кобылячья голова (что это за кобылячья голова такая?) испытывают и награждают падчерицу. Хотя… кх-кх… Морозко действует иначе, чем баба-яга». (Стук мела по доске. Кто-то проснулся.)

Слушаю и думаю, что, наверное, девушкам с нашего курса совершенно не до волшебных сказок. Они, я-то точно знаю, думают только о том, что уже нужно выходить замуж, пора, а у

нас на филфаке всего четыре парня.

Голос с кафедры вторит мне: «Так, если Иван женится на царевне, то это совершенно иное, чем брак отца со вдовой, у которой две дочери…»

В итоге Владимир Яковлевич, далекий, но близкий ученый еще в 1928, страшно сказать, году выводит 31 функцию, способную составить любую волшебную сказку.

Ну, например, отлучка: а) мама-коза ушла по делам и бросила юных козлят одних дома; б) купец уехал в чужие страны (а там взялся искать этот, как его, цветочек аленький).

Прекрасная функция запрет: в этот чулан не моги заглядывать, не ходи со двора, ежели придет яга-баба, ты ничего не говори, молчи, высока терема не покидай, дверь не открывай, не слушай, не смотри, и все в таком духе.

А дальше следует нарушение запрета. Посмотрел, сорвал и съел, ушел, волка запустил, чулан открыл и терем высокий покинул. Вернее, покинула.

Часто, даже почти всегда, в сказках есть вредитель. Формулировка мне понравилась. Вредителем может быть и змей, и черт, и разбойники, и ведьма, и мачеха. Вредитель проводит разведку, по-научному называется выведывание. Ну и наивный герой, понятное дело, подлому вредителю все радостно выбалтывает.

На голову положительного сказочного героя обязательно валятся испытания: обычно нужно разобрать на разные кучки просо, ячмень и овес, некоторым приходится три года служить подозрительным лесным богатырям, кто-то смешит царевну, некоторые засевают поля зубами дракона, другие стерегут стада неуправляемых кобылиц, кто-то вынужден добираться до подземного царства. Большинство сражается со всякой нечистью, и все в таком духе.

Лекция меня совершенно захватила.

31 функция описала все человеческие страсти и, в общем, все мечты. Задолго до американского кино человечество выдумало и поверило в хеппи-энд. И мы все в это верим, пока мы дети и читаем сказки. А пока мы в это верим, так оно и есть.

Герой, как правило, вступает в брак и воцаряется. Иногда сразу, иногда по частям — по полцарства.

По частям воцаряется, я имею в виду, а не по частям женится.

Мы также записали актуальный для всех нас, девиц 20 лет, пункт:

«Чем вызвана беременность»:

а) намеренная (съедена рыба и пр.),

b) случайная (проглоченная горошинка и пр.),

c) насильственная (девушка похищена медведем и пр.).

Следом шли формы чудесного рождения:

a) от рыбы и воды,

b) из очага,

c) от животного,

d) иначе.

Мы все в аудитории подпадали под позорную графу «иначе».

Одним словом, передо мной предстало чудесное описание мира, в котором все было предначертано заранее и новое рождалось путем перестановки частей формулы, где сбывались мечты и был счастливый финал. В этом мире хотелось, как в детстве, жить.

К чему же я рассказываю эту историю… Вроде бы, это начало книги про трех разных женщин, которые работают певицами и никакого отношения не имеют к вышеизложенной теории. На самом же деле история каждой из них такая же сказка, как и те, что в книжках с крупным шрифтом для детей. У каждой из них были в жизни страшные испытания, были чудесные помощники, встречались вредители, было чудесное исцеление, было коварное предательство и в конце концов добро победило зло. Что еще раз подтверждает, что Ира, Света и Аня — положительные и абсолютно сказочные героини. А в нашей с вами жизни сказка так нужна…

Ирина Богушевская

Вместо эпиграфа
Будущая героиня встречает будущего биографа, но они об этом не догадываются

Одна моя прекрасная подруга Ксюша однажды сказала мне, что обязательно мне нужно с ней сходить на концерт певицы Ирины Богушевской в Политехнический музей. Мне показалось довольно странным, что концерт будет в музее да еще почему-то политехническом. Это был, кажется, 99 год. У меня была тогда важная журналистская работа в программе «Время» и практически совсем не было свободного времени, а если и было, то неизвестно, как его занимать. Поэтому чужой способ развлекаться был кстати. На мне был серый в елочку рабочий костюм, почти как у Жени Лукашина из фильма «С легким паром», а в руке — прекрасный кожаный портфель с содержимым государственной важности. Ксюша пришла вовремя, а я попозже, на работе меня подзадержали. Она куда-то уже села. Ну и, короче, мест почему-

то не было. Пришлось сесть на ступени с портфелем на коленях. На сцене пела хрупкого телосложения блондинка в черном платье с вырезом на животе. Между песнями она очень смешно и умно шутила и пару раз сказала что-то про свой вырез и супер-плоский, как хайблэк тринитрон, живот. В конце концерта она собрала записки из зала и весело на них отвечала. До меня дошло, что эта девушка мне встречалась в телевизоре, на передаче «Что? Где? Когда?» Она пела там в музыкальных паузах вполне эмигрантские, как мне тогда казалось, песни и что-то про «39 трамвай». А теперь эта самая певица заканчивала на сцене передо мной свой концерт, который мне неожиданно понравился. А это был, по-моему, третий или четвертый концерт в моей жизни. Настроение у меня было очень приподнятое, и когда мы с Ксюшей нашлись, то мне пришла в голову мысль, что нужно обязательно пойти к Ирине в гримерку и что-нибудь ей сказать. Мысль совершенно мне несвойственная, потому что я человек очень стеснительный. А тут мне захотелось проявить храбрость и с артисткой познакомиться. Мы быстро нашли гримерку, охраны там не было. Открыли дверь и увидели нескольких девушек, одна из которых была Ира, и кучу цветов. «Э… — говорю… — простите… Ирина…»

Ира повернулась и посмотрела на меня с любопытством. Было очень жарко и очень неловко, но пасовать было еще хуже. Надо было лихорадочно придумать повод, по которому мы сюда вломились. Я, говорю, тоже петь хочу. Вы так хорошо поете. Может дадите телефончик своего преподавателя? Телефончик мне был, понятное дело, совершенно не нужен, но надо же было что-то сказать. Ира любезно написала телефон и что-то объяснила про то, что учительница живет не то на Ордынке, не то на Полянке и еще какие-то подробности. Потом она вежливо нас спровадила. При этом улыбалась. Мы пошли, и меня разбирала гордость за то, что мне хватило смелости подойти к настоящей певице после концерта и о чем-то даже с ней поговорить. Бумажка с телефоном, естественно, тут же где-то потерялась.

Глава первая
В Багдаде все спокойно или сундук с золотыми воспоминаниями

Сказка началась, как водится, в городе Багдаде, где, как известно, было все спокойно, а теперь уже совсем нет. Ранним детством Ира с родителями проживала в этом солнечном городе в доме по имени «Шакерчи». Город был весь покрыт солнцем и шумел как восточный базар. А на базаре, где белокурая девочка

за руку с папой протискивалась сквозь громких людей, все вдруг норовили потрогать ее беленькие волосики смуглыми руками. Это у них, оказывается, такая примета: кто дотронется до волос белокурого ребенка, у того объявится счастье.

Ирина: Это море кричащих людей, волнующееся вокруг меня и готовое меня растерзать, наверное, и есть это самое Яркое Впечатление. Нет! Ещё был армейский «газик» защитного цвета — у него фары были зачем-то наполовину заклеены сверху изолентой, и поэтому у него было такое милое выражение лица, как будто он сонно прикрыл глазки. На этом «газике» мы однажды в страшную жару (а в Багдаде все время страшная жара) поехали кататься, заблудились, да ещё и заглохли невдалеке от каких-то высоченных заборов. Из-за такого вот забора неожиданно вышел вдруг высокий и невероятно красивый волшебник с чёрной бородой, чёрными бровями и зелёными глазами, в длинных белых одеждах. Папа перемолвился с ним по-арабски, нашим сказал, что это какой-то «имам», а имам ушёл за свой высоченный забор и вернулся оттуда с корзиной огромных мандаринов. Они были такие спелые, что катались внутри своей кожуры и немножко гремели.

Нет! Был ещё ослик, который привозил к воротам «Шакерчи» тележку молочника. Однажды, когда моя мама что-то делала на кухне, к ней прибежали дети и сказали: «Тёть Наташ, а тёть Наташ! А вашей Ире лошадь руку проглотила!» Когда маму подняли с пола, она понеслась к воротам, возле которых стоял ослик с вытаращенными глазами и разинутым ртом, в котором действительно помещалась вся моя рука, — но она ничуть не была проглочена, а активно шевелилась, потому что я считала, сколько у ослика зубов… Даже не знаю, возможно, что мамино воспоминание об этом было более ярким, чем моё. А ещё у нас был огромный балкон с ажурной оградой, и, поскольку жили мы на первом этаже, сразу за ним начинался буйный розарий. И мы его каждое утро поливали. Огромные капли сверкали на огромных розах. А ещё, когда мама поднималась на крышу вешать бельё на длинную верёвку, первые простыни высыхали к тому моменту, когда она вешала последние. В общем, всё моё детство было абсолютно сказочным, как я только что поняла.

Ира родилась прямо в такой семье, в какой должны

рождаться маленькие принцессы. Все ее носили на руках, она была самая чудесная, ее баловали, холили и лелеяли. Была она долгожданный и единственный ребенок, которому все тепло и достается обычно. Плюс по советским понятиям семья Иры, прямо скажем, была не бедная, поскольку родители ее жили в этом самом Багдаде довольно долго, а тогда там грамм золота стоил столько же, сколько килограмм мяса. Люди оттуда привозили разные машины, вещи, а мои родители, говорит Ира, молодые дураки были, маме было 20 лет с чем-то, и вместо всяких золотых запасов они навезли пластинок Азнавура, катушечный магнитофон и какой-то парчи, которая сгнила давным-давно. А могли бы серьезное состояние сколотить. И была бы Ира с капиталами. Но капитала нет, а есть сундук с золотыми воспоминаниями, откроешь его и думаешь: но ведь когда-то же было все хорошо.

И песенки Ира стала сочинять буквально в три года. Это страшно нравилось родителям, папа их записывал постоянно, и родители с гордостью звали ребенка к взрослым, чтобы та продемонстрировала талант. Хитроумная Ира поняла, что это слабые струнки мамы и папы и ловко так за них подергивала.

> **Ирина:** Тогда же и родители поняли, что ребёночек у них какой-то ненормальный. Но вместо того, чтобы пресечь тирлимбомбомканье на корню раз и навсегда и создать мне, таким образом, нормальное, полноценное будущее, они поступили ровно наоборот: стали меня показывать гостям и всячески хвалить за очередные «шедевры». И понеслось… Лет в пять я, высунув язык, записывала, выворачивая некоторые буквы в другую сторону, в толстенной коленкоровой тетради свои стихотворения. Тщательно писался заголовок, и после каждого слова ставилась жирнющая запятая.
>
> Не, поеду, я, в Багдад.
> И, никто, ему, не рад.
> Там, арабы, грязные,
> Верблюды, безобразные.

Мало этого, мама отвела меня в студию эстетического воспитания при МГУ, к педагогу-новатору Ирине Николаевне Малаховой, автору книги «Первые шаги в мире звуков». Она не только обучала нотной грамоте, не только «ставила руку» на фортепиано, но просила «сыграть дождь», «сыграть, как распускается

цветок» — вы понимаете, на какую почву упали эти просьбы. И вот, уже лет в семь-восемь я истязала собравшихся на застолье гостей душераздирающими песнями про пингвинов, которые замерзают на льдине. Дед плевался и говорил: «Тьфу ты, опять поесть не даст». Единственный нормальный человек был среди всех. Только очень мягкий. Он не мог противостоять моей безумной семье. А ведь я могла быть сейчас экономистом…

Как было сказано, Ира рано осознала страшное воздействие искусства на впечатлительное семейство, и первый коммерческий музыкальный проект она воплотила в 10 лет. Ира стенала и просила собаку, но ее никак не покупали, потому что говорили, что, дескать, семья большая, в ней еще живут бабушка и дедушка, а они уж точно не одобрят никакую собаку. А вот когда Ире стукнуло 10, и родителям дали отдельную двухкомнатную квартиру, и все наконец разъехались, Ира поняла — пора.

Ирина: Я сказала: ну, собака. А они — нет. И я написала песню отчаяния очень слезную про то, что я мечтаю о собаке, о хорошем верном друге, и мечтаю взять на руки и назвать щенка своим. Только б мне его купили, я б всегда за ним ходила, и ласкала, и кормила, убирала бы за ним. Очень трогательное произведение, там последний куплет совсем уже такой: Я мечтаю о собаке, о хорошем, верном друге, и щенок забавный этот, он живет в моих мечтах. Я всегда о нем мечтаю, и стихи я сочиняю, потому что не расскажешь это все в простых словах. Вот, пустили родители слезу, и мама поехала со мной и купила мне спаниеля. Потом папа нас с ним чуть на улицу не выгнал, но все обошлось. И я вот тогда поняла, что искусство-то — крутая вещь, какая она действенная, как работает, как можно так найти какие-то струны и как-то так за них дернуть. Вот, если бы я дальше развивалась в этом направлении, я бы, может, была сейчас, как Матвиенко или как Дробыш.

Но этого, слава богу, не случилось.

Глава вторая, из которой мы узнаем, какой у Ирины любимый тип мужчин

Все средства обратной связи, которые существуют вокруг Ирины Богушевской, будь то электронная почта, рубрика «записочки» на ее сайте, где публикуются письма трудящихся, или комментарии в интернет-дневнике Иры — одним словом, все связанные с ней виртуальные территории тонут в объяснениях в любви. Цитировать их будет как-то нехорошо, не мне же писали, но можете поверить на слово. Бездонные голубые глаза, ангельская внешность, нежный тонкий стан и, конечно, трогающий до глубин голос и еще много внешних деталей задевают за живое господ-поклонников и всему этому они клянутся в преданности и любви. Часто на интервью Ире задают вопрос: вот вы стали, Ира, большим артистом, знаменитой певицей, и у Вас, наверное, куча поклонников, на что она исправно отвечает, что куча поклонников была всегда. Одним словом, Ирина каким-то гипнотическим образом действует на мужчин. Маленький пример. Мы снимали наш документальный фильм и бегали со съемочной группой и Ирой по морозу. В общем, долго-долго были вместе и говорили о жизни. Оператор за все это время не сказал буквально ни слова, и, как это обычно бывает у операторов, с лица его не сходило недовольное выражение. В конце концов мы отпустили Ирину и вернулись в машину. Первое, что сказал оператор с заднего сидения после целого дня молчания, было: «Все-таки Ира очень красивая…»

Настоящая Евина дочка с неуловимой улыбкой и убийственными чарами, что-то такое мне Ира сама про себя говорила, кажется.

Я: Скажи, пожалуйста, — у тебя в каком возрасте случился первый поцелуй?

Ирина: Я тебе сейчас скажу. Мне было 5 лет. А года 3 назад этот молодой человек приходил даже ко мне на концерт, ну и не вызвал во мне прежних чувств. У меня треугольник был страшный совершенно любовный в детском саду, просто страшный. Я была влюблена в этого блондина, удивительно, это был первый и последний блондин за всю мою жизнь. А в меня был влюблен брюнет с черными бровями, такой роскошный, как я вообще могла… потом всю жизнь, очевидно, слушай, я потом всю жизнь любила только брюнетов с черными бровями…

…И вот, когда мне было 5 лет, и мы целовались в беседке…

Я: А вы уже целовались в 5 лет?

Ирина: А как же!

Я: Какая распущенность нравов!

Ирина: Так еще и глупости показывали. Там был страшный с этим делом связанный скандал.

Я: А что, вас поймали с поличным?

Ирина: Да, нас застукала Ленка Петрова. Никогда я не забуду эту девочку, потому что из-за нее меня чуть мама родная не прибила, не выгнала из дома, и вообще очень многие мои всякие проблемы с мужиками, они из той беседки.

Одним словом Ленка Петрова застала парочку в беседке, никак себя не выдала, а по-тихому, на цыпочках понеслась к воспитательнице, мол, какие страсти делаются, пойдемте же, я вам покажу.

Ирина: Вот пришла воспитательница и начался ужас, начался ужас, ужас! Послали за моей мамой, ой, мама дорогая. Я вообще удивляюсь, как я после такой истории способна была на какие-то отношения с мужчинами. У нас страшный был дома скандал, страшный, непередаваемый кошмар. Я думаю, что вот сценарий как раз про то, что мужики — это страшное зло, тогда записался на самый жесткий диск во мне, в самое такое недоступное место, и много лет потом оттуда работал: если ты влюбляешься, все, конец тебе просто, получишь себе по голове.

Эта неприятная история стерлась из Ириной памяти, как это и бывает с детскими горестями. И вот буквально лет 8 назад она ее вспомнила, когда очередной прекрасный брюнет разбил ей сердце. Это бывает так: смысл твоей жизни изнутри тебя перемещается вовне, в другого человека, и, когда ты этого человека теряешь, расставаясь, ругаясь или просто понимая, что вы не можете вместе жить, ты теряешь одновременно с этим человеком и смысл жизни. Это очень просто.

Ирина: Вот когда я лежала ночами, когда я не могла без него спать, есть, вот реально, как в 1000 и 1 ночи, лежала, смотрела в потолок и думала: ну что же такое, как же так получается, а как теперь быть вообще и что делать? И вот тогда я себе поклялась, что как-то сделаю так, чтобы смысл моей жизни был внутри меня, а не снаружи. И вот тогда я вспомнила эту беседку и меня прямо озарило. И, бац, я увидела Ленку Петрову, эту беседку и поняла, ах вот оно, вот оно откуда было, что

если ты любишь человека, то тебе обязательно должно быть плохо за это. Я сказала себе, что никогда не буду больше несчастной.

Я: И что, это сработало?

Ирина: Ну, ты знаешь, такое ощущение, что да.

«Сейчас, сейчас, подожди», — Ира пошла куда-то и принесла коробки с фотографиями. Оттуда на меня смотрели, улыбаясь, обнимая неизвестных уже никому людей, проплывая мимо на лодках, в рубашках и без, бесчисленные брюнеты с бровями.

Глава третья
Мыслить и страдать или кого потеряла отечественная философия

Вот лично мне нравилось думать о себе, что я человек несентиментальный. И если у меня и были какие-то «безуханные» засохшие цветы между пожелтевшими страницами, то все это усилием воли давным-давно отправлено в утиль. Но есть люди, которые раритеты хранят. Хотя Ира и утверждает, что недавно выкинула три килограмма писем, начиная со школы, сентиментальный архив живет у нее дома на тайных полках. И вот недавно она как раз разбирала пыльные коробки со всякими тетрадками и обнаружила свой девичий дневник. Оттуда пахнуло замогильным холодом и смурью, какую только может напустить в своем дневнике книжный романтический человек из старших классов школы. Целые куски самых темных стихов Блока, заботливо выписано все самое душераздирающее из Саши Черного и предельно мрачное из Ахматовой и Гумилева. Вот так, казалось нашей героине, только так надо жить, а остальное — мещанство.

Я: …То есть надо страдать?

Ирина: Надо страдать! Страдать и мыслить, вот мои были две иконы. Поэтому я и пошла потом на философский факультет, наверное, чтобы там вот мыслить и страдать. И все училась-училась это делать, пока не поняла, что и то, и другое — бессмысленно и глупо, и страдать, и мыслить. Вредно, вредно для здоровья!

А первая любовь, конечно же, тут же нечаянно нагрянула и была, конечно же, несчастной. И начались ночные бдения. Можно было играть всю ночь на флейте в тоске и еще можно было ходить

на крышу и там, свесив ноги, сидеть на 16 этаже и размышлять. Вернее, мыслить. И вот тогда посыпались стихи. Они были о том, что теперь только молитвы, пост, вериги, раз уж не дано земного счастья, то надо же себя усмирять. «А сколько же тебе было лет?» — спрашиваю. Ира: «Четырнадцать».

Ну и, так сказать, следующей остановкой логично оказался философский факультет Московского университета.

Ира, кстати, начинала писать собственные мемуары (надеюсь, это не тайна), которые мои агенты нашли и мне передали. Так вот, там есть замечательное описание нашей героини в этот период. Пунктуация автора сохранена.

> **Ирина:** …Итак, я ходила примерно в полусантиметре от земли, большей частью с книжкой в руках (не подумайте дурного: иногда это бывала, скажем, «Эммануэль» на английском, украдкой украденная у папы еще в Будапеште — но чаще все-таки какие-нибудь обязательные досократики или стихи, много стихов), каким-то непостижимым образом сочетая эту эфемерность со вполне земными занятиями аэробикой и отличным аппетитом, посещала комсомольские собрания, где зарекомендовала себя как растленная забугорной жизнью диссидентка, защищала честь факультета на соревнованиях по беговым лыжам (где-то валяется прикольная характеристика, которую я сама себе написала. Там были перлы типа «на первом курсе активно бегала и прыгала, за что получила путевку в спортивный лагерь, после чего бегать и прыгать прекратила»).

Легко ли проглотить веды, упанишады, Конфуция за один семестр — нагрузка уже на первых курсах была такая, что можно было сойти с ума. Но Ира, молодец, устояла.

В советское время философское образование очень уважалось, и студенты проглядывали перспективы хорошей и престижной работы. А вот музыка, наоборот, была занятием эфемерным и подозрительным. Поэтому, даже если Ира и задумывалась о том, чтобы что-то сделать со своими песнями и стихами, все равно философия перетягивала фундаментальностью. Но как в таких случаях говорит моя мама, вода дырочку найдет. «Какую, Богушевская, в конце концов, вы берете на себя общественную нагрузку?» — требовательно спросил комсомольский секретарь. — «Ну, давайте я буду петь, танцевать, что угодно». И вот приходит конкурс художественной

самодеятельности, и честь родного факультета оказывается в Ириных руках.

Ира садится за рояль и исполняет свои декадентские песенки. Комсомольцам нравится. Ира получает почетную грамоту от комитета ВЛКСМ. И вот тут случается чудо, как и должно быть в волшебных сказках. Но про чудо позже, а пока про философию.

Году в 90-м — 91-м была в стране перестройка, но все еще было по-советски. Ирина уже закончила университет и училась в аспирантуре.

> **Ирина:** Я же поступала в аспирантуру, чтобы диссертацию написать. Ты понимаешь, невозможно было оторваться от того, что, по моим представлениям, должно было дать мне уверенность в завтрашнем дне.
>
> **Я:** А что должно было дать тебе уверенность в завтрашнем дне? Университет?
>
> **Ирина:** Да. Преподавание истории философии. Мне казалось, что это такая стабильная, незыблемая вещь, если я буду этим заниматься, а по вечерам играть в театре, все будет просто классно.
>
> **Я:** А объясни мне, пожалуйста, что делают аспиранты?
>
> **Ирина:** Аспиранты все практически делают.
>
> **Я:** Они преподают?
>
> **Ирина:** Да.
>
> **Я:** Ты преподавала?
>
> **Ирина:** Да, на журфаке.
>
> **Я:** А что правда, что Юлия Бордовских у тебя училась?
>
> **Ирина:** Бордовских была в параллельной, по-моему, группе, но я принимала у нее один экзамен. Потом, прикинь, встречаемся мы с ней через год на «Радио Максимум», я сижу за ди-джейским пультом в наушниках, только двигаю кнопки. Она заходит читать спортивные новости и говорит: Ирина Александровна, а что вы тут делаете!? А я ей говорю: хелло, бэби.

Мне кажется, что еще бы год-два аспирантуры и Ира могла легко бы преподавать философию на журфаке и мне, а так вместо нее у нас был какой-то сухарь-философ. Если вы читаете эту книгу, то уже знаете, что Ира больше не занимается философией постпозитивизма, а ведь как хорошо у нее все шло.

Глава четвертая

Звонок судьбы или не нужен нам ваш Эдинбург

Сразу после «Студенческой весны» Ирин телефон зазвонил и, как она говорит, судьба приятным женским голосом сообщила ей, что в театре МГУ ставят мюзикл и что ей предлагают главную роль. Все было одинаково невероятно: мюзикл в Советском Союзе и репетиция точно 8 марта. Это был нонсенс, потому что в той жизни праздники были что-то святое. Ира с трепетом вошла в то восьмое марта в ГЗ. Главное здание университета — это хрестоматийная сталинская высотка, которая непосвященному человеку кажется чем-то вроде имперского музея с мрамором снаружи и внутри, храмом знаний. В принципе, это верно, если бы одновременно это не было общежитие. А у общежития черты известные — прозрачные перегородки, студенты в трениках, чайники в руках и непреходящее веселье с ароматом портвейна. В тот женский день Главное здание было пустынным, редкие уже отметившие студенты мелькали в углах, как призраки. Ира входит в комнату, где назначена репетиция. Она ожидает увидеть толпы пестрых актеров, которые поют и танцуют. Вместо этого ее встречают два мужика. Один постарше, щуплый. Второй помоложе и поздоровее. Первый — режиссер театра Евгений Славутин. Второй — Алексей Кортнев.

> **Ирина:** Евгений Иосифович (Славутин) очень много и складно говорил, а Леша по большей части помалкивал, погруженный в какие-то свои мысли, иногда как бы всплывая на поверхность, к реальности, чтобы взять глоток воздуха и вставить в монолог Е. И. реплику. Оба показались мне жутко умными и серьезными, гораздо умнее и серьезнее меня, тем более что я отчего-то приделала себе в тот раз бантики.

Ролей в мюзикле оказалось всего две, и обе, значит, главные. Назывался он «Бензоколонка». Через пару репетиций Ирина решила бросить это дело, поскольку, как оказалось, она не умела ничего, а это про себя понимать неприятно. Она не знала, куда девать руки-ноги, а уж про «предлагаемые обстоятельства», темпоритм и сверхзадачу я и не говорю. Партнер Алексей при этом подливал масла в огонь. У него было выражение лица человека, у которого колоссальный опыт, а он вынужден наблюдать, как барахтается новичок. Хуже всего получались любовные сцены. Исполнительница главной женской роли регулярно убегала рыдать в кулису. Сценического опыта тогда у Иры не было, а представить, что с этим детиной можно провести

ночь, она никак не могла, никак. А это прямая дорога, как мы знаем, к последующей свадьбе.

Долго ли коротко ли, спектакль несколько раз сыграли. Ира про себя решила, что никогда не будет больше драматической актрисой. Зато из «Бензоклонки» Ира и Алексей перетекли в музыкальную студию театра. Студия была отдельной епархией, ей тогда руководили Иващенко и Васильев («Иваси»). Ее не взяли бы в студию, набор-то был уже закончен, и даже все объявления об этом с доски сорваны. И тут случается волшебная история. Победа упорства над обстоятельствами. И это волшебство Ира будет творить еще не раз. А тут было так: «Девочка, иди отсюда, набор закончен». «Извините, — говорит девочка решительно, — я не пойду, а сейчас вам спою». Девочка садится за рояль и поет песню «Дудочка»:

Ночью, в моей комнате пустой.
Дудочка болтает с темнотой.
Лепетаньем прогоняет страх.
Яблоневый привкус на губах.

Песенка растопила сердце Васильева, и Иру приняли.

Я: А ты вообще была звездой студии и театра МГУ?

Ирина: Нет, я не была никакой звездой. Там Леша был звездой и Валдис Пельш. А я там, в общем… ты знаешь, я ведь пришла туда со страшной фобией сцены. То есть я, конечно, могла выйти на негнувшихся ногах, сесть за пианино. Я начинала играть, успокаивалась, у меня проходил спазм горла, я начинала петь, и как-то все дальше было хорошо. Много чего я могу рассказать про всякие эти ступоры, зажимы. У меня были все виды: и статические, и динамические. И при этих данных очень тяжело было стать звездой. Я прямо училась ходить по сцене, смотреть на людей, не закрывать глаза от ужаса.

Я: А ты со всеми своими ступорами боролась, чтобы что?

Ирина: Очень хотелось выйти и классно петь со сцены, прямо как звезда. Хотелось очень сильно. Перед зеркалом дома многое получалось.

Я: Как какая звезда?

Ирина: Как Любовь Орлова. Хотелось тоже в белом цилиндре и с фонарем петь прекрасно.

Я: У меня друзья моих друзей живут на даче Орловой.

Ирина: Во Внуково?

Я: Да, они ее снимают давно, арендуют, там живут. И там, говорят, ее гардероб реальный в шкафах, какие-то ее вещи, все такое. Я все никак не могу туда попасть

Ирина: Ну, поехали туда прямо сейчас, это же ты что, это, прямо, я не знаю.

На дачу мы не поехали почему-то. А продолжали обсуждать студенческие годы. Ира считает, что это было совпадение бурного цветения юности с абсолютной беззаботностью. А потом цветение юности все еще оставалась, а вот беззаботность куда-то растворилась. Ирины мемуары это описывают так:

Ирина: Было страшно и одновременно смешно, и что-то внутри подсказывало, что это новое для нас отношение к жизни точнее и правильнее, чем-то, восторженное, нежное — вчерашнее. Мы все вдруг повзрослели. У меня к тому времени уже родился сын. То есть, он, конечно, родился у нас с Лешей Кортневым, но в основном все-таки у меня. Жизнь с размаху поставила меня на землю, упразднив те волшебные полсантиметра. Было очень трудно с продуктами, подгузниками, деньгами и свободным временем. Вокруг, кажется, уже началась знаменитая «рашен перестройка». Тот мир, в котором можно было чушь прекрасную нести, рухнул, как оранжерея. И началась другая жизнь.

Перестройка приоткрыла границы и сделала возможными поездки на заграничные фестивали, хотя студия до этого колесила по Союзу и давала свои музыкальные спектакли во многих городах. А тут английская дама-продюсер вывезла их на театральный fringe-фестиваль в самый Эдинбург. Фриндж — это обочина по-английски, подходящее место для самодеятельного театра. Тысячи их съезжаются отовсюду на фриндж-фестиваль в Эдинбург. В Москве условия для театра тогда были тепличные, искусство — это святое и должно жить на государственные деньги, а рынок — это на прогнившем западе. И вот в Эдинбурге рынок впервые показал неоперившимся актерам-москвичам свое суровое лицо.

Ирина: На первом показе у нас было 20 человек, на втором 40, на третьем 80, потом она затащила каких-то критиков крутых там из Independent, Guardian, еще откуда-то. И это на самом деле очень крутой был ход, потому что, как ни странно, музыкальная и театральная

критика в Англии — это священная корова. Если критик X сказал, что спектакль — говно, все, можно сворачивать декорации, собирать манатки и уезжать, потому что все, у тебя не будет публики и не будет никаких денег. Если критик Y сказал, что не пропустите, потому что, потому что, потому что, всё — ты можешь расслабиться, у тебя будут полные залы. И у нас был sold-out («все билеты проданы») до конца фестиваля.

Английская тетка-продюсер, оказывается, чтобы привезти студию театра МГУ, заложила свою квартиру, заложила машину, чтобы арендовать площадку на фестивале, и она очень сильно рисковала. В итоге, говоря капиталистическим языком, затраты окупились и артистам предложили объездить всю Англии, а потом и дальше. Голливуд выступил из тумана и стал зазывно манить их к себе, вот он, мол, я, через океан, рукой подать, здесь у вас будет все зашибись. И хотя продюсеры кормили их консервированной фасолью, надежда завоевать мир рынка и чистогана крепла. Может, это такой эффект от фасолевых консервов.

Ира же решила вернуться домой, на родную сцену, которая, как ей казалось, лучше всего подходила для ее песенок. И опять же, преподавание истории философии, как мы знаем — это серьезная работа, нельзя же ее бросить.

Вообще-то те, кто решил остаться в Эдинбурге, тоже возвратились в Союз, страшно обиженные. Что-то там не срослось у продюсеров.

Глава пятая
Бисы и бенефисы нашей актрисы

И вот я опять сижу за компьютером и собираюсь писать пятую главу сказки про Иру. И я опять включаю песню «У нас в раю», и опять, и опять включаю. Песня меня ужасно трогает. Хотя я чужое творчество люблю гораздо меньше собственного, и вообще я ничей не поклонник и существо циничное, но берусь за трубку позвонить Ире и сказать, какая же это щемящая песня, но смелости мне опять не хватает. В конце концов, будет же когда-нибудь Ира читать эту книжку, вот и узнает.

Оставив дожди Эдинбурга коренным эдинбуржцам, Ирина погрузилась в чисто московские проблемы. Это когда на руках ребенок, а ни в один сад его не берут, потому что у него не сделаны прививки, а прививок не делают, потому что медотводы, а денег на няню нет, потому что бедные студенты-аспиранты и

все такое. Квартировали бедные студенты на жилплощади Лешиной бабушки.

Я: А почему ты никогда-никогда не рассказываешь про ваши отношения с Лешей?

Ирина: Как это никогда-никогда не рассказываю? Столько раз я рассказала про наши отношения с Лешей за эти годы, которые прошли с нашего расставания, чего их рассказывать, зачем?

Я: Позволь с тобой не согласиться. Как человек, который прочитал все, что опубликовано, заявляю, ты вот так и подходишь к вопросу: «а что, действительно, о них рассказывать?» А почему у тебя такой подход? Нечего рассказать или почему?

Ирина: Серьезно, действительно я никогда не делала секрета из того, что у нас была такая странная семья, потому что мы были оба очень юные, очень честолюбивые, как раз в том периоде своей жизни, когда ты завоевываешь мир. У нас колоссальное количество, даже не так, не количество точек пересечения, а просто действительно могли сказать друг про друга «мы с тобой одной крови, ты и я».

Когда потом Иру звали куда-нибудь выступать, обязательно Лешу туда же приглашали, и независимо друг от друга, они все время пересекались на творческом пути. Однажды он сказал с такой тоской в голосе: ты знаешь, если бы мы с тобой не были знакомы в театре, мы обязательно сегодня бы с тобой познакомились, я все равно бы на тебе женился.

Ирина: С такой обреченностью сказал. Понятно, это не домостроевский семейный тандем, где жена сидит на кухне, варит борщ, а муж завоевывает мир под своим знаменем. А потом, когда появился Тема, я вдруг поняла, что у меня дополнительный вес такой висит. И отсюда выходило очень много всяких ситуаций. Почему ты, например, пойдешь сегодня на концерт, а я буду дома сидеть с ребенком, почему не наоборот. Или мы приходим оба со спектакля, оба падаем с ног. Один падает с ног, а другой идет на кухню и встает к плите, масса всякого такого и плюс еще у нас с Лешей обоих очень высокий гормональный статус.

Я: Что это значит?

Ирина: Это значит очень много потенциальных партнеров кругом. Как бы у него много поклонниц, у

меня много поклонников, тоже были ситуации, с этим связанные: ах ты так, тогда я вот. Ты знаешь, самое приятное в этой истории, что изо всех этих коллизий мы вышли чистыми, конечно, обид было множество, и глупостей было множество сделано друг по отношению к другу, но в какой-то момент нам удалось друг другу все это простить, потому что мы поняли, какие мы были идиоты, и как-то мы так на все это посмотрели, пожали друг другу руки и дружим с тех пор.

* * *

Тем не менее, неминуемо надвигался финал аспирантуры. И финал достаточно позорный, признается Ира. Она очень хотела описать влияние Хайдеггера на теологию, тема крайне интересная. В какой-то момент ей пришлось прийти на заседание кафедры и сказать, что диссертация все-таки не написана, а написать ее нет никакой возможности, ибо ребенок на руках, а в детский сад не берут и т. д. (см. 2 абзац этой главы). И конечно ее ругали. А кандидатский минимум она сдала все-таки. Зачем? Чтобы был, наверное. К тому времени все возможное свое время Ирина отдавала театру. И вот в какой-то момент она поняла, что или ей надо разорваться, или выбирать — наука или театр. Тут-то Ира осознала, что вполне спокойно обходится без истории философии, а без театра вообще не может никак и что жизнь происходит все-таки не в библиотеке и на кафедрах, а в этом зале. Здесь шли музыкальные спектакли, где Ира пела свои песни, а поскольку это были все-таки спектакли, а не концерты, к каждой песне были выстроены мизансцены со сквозными сюжетами, разными персонажами. Выбор был сделан.

«А сколько тебе было лет тогда?» — спрашиваю у Иры. «За 25», — уклончиво отвечает она. То есть я это спрашиваю не для проверки фактов каких-то, а потому, что хочу провести мысль о том, что жизнь в принципе можно повернуть в любом возрасте. Вот была девушка преподавателем истории философии и выбрала все-таки призванием музыку, когда ей было «за 25».

Еще из моего родного города Вологды вынесено убеждение, как кошка из пожара, что люди вокруг считают, что жизнь определяется тут же, когда ты поступаешь в институт, и дальше ты просто нарабатываешь свой какой-то непрерывный стаж, просто в одну точку поместился и пилишь. И надо, в принципе, очень быстро выйти замуж на втором — третьем курсе, а то потом поздно будет, а у тебя что?

Ирина: Получилось так, что, уже имея на руках 5-летнего сына и вот эти кандидатские минимумы, я вдруг решила, что я хочу быть профессиональной артисткой. Хочу заниматься театром, а поскольку это не приносит никаких денег, я буду работать на радио ди-джеем по 4 часа в день, получать свой кусок хлеба с маслом и с ветчиной и заниматься искусством, без которого я не могу жить, в свободное от работы время. Это был переход от такой стабильной карьеры профессора, преподавателя философии к артистической жизни, которая совсем непонятная, она на самом деле такими законами управляется, которые похожи на месиво случайностей, на хаос такой. Т. е. здесь у тебя порядок, а здесь у тебя хаос, который невозможно упорядочить и выстроить. Здесь у тебя есть возможность положить фундамент, поставить стены, пол, потолок, наклеить обои, которые тебе нравятся. А здесь ты все время булькаешь в каком-то гейзере, и что оттуда выбулькнется завтра, вообще неизвестно.

* * *

А дальше гейзером выбросило мироновский конкурс. Ира сначала прошла в полуфинал, а потом выиграла его. Не хочу обидеть тех, кто побеждает в конкурсе актерской песни, но я не могу назвать их имена, просто, может, не слежу, а может, после него только редкие люди просыпаются знаменитыми. Хотя выигрывать и само по себе приятно. В общем, мне было непонятно, как перед Ирой после победы в том конкурсе открылись все двери, как она говорит. Ира мне объяснила, что появляются шансы и шансы надо ловить. Тут же нарисовался человек, который со слегка страдальческим видом говорит: «Ах, Ира, как вы поете, это же чудо, химера наслаждения. У меня случайно есть небольшая студия, и там вы можете записать свою пластинку». Театр МГУ после того конкурса заметил, что Ира все-таки большой артист и даже где-то прима, а потому заслуживает бенефиса. И бенефис объявили. И тут происходит чудесная метаморфоза: ненужная старая кожа преподавателя истории философии сброшена и на свет появляется сияющая дива, композитор, поэт и певица в летящем платье, к которой прикованы все глаза.

Если до этого Ира выходила в спектакле, где у нее было 1–2 номера, ну, в крайнем случае 3, то тут уж было все другое.

Главреж и худрук сели с Ирой и из 30 ее песен выбрали 18 для бенефиса, собрали актеров, собрали музыкантов и сделали на 2,5 часа бенефис. Такая математика. Меньше чем за 2 месяца программу отрепетировали. В зале студтеатра на улице Герцена тогда еще было мест 600–700, и 2,5 часа все зрители сидели, никуда не уходили и хлопали.

Вот я хочу сказать, что для певицы хорошо начинать творческий путь в театре, мне вот никто не предложит устроить мой бенефис, слово-то какое завораживающее…

> **Я:** А вообще, народу нравилось? Нравились твои песни народу?
>
> **Ирина:** Нравились, да.
>
> **Я:** Это вот первый раз был, когда ты поняла, что они народу нравятся?
>
> **Ирина:** Ты знаешь, это первый раз было, когда…. Я знала, как мои номера и выходы нравились в спектакле, но тут я поняла, что внутри у меня есть такая штука, я могу общаться с людьми и держать зал, у меня внутри есть «я, Ирина Богушевская».

Номера для песен были придуманы Евгением Славутиным и при внешней простоте производили мощный эффект. На одной песенке выпархивали мальчик и девочка в маечках и семейных трусиках. Выпархивали они, не раздвигая ножек, потому что под трусиками у них были зажаты светящиеся фонарики. Свет сквозь цветной сатин, как уверяют очевидцы, создавал что-то чудесное. Другую песню Ира должна была петь, лежа на рояле. Петь, при этом «извиваясь, как от спазмов истомы». Костюм был атласный и тесный, прима боялась, что в неподходящий момент возьмет и треснет. Но все вышло чудно.

А что было после бенефиса, Ира не помнит. Поздравлять звезду начали задолго до бенефиса, она была в такой эйфории, что нарезалась еще до начала концерта.

> **Ирина:** Кто-то наливал шампанского, какого-то вермута, вина, коньяка, и к моменту выхода на сцену, собственно начала бенефиса, я была уже хороша. Я вышла на сцену, села за рояль, взяла первые аккорды песни «Терпкий вечер», не попала ни в один аккорд, от ужаса немедленно протрезвела и дальше отработала этот спектакль на одном дыхании.

Глава шестая
Страшная сказка. Преимущественно от первого лица

Когда был напечатан мой дневник и его даже расхватали с полок в книжных магазинах, стали на меня сыпаться вопросы, а где же про личную жизнь в дневнике, а почему ты про самое интересное ничего не пишешь. А потому что я огораживаю себя стеклянным зверинцем, нет, этим, железным занавесом. И вот, когда пишу о других, у меня появляется возможность хорошенько порыться в их личной жизни.

По-моему, закон сохранения энергии на бытовом уровне звучит примерно так: если где-то что-то прибыло, значит, где-то убудет. Вокругбенефисная жизнь Ирины Богушевской полностью соответствовала этому закону. С одной стороны, творческая жизнь бурлила и щедро вознаграждала, а вот в личной все рушилось. Ирина и Алексей расставались, и это была не одноактная пьеса, а длинный и мучительный процесс.

> **Ирина:** Получилось так, что буквально на следующий день после того, как я узнала, что выиграла, я узнала, что я развожусь.
>
> **Я:** А он был инициатором?
>
> **Ирина:** Ну, мы оба. Нам обоим было достаточно фигово в этом браке. Просто почему-то именно в тот момент он решил набраться смелости и сказать, что это надо все заканчивать, т. е. буквально на следующий день после этих всех событий. И у меня началась на нервной почве какая-то дикая чесотка на глазах. Такая, что они отекали, опухали, чесались так, что их нельзя было красить, а мне все время надо было сниматься, где-то показываться, интервью и всякое такое, быть на людях. Вот эту я помню удивительную свою проблему, что какие-то я покупала мази, мазала все время, потом ночью плакала, утром просыпалась и по кругу.

И хотя оба уже понимали, что семейная жизнь закончена, окончательный разрыв все оттягивался.

> **Ирина:** Из состояния, в котором человек надеется, ты переходишь в состояние человека, который уже не надеется на продолжение этих отношений. Плюс представь себе, что такое остаться одной с ребенком. Ужас, ужас. Хотя с финансовой точки зрения никак Леша не был тогда привлекателен, ну просто никак. Тем не

менее, есть такая штука, как социальный статус, в общем, тяжело это было.

Я: Социальный статус — «одна с ребенком» называется?

Ирина: Да, конечно, «кому я теперь буду нужна» это называется. Социальный статус — «кому я теперь нужна одна с ребенком».

Я: А долго эта свистопляска вашего расхождения продолжалась?

Ирина: Да, она долго продолжалась, потому что нам очень хотелось обоим и разойтись, и как-то не расходиться, как-то все так поменять, чтобы ничего не изменить.

Отвратительное такое эмоциональное состояние. Ира говорит, что часто тогда ловила себя на мысли, что хочет умереть. Сейчас она утверждает, что последующими событиями можно иллюстрировать книжки про человека, который себе портит карму недовольством и нежеланием жить.

Ну, вот ты лежишь в койке, просыпаешься и говоришь: не хочу просыпаться, не хочу дальше жить, мне сегодня опять будет плохо, так мне будет больно, лучше не просыпаться, вообще хочу умереть. Ну, мир все это слушает и думает: да, блин, что-то какая-то беда с головой у этой Богушевской, ну хорошо, ну хорошо, сделаем, как ты хочешь.

ДТП произошло в непосредственной близости от Театра — на Новом Арбате, в трех минутах езды от театра. Три минуты отделяли премьеру Ириной новой музыкальной программы от ее следующей жизни. Водитель был пьян и врезался в другую машину. Сам он был пристегнут и отделался легким испугом. Ира не успела еще пристегнуться.

Я: А ты саму аварию помнишь?

Ирина: Да. Тебя интересует схема ДТП?

Я: Не схема ДТП. Меня просто интересует, человек, который попадает в такую ситуацию, он отдает себе отчет, что с ним случилось?

Ирина: Конечно. Я даже сознание не теряла. Я просто поняла, что у меня что-то сильно испортилось в правой руке, что она не двигается, висит плетью, такое чувство, что по ней что-то течет.

Я: А что-то еще пострадало, кроме правой руки?

Ирина: Да, потом выяснилось, что у меня в шее компрессионный перелом, в позвоночнике, плечо, локоть сломаны и разбиты. Знаешь, я боюсь быть похожей на

фронтовика. Фронтовики, какой вопрос им ни задай, они начинают рассказывать, как мы в Сталинграде четыре месяца стояли и выстояли и т. д. Я, когда вышла из больницы, поняла, что я теперь всю жизнь, как фронтовики про эту Курскую дугу, буду вспоминать эти полгода в больнице, потому что ничего, никакого более пограничного опыта и более мощного, чем когда ты сталкиваешься просто нос к носу с жизнью и смертью, к счастью, в моей жизни не было и, надеюсь, не будет. В нашей обычной жизни мы в этот слой реальности не попадаем, как правило. Все-таки когда у нас целы руки-ноги и мы занимаемся любимым делом или там не очень любимым делом, у нас случаются какие-то разводы и все такое, мы на самом деле не понимаем, что находимся в таком слое реальности, который можно назвать раем. Но его отделяет такая тоненькая пленочка от слоя, который называется адом. И туда легко провалиться.

* * *

Ира показывает мне потрепанный ежедневник за 1993 год. Одна его половина исписана одним почерком, телефоны, встречи, разные пометки. А вторая половина заполнена другим почерком, потому что в июле 93 года ей пришлось научиться писать левой рукой. И в этом ежедневнике есть стих без названия, нацарапанный нетвердой левой. Первая его строчка «Те же и Богушевич в Склифе», а дальше обращение к медсестрам.

Сестры мои! Вы — пчелки с волшебным и острым жалом,
заряженным каким-нибудь миротворящим трамалом.
Уколите меня, уколите, и тогда, быть может, во сне я
пойму, для чего я здесь и что за идею
мне внушает, открывшись, Бог, и почему же,
почему я сижу внутри, а не гуляю снаружи,
жалуясь на измены мужа, на мамино пьянство,
на моих отчаянья приступов постоянство,
на желание бросить все и уехать к морю,
где можно плавать — и плакать, зная, что не поможешь горю.
Очевидно, этого горя мне все-таки было мало.
Так я думаю ночью, когда остаюсь без трамала.

Хренозепам ваш, сестры, мне — что слону дробина.

И вот всю ночь напролет я смотрю живые картины:
вот Доктор курит. Уставший. Бросает бычок с балкона.
Вот Доктор берет, о боги, мою руку в свои ладони,
а она ничего не чует. NB: я теперь калека.
Мне это чуть-чуть обидно — как даме и как человеку,
потому что, знаете, Доктор, но ваши прикосновенья
хотелось бы чувствовать. Доктор, простите за откровенье,
как и многое, кроме.

Ночью тоскливо в Склифе.
Тут Земной Филиал преисподней.
Свои тут Танталы, Сизифы.
и все они просят пощады, а я — ключа от загадки,
но жизнь пока все играет с собственным смыслом в прятки.

Стихотворение помечено первым августа. Прошло две недели с момента аварии. Всего Ира провела в больницах полгода. Так долго из-за того, что не было положительной динамики и врачи не могли понять, почему у нее не двигается рука. Рука болела не переставая, как все зубы вместе взятые. Ира утихомиривала боль тем, что каждые четыре часа колола анальгин и баралгин. Ей уже намекали, что, может, морфин все-таки попробуем, но она отказалась, лучше уж терпеть. От этого всего она находилось в каком-то полусумеречном состоянии. И, в общем, тут по-хорошему нужны были какие-то внешние силы. Например, родители.

Я: А что родители?

Ирина: Ничего. Они еще поссорились с Лешиными родителями так, что мне приходилось из больницы звонить и разруливать, кто из них ребенка берет. Такая на этот период была жопа со всех сторон.

Я: А что Леша?

Ирина: Леша меня навещал в больнице периодически. Ну, там много было всяких историй на этот момент. На самом деле, удивительно как-то — все, кто мог в этот момент предать, все это сделали. Вот папа меня забрал домой на выходные дня на четыре. Меня к тому моменту уже отпускали из больницы домой, потому что нереально было там все время находиться. Он меня забрал, привез на Ленинский. С Темкой чтобы мы повидались. А у меня правая рука не действует, я даже

колготки не могу сама надеть. Ну, то есть — могу, но это тяжело. Кашу сварить, приготовить, это все было трудно… И мы с папой как-то не так поговорили — слово за слово, и он взял развернулся и уехал. Оставил меня с одной рукой и Темой. Я была в таком шоке. Ну, в общем, я себе заработала этими мыслями о том, что я хочу умереть, попадание на такой испытательный полигон, где стало понятно, что развод — это такая туфта, что все эти творческие трудности — такая туфта. Что вот когда ты сидишь с ребенком, и у тебя работает только одна рука и тебе надо что-то сготовить. Вот это реальная задача. И то это не проблема. Проблема — это когда у тебя нету правой руки, я на это в Склифе насмотрелась. Вот это проблема.

Ирина декоративная правая рука, которая и так была тряпочная, стала сохнуть. Не вдаваясь в медицинские детали, скажу, что поскольку ткани не получали питания и нужных импульсов, они стали уменьшатся в размерах. Ира и сама в тот момент стала уж совсем прозрачной. 45 килограммов живого веса. Самые узенькие черные брюки из ее гардероба нужно было подкалывать булавками для выхода в люди.

Соседка по палате тем не менее мечтательно говорила Ирине: «Ирка, как я тебе завидую! Ехала на белом „Мерседесе“, врезалась в „Крайслер“. Это я понимаю! А я? На даче вышла на крыльцо, поскользнулась на банановой корке — бац! И тройной перелом».

Самыми главными словами того периода была фраза «нет положительной динамики». Именно это каждый раз говорили врачи после осмотра и качали головами.

Я: А что они прогнозировали?

Ирина: А ничего не прогнозировали. Они собирались меня выкинуть из больницы в реабилитационный центр Голубое — это такое место под Зеленоградом. Туда они безнадежных списывают. Я случайно услышала разговор двух докторов. Типа, а как Петров, да, типа, без вариантов — в Голубое. И когда мой лечащий врач мне сказал про это Голубое — я поняла, что я так и сгнию в этом Голубом. Буду ходить на лечебную физкультуру, которая мне ни хера не помогает.

Глава седьмая
Дырка в заборе

И тогда Ира сбежала из больницы через дырку в заборе. У нее появилась надежда на чудо. Чудо звали Асмик.

> **Ирина:** А у меня как раз накануне было очередное обследование в Бурденко. Там была аппаратура. И мне выдали заключение, где было написано: положительная динамика отсутствует. И там была тетенька лаборантка, я спрашиваю, а что ж мне теперь делать? Она говорит: молиться, надеяться на чудо.
>
> Я буквально последовала ее совету и стала молиться и надеяться на чудо.

Тогда на российском канале шла такая передача «Козырная дама». Ира говорит, что редакторы это самой передачи — ее ангелы. Они собирались снимать про Богушевскую, выигравшую конкурс Миронова, телепрограмму. И еще в плане стояла передача про народную целительницу Асмик. Редакторы позвонили родителям, те сказали, что Ира в больнице. Когда «ангелы» разговорились с Ирой в палате, их осенило, мол, мы как раз про тетку снимаем, которая вылечивает безнадежные случаи, мы с ней поговорим — она тебе поможет. Асмик Саркисян оказалась не бабушкой в комнате с мышиными хвостиками, что лечит заговорами, а достаточно молодой женщиной. К тому же по профессии она врач, традиционный медик. За несколько лет до этой встречи Асмик тоже попала в аварию, пролежала в коме и ее, что называется, собирали по кусочкам, делали несколько операций. После этого поняла, что может диагностировать заболевания таким особенным образом, как будто открылся доступ к какой-то информации о человеке, «каким-то файлам», как назвала это Ира. Она осмотрела Иру и сказала, что кости в том месте, где была гематома, неправильно срослись. Они встали буквой «икс» и зажали нервы в середине этой буквы. Асмик сказала, что плечо починит. Дело было в обычной московской квартире. Асмик обмотала больную руку каким-то вонючим бараньим жиром и начала вправлять. «Больно ли было?» — спрашиваю Иру. «Уже не знаю, — ответила она, — у меня тогда понятие о боли стерлось». И случилось пока еще маленькое чудо: у Иры зашевелился средний палец. Асмик сказала, что плечо она Ирине вправила, но за локоть не возьмется. «Локоть мы поедем чинить в Армению», — добавила она. И они поехали в деревню Базмаберд, к дедушке, старенькому хирургу, у которого Асмик училась в институте. Дедушка взял Ирины рентгеновские снимки и стал их долго изучать на просвет. Потом подошел, взялся за руку и… Ира от боли потеряла сознание. Когда она пришла в себя, пальцы шевелились. И доктор подносит очумевшей Ире

рюмку чачи. Ира не вполне здесь.

> **Ирина:** Это картина такая чудесная — деревня Базмаберд. В Ереване тогда еще была зима, там была война, блокада, была война тогда Карабахская. И такой туман — свинцовый колпак висел над городом. И мы там две недели прожили под этим колпаком. Пока мы искали бензин, машину. И вдруг мы выползли в горы, я солнце увидела первый раз за две недели. И тут такая армянская деревня. Овцы ходят по улице, и такие огромные здоровенные каменные домищи. И у него такой огромный каменный дом почти пустой, ничего нету там. Обстановка совсем аскетичная. Какая-то кровать, застеленная шерстяным лохматым одеялом, деревянный стол. И прямо солнце во всю комнату. И меня там чинят в этой комнате. Никаких денег они не взяли.
>
> **Я:** Странно, что ты поверила, что они тебе помогут.
>
> **Ирина:** Да чего тут странного-то. В таком состоянии поверишь во все что угодно.
>
> Вечером этого дня было армянское застолье в этой деревне. Я напилась этой чачи, орала песни. Вот если бы это состояние можно было бы законсервировать и разлить во флакончики. И когда тяжело — раз так себе накапать — и снова за этим столом ты пьешь виноградную водку, у тебя только что зашевелилась рука. Счастье.

Как Ирине объяснили ее спасители, ей без ломки раздвинули неправильно сросшиеся кости. И по нервам сразу побежали импульсы. Почему ни один врач в Москве не смог за полгода не то что вылечить руку, хотя бы диагностировать, Ира так и не понимает.

Спасенная рука двигалась неуверенно и вяло, как будто организм не верил, что все уже позади. За время тряпочности мышцы ослабли, Ира перекладывала ее с места на место другой рукой, то ли было еще не пора, то ли не поняла еще, что можно по-другому. Нужно было заново учиться писать, держать зубную щетку, резать хлеб. Картошку, как говорит Ира, она и сейчас чистит не особенно.

Окончательно восстановилась она через два года в горах.

Это было так. Ира пошла в поход. Ее уговорила подружка, давай сходим, развеешься, а у нас как раз одного человека для комплекта не хватает. Есть люди, которые ходят в походы по пещерам и наоборот, то есть по горам, а есть те, которые — нет. Ира относилась ко вторым. Подружка все-таки ее уговорила, и вот

Ира купила себе горный рюкзак, специальные ботинки и ушла в горы, считая себя довольно смелым инвалидом. Тем более что все вокруг кричали: «сумасшедшая, ты же просто не понимаешь, что делаешь». В какой-то момент похода она практически сорвалась с горы. Под ней открылась пропасть и перспектива очень неприятного падения, потому Ира чем могла, вцепилась в склон. Тут, видимо, внутренний блок, что правая рука «какая-то инвалидская», и вылетел из головы. Софт поправился.

> **Ирина:** Что-то внутри поменялось, когда еще я лежала в этой больнице: я поняла, что я плохо себя вела. В чем плохо — не понимаю, но постараюсь вести себя хорошо. Шкурный такой интерес. Никого не обижать, глупостей «хочу умереть» не говорить. А то мало ли что. В октябре был чудный вид из окна на парк больничный. Сидя на окне в палате, я увидела удивительную картину: чугунный забор, все видно — идет девушка здоровенькая, с двумя руками, ногами и в голос ревет, размазывая тушь — такая несчастная. И я поймала себя на мысли, что я не понимаю ее. Смотрю и думаю: дура, посмотрела бы на себя с этого подоконника, на котором я сижу, и ты бы перестала так убиваться. Тогда я дала себе клятву, что никогда не буду такой несчастной и что буду каждый день радоваться жизни. Вот вставать, чистить зубы и сразу радоваться жизни.

* * *

Чудесное исцеление произошло. Инвалид второй группы перестал быть инвалидом. «А кстати, почему второй, а не первой?» — спрашиваю у Иры. «А мне сказали на комиссии, мол, у вас в дипломе что написано? — Преподаватель истории философии. Ну и вот, если бы было написано у вас швея-мотористка, то это да, а философию можете и с одной рукой преподавать». Упустила, получается, шанс при случае говорить «да я эту философию, да я ее, одной левой». Выздоровела.

Глава восьмая
Стена Плача

Сейчас уже нет радиостанции 101, а в середине 90-х она была крайне популярна. Это я пишу потому, что тогда там как раз работала Ирина Богушевская. У нее был звучный псевдоним

Ирина Тверская. Радиостанция эта вскормила Кирилла Клейменова — он сейчас возглавляет программу «Время» на 1 канале, Андрея Норкина — он ведущий новостей, Макса Любимова — сейчас ди-джей «Нашего радио» и еще многих несерых персонажей. И я к слову спрашиваю у Иры, а что же друзья твои не замолвят за тебя словечко, многие же по-прежнему на радио работают, а кто-то на ТВ, почему ж они не поспособствуют, чтобы твои песни крутились? Теории заговора нет, отвечает Ира, но как-то вот не помогают.

Я: А ты была по профессии ди-джей тогда?

Ирина: Ага.

Я: Ты себя идентифицировала как кого тогда, как ди-джея?

Ирина: Ну, видишь, да, в 95 году я была ди-джеем опять, потому что рискнуть и заняться музыкальным проектом без гарантий, и главное, не имея достаточно куража, будучи в раздолбанном состоянии и собираясь опять по кусочкам, это было нереально.

Я: Тебе было лет 27–28?

Ирина: Да.

Этот разговор срезонировал с одной темой, которую я считаю для себя очень важной. Мир вокруг нас стал так устроен, что масса взрослых и даже вроде бы успешных людей внезапно обнаруживают себя внутри профессии и карьеры, которая им на самом деле совсем не нужна. А призвание совсем другое какое-то, понимают они. Я в этом смысле вспоминаю книгу Юрия Никулина, где он описывал встречу с немолодым уже человеком, который рассказывал чудные истории. Все знакомые говорили ему: у тебя же талант, тебе надо было стать писателем или артистом, ну и этот самый человек только сокрушенно улыбался, потому что уже понятно было, что поздновато становиться, что, увы, никем другим уже он не будет. Причем некоторые решают, что, увы, уже поздно лет в 16, а мы верим, что в 30 не поздно и в 40 самый раз. Правда, вот этот самый шаг перехода к самому себе из уютного места сделать очень непросто. И даже если делаешь, головой еще это не сознаешь. Лично со мной было так, уже спустя года полтора после ухода из программы «Время» и журналистики в целом, когда у меня была группа и песни наши уже играли по радио, нужно было нередко какие-то заполнять бумажки с графой «профессия». Рука моя автоматически выводила «журналист».

Ира пока и сама не верила в то, что она самостоятельный «готовенький» артист. Хотя уже была им. На афишах уже было крупно написано «Ирина Богушевская и актеры театра».

Невозможно быть звездой, как говорят балетные, стоя у озера и махая ногой в кордебалете. Спектакль назывался «Зал ожиданий». Его готовили как раз в тот момент, когда театр МГУ лишался дома. Прекрасное место, ул. Герцена, 1, где многие годы играли свои спектакли университетские артисты, забрала себе церковь. Происходила большая шумиха, говорил речи Ролан Быков, митинговала черная сотня, часть артистов просто жила в осажденном театре, чтоб не сдавать его оппонентам. В итоге сцену отняли и заколотили. И спектакль тоже стал увядать, как будто лишившись воздуха, репетировать 20 музыкальных номеров без музыкального аппарата было верхом экстрима. Все равно пора была вдохновенная, Ира опять была как будто снова в полусантиметре над землей. Сын Тема жил с любимыми бабушкой и дедушкой, его мама бегала подиджеить на радио «101» с двенадцати до четырех, а вечерами неслась на репетицию. Это же был спектакль целиком из ее песен. Хотя он так и не долетел к звездам через тернии, но зато после него к Ире подошли люди и сказали: сколько вам нужно денег, чтобы записать пластинку? Потому что неизвестный благотворитель не может же ходить на каждый спектакль слушать эти песни, он хочет слушать их дома. Вот так и родилась «Книга Песен». Родилась она в Старом цирке на Цветном бульваре. По-моему, очень подходящее место.

> **Я:** Знаешь, у меня есть куча знакомых, которые записали свои пластинки, они дарят друзьям их, чтобы те слушали в машинах, и когда приходишь к ним домой, они их тоже сразу тебе заводят. Ну, там какая-нибудь фотография на обложечке. Тираж — 50 экземпляров. Почему у твоей пластинки оказалась другая судьба?
>
> **Ирина:** Потому что, наверное, я другая. Хороший какой вопрос. Но ответить на него невозможно. Иначе мы удалимся в метафизику такую, это вопрос обратной связи, наверное. Это вопрос обратной связи твоей с миром, вопрос — насколько вообще то, что ты делаешь, нужно, востребовано.
>
> Видимо, это было нужно миру, уж простите за пафос. Хотя я знаю много пластинок, которые расхватывают, а было бы лучше, чтобы мир без них обошелся.

Но издание диска пришлось-таки отложить. В мае предложили Ире записать диск, а в июле стало известно, что у ее мамы рак. Это случилось как раз перед конкурсом Ялта — Москва-транзит, тот самый конкурс, который когда-то был Юрмалой. Ира прошла в финал и собственно полетела на Кипр

загорать и приходить в форму перед выступлением.

И вот на Кипре ей снится сон, что ей прострелили правое легкое. А Ира вообще-то ненавидит звонить домой из тех мест, где хорошо, суеверие какое-то. Тут она позвонила в Москву и выяснилось, что маму увезли в больницу, что у нее вроде бы какое-то тяжелое воспаление легких, что ей прокалывали легкое и оттуда вышло несколько литров жидкости. А потом врачи сообщили, что у мамы рак в последней стадии и осталось около двух месяцев. Самой больной они ничего не говорили и не разрешали родным, потому что считалось, что для человека это будет такой шок, что он может от этой информацией умереть от разрыва сердца. Пока мама лежала в больнице, Ира с отцом ездила туда через день и делала вид, что все нормально, воспаление легких это же не страшно, не правда ли…

Она спросила: «Как твой конкурс?» Я ответила, что отлично и послезавтра начинаются репетиции.

Ира не спала пять суток, боялась заснуть и не успеть попрощаться.

> **Ирина:** Ну а мама же знала, что я иду на этот конкурс, и хотела, чтобы я победила. Ну, вот история такая: дома у тебя мама, которая может умереть каждый день, и каждый день ты едешь на репетицию, а там праздник жизни! все в костюмах, свет, все репетируют… А дома ад, но ты ничего не должен показать, нельзя никак проколоться, нельзя плакать при ней, нужно таким будничным тоном все рассказывать, ну вот мы сегодня репетировали, это такое «шоу для тебя одной».

Из мемуаров: После всего этого я приезжала в роскошный зал «Космоса» и смотрела, как на сцене поют и танцуют люди, у которых дома никто не умирает. Мне не нужна была эта сцена. Мне нечем было петь. Ведь я пою не «аппаратом», как говорят вокалисты. Это выяснилось тогда. Я пою чем-то, что важнее этого аппарата, хотя и он тоже важен, конечно. Может быть, это называется «душа». А на месте моей души тогда была большая воронка, которая остается после взрыва, который ко всем аллахам разнес все живое. Показать этого было нельзя ни дома, ни вне дома.

В том году победила группа «Чай вдвоем». Еще до финала конкурса Ира побывала в Иерусалиме у стены плача, и ее тогда поразил хор скорбных человеческих голосов, сливавшийся в беспрерывный гул.

Ирина: Мне было что просить, впервые прикасаясь к Стене. Я хотела, чтобы моя мама исцелилась. Удивительнее всего то, что она действительно исцелилась от рака, во всяком случае, в марте ее отпустили домой, сообщив, что даже метастаз не обнаружено. Умерла она через две недели от инсульта. Кто мог предвидеть еще и это?

И в конце марта 96 года она умерла. И потом, говорит Ира, ничего не помню. Потом еще всю весну. Потом помню, добавляет, что летом мы стали записывать «Книгу песен». Это был первый диск певицы Ирины Богушевской.

Глава девятая
Здравствуй, грусть, или прощай, оружие

Как известно, неизвестный благотворитель выдал деньги на запись диска. А вот на «досвести» его (это окончательный этап работы над пластинкой, выстраивание баланса голоса и инструментов и выравнивание частот) финансов не хватило. «Нашли деньги у знакомых», — улыбаясь, объясняет Ира. — «Заняла что ли?» — «Ну, нет». И тут я узнаю загадочную историю песни «Прощай, оружие».

Было это в те времена, когда в столичном городе Москве или Москва, не знаю как правильно, продвигали парфюмерную марку «Прощай, оружие».

Девушка, которая была первым продюсером Иры, Анечка Пьянкова, познакомила ее с человеком, который и привез эту косметику в Россию. Он послушал то, что делает Ирина, и сказал: «А мне, знаете ли, нужна поддерживающая рекламная песня».

«Что ж, — не оплошала она, — тогда дайте мне формулу аромата».

Вот мне, например, человеку, далекому от продвижения косметики, незнакомо понятие «формула аромата» — это что-то алхимическое или из Калиостро, а Ира вот так — раз, и образованность свою показала.

Я: А что все-таки такое, формула аромата?

Ирина: Это такая пирамида — базовая нота, средняя, верхняя. Верхняя — эта та, которая улетучивается быстрее всего; средняя — эта та, которая живет на коже дольше; базовая — эта та, которой ты будешь пахнуть.

Я: Эти формулы — это не тайна?

Ирина: Нет. А я люблю очень запахи. Мне дали формулу аромата. Там было написано: какие-то там были мужественные ноты какого-то дерева, морская свежесть, хвоя.

Далее по тексту:

Останься, милый, рядом со мною.
Уедем от друзей и врагов!
И будут ночи, что пахнут хвоей
И свежестью морских берегов.

Заказ выполнялся, Ира написала несколько вариантов поддерживающей песни. Три забраковали из-за излишней художественности, четвертый приняли. Таким образом, Ирина добыла, фактически из одеколона, деньги на свой первый клип и на то, чтобы доделать альбом. Я, кстати, припоминаю этот парфюм, он, кажется, был зеленый и в форме лимонки. Половину денег клипа, кажется, украла съемочная группа, но это было уже не важно.

А важно то, чтобы мы не подумали, что песня, написанная на заказ, какая-то не такая. Что с ней не связано переживаний или что она как ребеночек-искусственник, не в смысле материнского молока, а из пробирки или еще хуже, розовый клоник. Ничего подобного, мы все равно не узнаем конкретно, «из какого сора» родятся песенки, и как это там все происходит, варится в тиглях внутри композитора-поэта. Потому что формула формулой, а творчество — оно волшебно.

Ирина: В одном хорошем романе моего детства муж и жена смотрели на Невском проспекте хронику, где юноши в клетчатых рубашках бежали среди развалин Университетского городка под Мадридом с винтовками в руках, где увозили детей, а матери бежали за автобусом. В пространстве этого романа висела истыканная флажками карта Испании, там была победа под Гвадалахарой и бои в горах Гвадаррамы. Герой писал своей жене письма, где говорилось: «Командировка затягивается, мало ли что случится со мной. Во всяком случае, помни, что ты свободна, никаких обязательств». И женщина покупала на проспекте Володарского русско-испанский словарь 1836 года, изорванный, с пожелтевшими страницами, чтобы по ночам учить длинные испанские фразы: «Да, я свободна от

обязательств перед тобой. Я бы просто умерла, если бы ты не вернулся». Герой возвращался, и жена своими руками привинчивала к его гимнастерке орден Красного Знамени. И все это исчезало под патиной времени, покрывалось слоем новых фотографий, не успевших выцвести. И новые войны колотили в дверь, а от этой оставался только звук.

Песню поставило в ротацию «Наше радио», и Михаил Козырев, великий и ужасный, который тогда возглавлял станцию и попутно вершил судьбы, вынес вердикт: еще 12 таких песен и будет новый замечательный альбом. Ира немедленно встала на дыбы, писать песни специально для радиостанций она была не готова.

Я: Тем мостиком, который связал тебя с миром шоу-бизнеса, стала «Книга песен» и конкретно «Прощай, оружие»?

Ирина: С миром шоу-бизнеса я вообще не связана. Шоу-бизнес — это производство, фабрика, ты должен ежеквартально что-то там производить. Я, например, не могу работать как конвейер. Я когда спросила у Миши, а каких именно 12 песен нужно написать, что в них должно быть такого, чтобы это было форматно и прекрасно? Он ответил, ну чтобы строчки в припевах повторялись — прощай, оружие, ля-ляля-ля-ляля-ляля. Прощай, оружие, тьщы-тыдыды-тыдыды. А в данном случае в этой песне таково было требование производителя, «Прощай, оружие» — это бренд, его надо было упоминать часто, четыре раза в припеве. Отлично.

За эту песню вообще не стыдно, в концертах ее пою, народ подпевает, и все радуются. Но где найти еще 12 таких же брендов в своей жизни? И ждет меня тогда белый лимузин и портрет на самолетах.

Я: Аромат-то был ничего?

Ирина: Ну, такой, для военных, мужественный такой.

* * *

У меня тоже была одна попытка заработать на запись альбома тем же методом. Мы познакомились с очень милым и крайне приличным молодым человеком, который, как ни странно, оказался солистом одного бойс-бэнда. Он мне доверился и сказал

по секрету, что у их бойс-бэнда большая проблема с репертуаром. «А давай я вам напишу песню?» — и в голове у меня сразу нарисовался план, как они поют мою песенку, а я записываю за это свои. «Давай», — сказал он и поправил мощной рукой свой идеальный блондинский пробор. — «А про что»? — «Ну, что-то романтическое, какую-то сказку, мечты всякие, ну ты же знаешь наши песни, вот такое же».

И меня осенило. Чем дальше, тем больше мне нравилась песенка, и текст счастливо соответствовал нужным параметрам. Припев такой:

Поцелуй, разбуди.
Мне пора просыпаться.
Я так долго не жил,
Просто видел во сне
Я один.
Спящий принц
Посреди декораций.
Я ждал сто лет.
Вернулась ко мне
Любовь.

Ну, типа, он спал, она его поцеловала, он проснулся, и у них теперь все хорошо, рифмы не все идеальны, зато настроение верное. Милый юноша прочитал текст, послушал, и его лицо приобрело плаксивое детское выражение: «Это уже совсем, мы и так все такие глянцевые и нежные, а тут получается, что вообще спим. Это вообще оскорбление какое-то». Одним словом, плакало мое авторское вознаграждение и лавры Дробыша. А текст отличный, по-моему. Для бойс-бэнда. Так что, если кому понравится, могу уступить.

Глава десятая
Утюги на полной громкости

Еще до того, как вышла «Книга песен», Ире позвонил Владимир Ворошилов: Ира? Я хочу вас пригласить на летнюю серию игр «Что? Где? Когда». Ирина подумала, что ее кто-то разыгрывает и звонит тем самым, с детства узнаваемым голосом из телика. А это был не розыгрыш. И вот Ира стала музыкальной паузой на шести летних играх. До сих пор люди, бывает, говорят при встрече, ааа, я помню, как вы там у знатоков пели.

Я: Кажется, что благодаря этому элитарному клубу «Что? Где? Когда?» ты стала элитарной певицей.

Ирина: Абсолютно верно. Вся моя биография работает против массовой популярности. Во-первых, вызывающая страница — это философский факультет. Ну и плюс, конечно, элитарный клуб знатоков. Получается, так как это сейчас называется? Позиционирование? Получается, что я позиционировалась, как певица для умников, все они стоят вокруг в этих смокингах и выигрывают деньги своим интеллектом, и я не буду никого убеждать, что мои песни слушают крановщики или пожарные в Архангельской области, хотя это так, и, например, работники МЧС.

В 97 году Ирина Богушевская вместе с музыкантами начала давать сольные концерты и начала выступать в клубах. Завели себе менеджера. И она, наконец, ушла с радио. Переход в музыканты состоялся.

Ирина: Одно дело, когда ты поешь, совсем другое ощущение, когда ты — ди-джей. У тебя есть радио, это костыли такие, понятно, что ты не упадешь… Но и побежать не можешь. И долго так я ходила на этих костылях, но вдруг решила, что хватит тратить на это свое время, потому что жизнь такая короткая вещь и надо заниматься только тем, что делает тебя счастливым.

Представление Иры о том, как придет признание, было как у нас у всех, непуганых артистов. Что, дескать, раз есть талант, он вознаградится. Ира пренебрежительно относилась к вопросам менеджмента. Она была убеждена, что делает своеобразный, но очень качественный продукт, а уж в этом, как бывший ди-джей, Ира разбиралась. А качественный продукт сам пробьет себе дорогу. Хотя Ира мне не признавалась, что она человек амбициозный, я думаю, что таки да. И это качество требует от владельца, чтобы он стал популярным, успешным, по крайней мере, чтобы всего этого, не переставая, хотел. По крайней мере, до тех пор, пока не достигнет просветления и не поймет, что все эти треклятые амбиции суть суета сует. У меня лично именно так все и устроено. Я хочу, чтобы мои песни играли из всех утюгов страны. Назло мне, утюги держат глухую оборону. Похоже, что Иру одолевали те же мысли в конце далеких девяностых.

Ирина: Что такое рекорд-бизнес, я до сих пор не очень понимаю. Нет, сейчас я более менее понимаю, как это все может работать. Тогда, когда мы писали «Книгу Песен», меня вообще не волновали такие понятия, как продаваемость тиража. А потом вдруг к 2000 году она начала меня волновать, потому что если ты приходишь куда-нибудь играть концерт и если тебя организаторы знают, концерт будет, а если нет, то и разговаривать с тобой не хотят.

Я: А ты была уже популярная певица?

Ирина: Нет, а я до сих пор непопулярная певица. Популярная — это ты приезжаешь и не можешь пройти по какому-нибудь городу. А я могу ходить по своему родному городу неузнанной, пожалуйста.

Я: А сейчас ты примерно представляешь, каким тиражом разошлась «Книга песен»?

Ирина: Нет, я знаю, что до сих пор он продается стабильно каждый месяц. Наша компания не выдает эту информацию.

Я: А большим был тираж второго диска?

Ирина: Ну, мне сказали — 5 тысяч.

К слову, о нашем российском рекорд-бизнесе или об индустрии звукозаписи. Вот продает артист лейблу звукозаписывающему свою пластинку. И мы не можем достоверно определить, сколько человек ее купили, даже с поправкой в пяток тысяч, потому что, во-первых, компания правды не скажет, будет цифры занижать, а во-вторых, пираты размножат сразу же нелегитимные диски и первый пират, как правило, сам же тот же лейбл, кому альбом и продали. И это утверждения совсем не из разряда стенаний «да все они воры», а чистая правда. Причудливо обстоят дела так же и с попаданием в эфир радиостанций. Ибо ставить песню или нет, зависит от того, нравится она лично программному директору или нет. Причем, как мне кажется, при этом они ставят на радио не собственно песни, а убежденность в том, что проект серьезный и что за ним стоят соответствующие мощности. И, конечно, проще надо быть, проще. Лично мне поначалу многие знающие продюсеры говорили: «У вас, Лена, слишком много мозга для артиста». И постоянно приводили в пример группы и личности, которые народу близки. Я-то считаю, что в этом деле, в шоу-бизнесе, нет особенно глупых, тут в другом в чем-то дело.

В общем, на свете счастья нет, но есть покой и воля. Куда податься артисту, который отличается от средней статистики —

тут уж каждый выкручивается, как может. Ира всегда обладала чутьем на хиты и всегда, пока диджействовала, умела вычислить в радийном сборнике музыки, какой трек станет главным в этом сезоне, а какие утекут мимо наших ушей. Но что касается собственной музыки, тут она слепла и глохла.

> **Я:** Радиостанции брали что-то в эфир?
>
> **Ирина:** Что-то где-то, но утюги молчали. Особенно обидно было, когда вышли «Легкие люди» в 2000 году. Я, честно говоря, не то чтобы сделала попытку прогнуться, но постаралась найти какой-то такой язык, на котором я смогу говорить с народом. Мы убрали всякие драматические театральные моменты из песен, типа пауз перед куплетами, ну это ломает любой эфир, я-то понимаю. Я решила сделать более гладкие что ли аранжировки, куда-то мы каких-то компьютерных семплов напихали. И все равно никакие утюги не заиграли мои песни. И я надулась на всех, ну раз вам мои песни не нужны, то и вообще. И пока не пойму, что делать дальше, ничего не буду делать. Пусть провалится все пропадом.

«А жить-то на что, интересно?» — спрашиваю Иру. «Сидеть на шее у мужа», — ответила она. Это время Ира называет «внутренняя эмиграция». Это значит, что она прекратила концерты и распустила музыкантов. Вот я каждый раз поражаюсь вот этому Ириному качеству. Мы же все в принципе, как поется в мультике про капитана Врунгеля, «мы все участники регаты», заплыва, забега или «преследования в форме полета». Мы все висим на своих мобильных телефонах в ожидании нужного звонка, носимся по встречам и понимаем, что есть слово «надо» и из-за этого всего нельзя ни на секунду отключаться от беготни, а то пропустим что-то важное. Ира гуляет по лесу, спокойно отключает телефон на несколько дней и прекрасно себя чувствует при этом. Морально, я имею в виду. Если уж обида за непризнанность, то, значит, стоп, машина, больше не играем. Вот я лично так не могу, тоже «мерилом работы считаю усталость», а тишину совсем не переношу.

А то время у Иры я помню. Администратор нашей группы Катя и Ирин директор Марина — большие друзья. Поэтому до меня постоянно доносилось, что у Иры сложный период, и что она томима печалью, и что грядет эпохальный ремонт в новом доме, а потом, что ремонт наступил и никак не заканчивается, а кризис длится, короче, мутная история.

Ирина: Это не просто была депрессия, это было что-то другое… концерты стали доставлять мне физиологическое страдание, мне не хотелось идти петь все эти песни, и только потому, что на мне был долг перед командой, которую я кооптировала, я сказала себе, что я терплю до июня 2001 года и доигрываю сезон.

Я: А что на концертах-то было — там была не та публика или ее было не столько, сколько надо?

Ирина: Ты знаешь, ну вообще все было как-то криво, и публика была отличная, ну концерты неплохие, а как те шарики, не радовали.

Отовсюду играли позорные дурацкие песни, а мои прекрасные не звучали, радиостанции их не брали в эфир. Я, в конце концов, хороший преподаватель! Собиралась сидеть дома, читать книжки, думать, что мне делать. Ты знаешь, это гордыня, наверное, я так думаю: ах вы такие, меня недооцениваете! Это какие-то комплексы, какая-то психологически неверная позиция, иллюзия того, что все должно само собой падать в руки. И падало, бывало, а я решила, что так и должно быть.

В интервью разным журналистам Ира на эту тему шутила:

«Сколько раз я мечтала написать какой-нибудь хит типа „Вишня, зимняя вишня“ и прославиться наконец! Но нет, это же надо уметь. Творчество — это тоже алхимия. Хотя я совершенно искренне считаю, что не произошло бы ничего страшного, если б мою музыку знало несколько больше людей».

Внутренняя эмиграция длилась два года.

Как говорит Ира, и я легла на диван, и логичным образом из этого лежания получился новый сын.

Если в этой книге как-то упущено, то сейчас самое время объявить, что у Иры есть чудесный муж Леонид. Раньше она выбирала плохих парней. Героев с отрицательным обаянием. Или очень милых и славных, но потом выяснялось, что они пьяницы и бабники. А потом она проделала с собой психотерапевтическую работу (работа описана в главе про роковых брюнетов) и сама себя перенастроила на то, что можно любить и положительных героев.

У того эмиграционного периода, как говорит Ира, было такое классическое женское оправдание: отстаньте от меня, я выращиваю ребенка.

Потом их всем семейством поглотил ремонт. И как ни смешно, заниматься музыкой не стало никакой возможности. Просите — и дано будет вам.

Из интервью газете «Пятое измерение»:

«Уже почти год мой ребенок ночами не спит, уже почти год мы делаем ремонт в квартире. И все обстоятельства сложились так, что я не просто не хочу — я не могу заниматься творчеством. Мне некогда сесть за синтезатор и записать новые песни, которые я продолжаю придумывать».

> **Вопрос:** Это все произошло, потому что ты тогда обиделась?
>
> **Ирина:** Да. И мир меня услышал. Он же слышит, он же слышит нас в каждый момент, как я понимаю. Вот в каждый момент мы думаем о мире. И в каждый момент мы программируем свое будущее, потому что он слышит и откликается. Я получила по полной программе то, чего хотела. Вот сказала, что я не хочу заниматься музыкой? Писала везде: домохозяйка? И получила. Я уже задолбалась на самом деле, но я знаю, что пока я это не проживу и не приклею последнюю рейку в квартире, я не смогу делать новые программы, записывать новые диски.

С Даниилом, так зовут нового сына, мы недавно виделись. Он забежал радостно домой, где Ира кормила нас, довольно большую ораву, обедом. Данька прислонился к маме и стал смотреть то в глаза ей, то на тарелку. «Будешь есть котлетку?» — предложила Ира. «Разве ты не знаешь, я уже давно ничего не ем», — изрек он.

Серьезный юноша Артемий сгреб младшего брата и уволок его куда-то, чтобы нейтрализовать. Ира поясняет, что творчество — это удел праздных, что Даня — такое явление природы, который переключает рубильник, и ничем уже нельзя заниматься. Опять прибежал легконогий Данька и пристроился к столу. «Ну давай мне порежешь котлетку тогда?» — протягивает ему ножик Ира. «Я уже давно ничего не режу». Звучало как правда. Оказалось, Даня сегодня осваивает выражение «уже давно».

Глава одиннадцатая
Слишком тонко для цирка

Как говорит одна моя подружка, если бы дети представляли, через что прошли мамы, чтобы их родить, они бы любили их сильно-сильно. Ира с Леонидом готовились рожать дома. Леонид убеждал Ирину, что он опытный папа (у него есть ребенок от другого брака). И хотя Ира сторонница того, чтобы таинство родов оберегалось от мужских глаз, здесь Леня настоял, будем

вместе. Все шло неплохо. Будущие родители упаковали домашнюю аптечку. Ира виртуозно научилась правильно дышать, сжимать странный надувной мяч и знала все секреты мам, рожающих дома. И тут на сцене появляется «Мосгаз». В соседнем подъезде начинают менять газовые трубы, и в 20-х числах мая работы перемещаются в их подъезд. Так что, дорогие родители, срочно подыскивайте роддом. Ира хотела рожать максимально естественно, без обезболивания и стимуляторов. И вот нашелся соответствующий роддом и час пробил. История для журнала «Счастливые родители».

> **Ирина:** Бог спас меня от верной смерти, потому что родила я легко и быстро, всего за 3 часа, но потом у меня началось жуткое кровотечение. Хороша бы я была с ним в теплой ванне! Несмотря на все старания врачей, самые современные лекарства и технические достижения, я потеряла больше литра крови. Как мне потом объяснили, в домашних условиях такое кровотечение — верный путь на небеса. У акушерки просто нет с собой нужных препаратов, капельницы тоже нормальные люди дома не держат, а пока «Скорая помощь» до дома из больницы добирается, женщина теряет столько крови, что спасти ее почти невозможно. Поэтому спасибо ангелу-хранителю и Ирине Викторовне Бахаревой — врачу, которая принимала у меня роды.

Как она говорит, была совсем плохая. После это было какое-то неприятное хирургическое вмешательство. Ей дали общий наркоз, и под этим общим наркозом произошла странная история.

> **Ирина:** Я видела матрицу, говорят, что это обычный кетаминовый бред, я путешествовала по сосудам мозга, видела, как устроена материя, видела, что там есть атомы и пустота, у жизни одни атомы, а у смерти — другие. Еще чуть-чуть, и я бы перекинулась, было ощущение, что я умираю, еще чуть-чуть, и там уже коридоры какие-то, вот оно. Прихожу в себя и начинаю слышать голоса врачей, и один голос говорит: почему она все время поет-лежит? А другой голос отвечает: ну она же певица. И я возвращаюсь в этот мир с сознанием того, что я певица. ПЕ-ВИ-ЦА. И все наладилось. И у меня вся эта штука, связанная с рекорд-бизнесом, крутостью-некрутостью, популярностью-непопулярностью, весь этот пласт оценок просто смыло. Прихожу я в себя — и я

певица, и так классно.

А вот если бы Ира под наркозом цитировала Шопенгауэра и врачи бы, склоняясь над ней, обсуждали: что, мол, она всю дорогу Шопенгауэра цитирует? — Так ведь она же философ, — быть бы Ире философом.

И как мы уже знаем, Ире захотелось петь. И пока не выходило, ребеночек крепко держал ее при себе. Данька был непростой младенец.

Он не спал, он просыпался каждые полтора-два часа. Иногда у его бедных родителей бывали ночевки, в течение которых он будил их раз по восемь.

Ира просыпалась и думала: даже тибетские монахи раз в четыре часа молятся, это просто лафа по сравнению с моей жизнью. Она прожила так полгода и была в состоянии просто зомби, пока в семействе наконец не появились няни. Когда Даньке было уже месяцев 6–7, позвонила Ирин директор Марина и сказала, слушай, нам работу предлагают.

Я: Не было такого ощущения, что люди, пока ты не пела — не играла, все ушли, не дождались?

Ирина: Нет, мое сознание очистилось от этого всего…

Я решила, что следующую пластинку буду записывать вообще, как хочу, пошли они все, вся эта шоу-форматность. Такой пост-панк. Панк — это протест, когда ты на вручении премий всем попу показываешь — вот, мол, как мне всё равно! а у меня пост-панк, где-то есть эта индустрия, ну и пусть. Чарты, скачки, как на ипподроме, а я сижу в кустах рядом, пью пиво, мне хорошо.

Я: А почему, ты думаешь, все-таки они тебя не берут?

Ирина: Кто?

Я: Радио.

Ирина: Я хочу сделать серию интервью с программными директорами радиостанций, я сама хочу узнать ответ на это вопрос. Они говорят «неформат» и все. Или говорят, что это слишком тонко для цирка. Анекдот такой есть, типа, палкой по голове — это слишком тонко для цирка. Меня вот не интересуют стадионы. Хотя кто знает, Сезария же Эвора играла в Олимпийском… нет, его озвучить моим голосом сложно, у меня же тонкий.

Целиком анекдот звучит так.

Очень-очень много лет назад в один цирк пришли два молодых клоуна, и их смотрел старый клоун. Они показали репризу. Потом подошли к старому клоуну. Он их поцеловал, сказал: «Вы очень талантливые. Но я должен сделать вам замечание. В конце клоунады ты, Бим, ударил Бома по голове палкой. Никогда этого больше не делай». — «Почему?» — удивились клоуны. — «Для цирка это слишком тонко».

Глава двенадцатая
Взятие Кремля или роман в письмах

Письмо автора:

«Я к вам пишу, постоянно теряя нить повествования, и все же пытаюсь доказать, что события развиваются в сказочном темпоритме. Героиня много раз сомневается в выбранном пути. На распутье, где на указателях последовательно написано „философ“, „ди-джей“, „почтенная мать семейства“ и „музыкант“, героиня, как предприимчивый человек, пытается сначала идти всеми дорогами, но потом делает выбор. По дороге ей встречаются преграды и ожидают тяжелые испытания. Она их преодолевает и вместо полцарства получает в полное владение царский дворец, хоромы золоченые. Правда, на один вечер.

Концерт в Кремле был чистейшей воды авантюрой. Предложение выступить на самой значимой площадке страны поступило за 2 месяца до предполагаемого концерта. Ира поначалу решила оттянуть это радостное событие. Давайте, говорит организаторам, через полгодика концерт сыграем, хорошо подготовимся, настроимся, идет? — Нет, отвечают те, сейчас или никогда. Здесь я прекращу пока дозволенную речь».

Ирина надиктовывает автору звуковое письмо:

«On air — это значит и „в воздухе“, и „в эфире“. Клипы должны были быть и ротации по радио — все это было необходимо нам хотя бы для того, чтобы те, кто потенциально мог быть нашим слушателем, хотя бы узнал о моей музыке. Я считаю, сказала я им, что без поддержки с воздуха это невозможно, я не хочу так подставляться, если мы делаем такой концерт, надо снимать клипы, платить за ротации, потому что вы рискуете деньгами, а я — именем. Имя можно потерять только один раз!

Они говорят, что через полгода-год может не быть такого шанса. Я говорю, это что — горящая путевка? Так оно и было. Никакой поддержки с воздуха мы организовать не успели. Я думаю, что много людей пришли в Кремль меня поддержать, потому что я попросила об этом. На сайте написала: ребята, приходите, это важно! Многие пришли, даже те, кто терпеть не может Кремль, как логово советского официоза».

Обращение Ирины Богушевской к своим поклонникам 26 октября 2005 года:

http://subscribe.ru/archive/culture.music.group.bogushevichnews/200510/26203033.html

«Милые друзья! За прошедшие несколько лет не было практически ни одного интервью, в котором журналист(ка) с серьёзным (строгим, торжественно-печальным) лицом не провозгласил(а), что музыка со смыслом („непростая музыка“, „музыка, состоящая не из трёх аккордов“, „песни, в которых важен текст“, „элитарная музыка“ — вот это вот чаще всего) нынче не в фаворе (не звучит в теле и радио-эфирах, недоступна широкой публике, на фиг никому не нужна). И не боюсь ли я быть непонятой (помереть в нищете и безвестности). Я не боюсь, но им непонятно, почему. Действительно, дебилизатор в стране работает на полную мощность.

…

Кроме обработанных специально приготовленным эфиром дядей Васей, которые „хавают всё“, в стране почему-то по-прежнему очень много людей, которым не всё равно, что смотреть и слушать… У них почему-то есть свобода выбора. Они наполняют залы, в которых, несмотря ни на что, выступают какие-то певицы, поющие песни с каким-то там смыслом — которые, по идее, никому не должны быть известны. Они, эти люди, хотят смеяться и плакать под настоящую, живую музыку. Я говорю о вас. Я горжусь вами. Я знаю, что меня приходят слушать лучшие люди этой страны. Вы — ее шанс. Я серьёзно. И мой шанс тоже. Теперь давайте встречаться в московском Кремле. Приходите туда не „против“ (дебилизатора; людей, которые пытаются решать за нас, что нам слушать, смотреть и какими быть; одноразовой жевательной музыки). Приходите „за“ — за свою свободу выбирать, за по-честному живой звук, за праздник жизни. Потому что я хочу устроить праздник жизни — для себя и вас. Потому что я люблю вас».

Из дневника Ирины Богушевской 16 ноября 2005 года:

http://bogushevich.livejournal.com/2005/11/16/

«Техническое совещание:

Пульты с подсветкой — 42.

Стулья — 60.

Пульт дирижёрский с какой-то подставкой дирижёрской — 1.

Арфа.

Литавры. По-моему, 4 (и зачем так много мне одной?)

Какие-то станки, чтобы посадить оркестр на сцене амфитеатром. На сколько каналов мы пишем оркестр? На 40? Сорок каналов на оркестр.

Звёздное небо.

Обязательно экраны.

А ещё, оказывается, надо заказывать собак. Собаки должны нюхать машины с декорациями. Машины и собаки должны появиться у Боровицкой башни примерно в одно и тоже время, потому что незанюханные декорации ставить никто не разрешит. К тому моменту, когда декорации привезут в зал, по-хорошему, звук уже должен стоять: все эти сотни микрофонов, петличек, прищепок, „журавликов“, все эти провода, джек-джеки, пульты, комбики».

Из интервью Ирины Богушевской:

«…Я отвечаю так: делаешь — не бойся, боишься — не делай. Если бы я так уж прямо совсем боялась нашей главной площадки — отказалась бы, конечно. Но на самом деле я с детства мечтала там петь».

Из дневника Ирины Богушевской 27 ноября 2005 года:

http://bogushevich.livejournal.com/2005/11/27/

Шампанского!!!!!!

Да, ребята, Кто бы Что ни Говорил, но зал у нас действительно Был Полный. Я, наверное, только в мемуарах напишу, «из какого сора» всё это выросло и чего нам стоили эти два месяца, октябрь-ноябрь 2005-го, чего мне они стоили. Я всё знаю про все наши ошибки, знаю, чтО было не сделано — и знаю, чтО не могло быть сделано по обстоятельствам, сопровождавшим это приключение, эту безумную авантюру.

Но сегодня мы сделали просто невозможную штуку.

Мало того, что мы собрали Кремль.

Нам хлопали стоя, с нами пели и танцевали. Этого — нельзя

купить, ни за какие деньги. Это бывает только взаимно, только по любви.

И сегодня мы пьяны этой победой.

Верю, что она не последняя.

Комментарии поклонников на это:

solar_kitten: Положа руку на сердце — он был полный процентов на 80. Что для КДС в любом случае замечательная наполняемость.

dhitho: Меня умилил самый юный Ваш поклонник. Через пару рядов от нас сидели бабушка, мама и сын лет четырех. Мальчик фантастически реагировал на музыку. Весь концерт он провел на ногах, потому что усидеть не мог: все время танцевал. Похоже, он не в первый раз слышал песни, потому что знал музыкальные фразы и заканчивал движение с музыкой. Забавно было видеть, как он вскидывал ручонки в экстазе и закрывал ими лицо на очень драматичных моментах. Во время лирических песен он раскачивался и дирижировал. Когда пел ваш экспрессивный кубинский контрабасист, мальчик прыгал выше головы и вертелся волчком. И мудрые женщины не останавливали его порыв.

malesha: Понравился концерт, хороший:) Да и вообще, вы, Ирина, хорошая.

Разговор Ирины и автора.

Ирина: После Кремлевского концерта один журналист оскорбил меня, и я была готова к решительным действиям. Я собиралась облить журналиста желтой краской.

Я: Сама собралась?

Ирина: Да, сама. Собиралась найти его портрет и на каком-нибудь мероприятии плеснуть ему в лицо желтой краски.

Я: А портрет-то зачем?

Ирина: Чтоб узнать в лицо-то его.

Рецензия Алексея Мунипова на концерт И. Богушевской в Кремле.

Газета «Известия» 29 ноября 2005:
«Ирина Богушевская ударилась о 80-е».

«Еще месяц назад казалось, что идея устроить в Кремле концерт Ирины Богушевской должна рекламироваться под лозунгом „Безумству храбрых поем мы песню“. Поверить, что в городе найдется достаточное количество ее поклонников, чтобы наполнить безразмерный зал КДС, никак не выходило. И напрасно…

…В довершение ко всему певица выбрала крайне своеобразный сценический костюм — что-то такое фиолетовое, поблескивающее, с брюками типа галифе, подходящее скорее детскому утреннику, — в котором она немного напоминала грустную птицу навроде пингвина (отчего исполнение песни „Городская чайка“ приобрело неожиданно реалистичный оттенок)».

Ирина Богушевская в своем дневнике в ответ на рецензию «О грустном пингвине замолвите слово»:

http://bogushevich.livejournal.com/36440.html?page=1#comments

«Можно перепутать брюки-дудочки от фрачной пары со штанами-галифе. На мне НЕ БЫЛО ГАЛИФЕ, была фрачная пара — замечу, традиционная спецодежда музыкантов, — и тому есть пять тыщ свидетелей. Ну, хорошо, предположим, наш рецензент не силён в истории костюма. И сидел, наверно, далеко, плохо, наверное, видел мой силуэт как таковой — ну спроси тогда у тех, кто был в партере, что ли, не позорься в общенациональной газете».

Рецензия Алексея Мунипова на концерт И. Богушевской в Кремле.

Газета «Известия» 29 ноября 2005:

«Не особенно удачное выступление Богушевской в недавнем телеэфире у Диброва, где певица умудрилась не попасть ни в одну ноту, и вечные кремлевские проблемы со звуком заранее настраивали на трагический лад».

Ирина Богушевская в своем дневнике в ответ на рецензию «О грустном пингвине замолвите слово»:

«Но простить откровенное вранье — на это я пойтить не могу. По поводу Дибровского эфира. Запись у меня есть, и сам эфир я слушала внимательно. Неточности были — и любой вокалист,

которого поставят на крохотной площадке с ударной установкой за спиной, петь „по приборам“, практически без мониторов, будет ошибаться. Но „не попала ни в одну ноту“ — это просто враньё. Наглое враньё на всю страну».

Рецензия Алексея Мунипова на концерт И. Богушевской в Кремле.

Газета «Известия» 29 ноября 2005:

«Известно паскудное свойство гигантской сцены КДС превращать всех выступающих в смешных козявок, и данный случай, увы, не оказался исключением — тем более что Ирина на этом пустыре освоилась далеко не сразу».

Ирина Богушевская в своем дневнике в ответ на рецензию «О грустном пингвине замолвите слово»:

«Будь я мужиком, я бы тебя за это вызвала — потому что это враньё оскорбляет мою честь. Вспоминается мне по всем этим поводам акция „Убей Мунипова“, которую когда-то давно проводил Лёша Соловьёв.

Жалко, не завершил. Одной несмешной козявкой было бы меньше».

Комментарии поклонников:

bel_ka: Ира, шлите их на хрен. Это говорит лишь о том, что эти, с позволения сказать, люди просто не готовы вас понимать. Не доросли.

kotoeb: Ирин, смотрел я. Ну, наврал малость автор. Как журналист тебе говорю, обижаться на журналистов — неблагодарное занятие!

deansgate: «Да кто она такая, чтоб собрать полный КДС» — отличная идея для вдумчивой критической статьи, ничего не скажешь.

ta_tochka: Не читайте газет, НИКАКИХ, как говорил великий классик. Что еще можно сказать… Такие люди пользуются тем, что другие не могут ответить им хамством. Не делитесь с ним своей светлой энергией, она нужна Вашим слушателям.

Письменные размышления автора.

«Я вот знаю Алексея Мунипова. Довольно шапочно, при этом он приятель моих приятелей. А в моем интернет-дневнике он в списке виртуальных друзей. В данном случае это вообще не важно. Здесь Алексей становится метафорическим образом Журналиста. А Ира становится образом Артиста.

Журналист знает: хвалить Артиста тухло, подумают, что материал заказной. При этом только ругать Артиста нельзя. Подумают, что ты неадекватен или уж совсем необъективен. Поэтому Журналист всегда находит скользкую грань между поношением и восхвалением. При этом если у Журналиста хороший слог, он умеет образно выразить ругательные детали так, что если в целом статья была „все прошло неплохо“, то детали, как пули со смещенным центром тяжести, ввинтятся в тело и искромсают позитив в лохмотья. Мунипов, как говорил Атос, „..и этот еще из лучших“. Именно такой стиль позволяет Журналисту выглядеть объективным.

При этом рецензии выходят в изданиях, которые мы, читающая публика, называем „приличными“, типа „Известий“ или „Большого города“.

Если бы это все писала газета „Жизнь“, никто бы не удивился, мы бы ожидали вот этого: „Вывший муж угрожает застрелить продюсера актрисы“ или „Отец-скотовод сделал своим сыновьям-близнецам обрезание ножницами для стрижки овец“, ну, или „Известная актриса занялась „этим“ прямо в море“. А так издания, от которых подвоха не ожидаешь, публикуют материалы, где поливание дерьмом замаскировано под непредвзятую рецензию.

Например, вот так писал Алексей про меня (имейте в виду, что статья была чуть ли не хвалебная): „Бывшая корреспондентка ОРТ, невысокая, с крашеной головой, не очень симпатичная, но обаятельная…“ Мне кажется, любая девушка за такой „комплимент“ может смазать по лицу. Да полно вариантов, вот, пожалуйста:

— „Едва ли кто ожидал, что новый альбом группы Prodigy окажется шедевром“ — о Prodigy

— „Баловень судьбы, о'счастливчик, бодрый, полненький, веселый такой“ — про Дмитрия Диброва

— „Это не альтруизм, даже не идеология „чего изволите“ — скорее реакция амебы обыкновенной на иголочки внешней среды… Впрочем, к чести музыкантов стоит отметить, что для них-то этот сомнительный прогресс куда как естественен“ — про „Чайф“.

— „Примерно так же, мандарином и тарталеткой, встретила публику и сама Уитни Хьюстон: оформление сцены было крайне

жалким, точнее, его не было вовсе, а музыканты вместе со своей аппаратурой просто потерялись на гигантской кремлевской сцене“ — про Уитни Хьюстон

— „Да и звук временами был такой, словно Харкетту вздумалось попеть в ржавую трубу. Вокалист, с видимым удивлением узнающий ноты собственных песен и все время пытающийся вступить не там, где нужно, — вот яркая открытка, суммирующая впечатление от вечера“ — про „А-На“. И вот она коронка, про то, что эти, с позволения сказать, мелкие детали ничего не испортили. Сразу же после ушата грязи в адрес „А-На“ следующим предложением: „Впрочем, даже эти мелкие погрешности не могли испортить впечатление от, похоже, все-таки лучшей поп-группы на планете“.

Хочу сказать, как профессиональный журналист, что журналистика так же подвержена моде, как какой-нибудь модельный бизнес. Раньше, в конце 90-х, мы, журналисты, знали, что в моде грубая работа, война компроматов, типа „NN писается в постель. Или нет, уже не писается“ или „…а вот проститутки (геи) в его защиту сказали…“

А сейчас моден мунипов-стайл в журналах и газетах, чья целевая аудитория — любопытствующие обоеполые граждане с высшим образованием. Вот почему я и большинство моих друзей перестали эти издания читать.

Я могу легко выдумать пример письма в таком стиле: „Этот обаятельный политик с пятном на голове“ или „Всеми любимая губернатор, даже мешки под глазами и второпях сооруженная прическа не портят впечатления“ — в общем, что-то в этом роде. Я это пишу к тому, чтобы никто-никто не вздумал считать эти и подобные пописки хоть как-то близкими к истине. Это просто модная завиральщина».

Письмо Алексея Мунипова к Ирине Богушевской.

«Ирина, здравствуйте. Это Алексей Мунипов из „Известий“.

Я понимаю, как это сейчас прозвучит, но я хотел бы попросить у вас прощения. Моя рецензия на ваш концерт действительно получилась неоправданно злобной, мелочной и, в общем, несправедливой, как в целом, так и в деталях. К сожалению. Формат газеты не позволяет публиковать опровержения на собственные рецензии, иначе бы я непременно это сделал. Но я обязательно попытаюсь как-то исправить положение при первой же возможности. Также я могу попросить снять этот текст из интернет-версии „Известий“, чтобы он никого не вводил в

заблуждение. Извините еще раз. Иногда эта профессия делает из нас свиней. А. М.»

Письмо Ирины Богушевской Алексею Мунилову.

Алексей, мне непросто это сделать, но я принимаю извинения.

Ирина.

Комментарии поклонников:

hunk81: кто из нас не ошибался… уметь прощать — тоже искусство)))

victoria_z: Вот и славно, трампампам. Ира, Вы молодчина!! И Алексей Мунипов где-то тоже:) — это действительно Поступок, достойный уважения.

tunguzka: может это странно, но для меня наличие такой плохой рецензии и ее опровержение почему-то важнее, чем если бы этой статьи и опровержения не было вообще.

sargos: Всегда удивлялся людям, которые сначала гадят в душу, апосля извиняются. В любом случае, мне кажется, все это не стоит Вашего внимания!!!:-)

Музыкальный критик Вадим Пономарев (Гурукен) о концерте:

«Ирина Богушевская совершила переворот в российской поп-музыке. Потому что пафоснее площадки, чем Кремль, в России не существует. И только тот артист входит в элиту поп-музыки, кто смог собрать этот зал. Так уж сложилось. Талант Богушевской пробил ей место в этом звездном ряду. И пробил брешь в головах медиа-боссов. Эти три толстяка больше не всесильны».

Комментарии поклонников:

070707: Лично я после концерта испугалась, что Ваше творчество станет массовым.

Диалог автора и героини

Я: Я знаю, что поклонники не сильно рады, что их ряды расширяются?

Ирина: Да есть такая прослойка людей, которые считают, что я их тайная певица. Их не очень много.

Я: Вот скажи, пожалуйста, а ты можешь сказать, что у тебя уже все есть?

Ирина: Да ничего у меня нет, я не могу дачу себе, блин, построить.

Я: А сколько тебе нужно для полного счастья?

Ирина: Дом у теплого моря раз и дом под Москвой, чтоб с ребенком жить.

Я: Ты хочешь зарабатывать миллионы музыкой?

Ирина: Да. (Продолжает после паузы.) И чтобы у нас при этом была такая красота на сцене, чтобы все говорили «Ах!»

Глава тринадцатая
Особенности физиологии ангелов

Совсем недавно мы снимали Ирину на Воробьевых горах для документального фильма. Стоял собачий холод, который буквально на следующий день превратился в досрочную весну. А нам свезло, мы снимали именно тогда, когда самый холод. И артистку морозили до невозможности.

Для перебивок нам понадобился длинный план, как мы с Ирой прогуливаемся от смотровой площадки и непринужденно разговариваем. Оператор идет перед нами спиной вперед и снимает наш проход. «Ну, говорите о чем-нибудь», — командует он. «А я помню, как у меня была на смотровой площадке фотосессия для какого-то журнала, — Ира показывает на очередной свадебный кортеж, — воон там. Меня загримировали и одели как ангела, в какой-то балахончик. И даже заставляли вставать на стул, а фотограф присаживался и снимал меня на фоне неба. Но самое смешное не это». Мы продолжали брести вдоль коричневого университетского сквера, а оператор пятился с камерой. «Самое смешное, что стали подходить люди и фотографироваться со мной как с достопримечательностью, свадьбы какие-то тоже снимались со мной». — «Как с певицей?» — говорю. — «Нет, как с ангелом».

«Так можно и денег заработать, застолбить место и торчать на Воробьевых…» в общем, понесли мы всякую пургу соответственно погоде, а история-то запала, отпечаталась как картинка.

Я: Тебе важно, чтобы с твоими зрителями что-то происходило, куда-то это их меняло все-таки?

Ирина: Месседж мой такой, что жизнь прекрасна. У меня его не было до тех пор пока не полежала в больнице. Тогда у меня был месседж, что жизнь ужасна. Вот и получается, что какой месседж есть, такой и доносишь.

Я: А какая у тебя, извини, идеология?

Ирина: У меня идеология человека, который попал на испытательный полигон, и поскольку он верит, что попал сюда не просто так и в результате прохождения через это полигон он должен стать лучше во всех отношениях, он смиренно относится к испытаниям, которые выпадают на его долю и пытается выйти из них с достоинством. Вот такая у меня идеология. Честно говоря, откуда у меня убежденность, что весь мир желает мне добра и что все должно быть хорошо, откуда у меня есть уверенность в том, что мы все должны стать лучше, прожив жизнь, я не знаю. Это вопрос не рацио, но веры.

Хочу нагло вклиниться в повествование на правах автора и сказать, что в данную секунду я сижу у себя дома за письменным столом и допечатываю этот текст на своем лэптопе. Сейчас конец декабря и понятно, что стремительным домкратом надвигается Новый год. Надеюсь, меня не вычеркнут из списка подарков, если я скажу, что терпеть не могу этот праздник. Потому что надо долго сидеть за столом, наедаться и напиваться. А телевизор я и вовсе не переношу, не потому что я — мизантроп, а потому что я наглухо не отношусь к целевой аудитории новогодних программ.

Один раз, еще первым составом группы Butch, мы встречали Новый год у меня дома. Жена тогдашнего гитариста, Соня, девушка модельной внешности и абсолютная мажорка как де-факто, так и де-юре, пришла с судачком рукотворного майонезного салата. Еще музыканты принесли шампанского и тут же врубили телик.

«А на фиг он нужен?» — удивляюсь я.

«Как, мы же должны посмотреть речь президента и после этого, ровно в полночь, выпить шампанского».

«Речь президента? Но это же просто набор правильных слов, даже сам президент серьезно не относится к этой, блин, речи, я-то знаю. Тут главная фишка вообще не в словах, а в том, что он без шапки стоит».

«Ничего ты не знаешь, — оборвали меня, — это такая традиция».

Все рок-музыканты хором поддержали Соню, будем смотреть, и будем салат, и будем шампанское ровно в 12. А еще бумажки с желаниями писать, жечь и съедать их потом. Все так и сделали, и после этого, перед тем как гостям шумно вывалить на Красную площадь, гитарист мне тихо подсунул таблетку экстази, мол, съешь, приколешься. После чего под утро меня охватило горячее желание убрать всю квартиру, что и было сделано. А потом все, кто оказался рядом в то утро первого января, были разбужены и препровождены в кино на утренний сеанс. Там меня отпустило и сморило.

С погодой в этом году творятся странные вещи. Накануне заветного часа за окном плюс пять. Я с тоской каждый раз смотрю на свой новый удлиненный пуховик, купленный за сумасшедшие деньги, и понимаю, что опять никто его не оценит. Вздыхаю и достаю пальтишко. Цветок, не помню, как называется, решил, что за осенью наступила осень и сбрасывает листики. Наш гитарист Паштет сказал, что он устал от тепла. «А что, — говорю, — разве плохо, вон красота какая, лужицы». «Нет, — хмурится Паштет, — я лыжи так и не расчехлил. Сне-га хочу, сне-га».

Несмотря на атипичность зимы, в воздухе все равно витает ожидание чуда. И я не могу не поддаться этой атмосфере, не могу устоять. Чудесность изливается из сверкающих витрин, из елочных базаров. Она сквозит из пакетов прохожих и похрюкивает из переходов голосом следующего года. Она льется даже из заголовков новостных лент. Ну, например:

«В Архангельске возникли проблемы с постройкой гигантского снежного ангела».

«В Архангельске возникли проблемы с постройкой 12-метрового снежного ангела. В городе из-за оттепели нет снега, поэтому построить скульптуру не представляется возможным. Об этом рассказала на совещании у мэра начальник управления по культуре и молодежной политике Любовь З.», — сообщает корреспондент ИА REGNUM. По ее словам, работы по возведению деревянного каркаса уже начаты. Разработчиком проекта строительства снеговика-ангела предложены различные варианты выхода из ситуации. Один из вариантов — это перенос сроков его сдачи. «Нельзя разрешать никакого переноса, до 24 декабря должны добыть снег и ангела поставить», — заявил мэр.

Деревянный каркас внутри ангела — это хорошая метафора, вот что мне пришло в голову. А лучше бы из арматуры какой. Современные ангелы без каркаса внутри ну никак не могут, наверное.

…Известная певица Ирина Богушевская кормила меня

борщом. И, по-моему, даже ела сама. Борщ хрустел за ушами, как говорят в одном почтенном семействе. Какой чудесный борщ, какой чудесный день, какой чудесный пень, тра-ля-ля-ля-ля-ля и песенка моя…

> **Я:** По моим наблюдениям, многое в твоей жизни, Ира, происходило совершенно чудесным образом, потому что кто-то тебе что-то давал бесплатно, куда-то звал, приглашал, «может быть, Ира, вы выступите у нас», «возьмите, наконец, деньги» и все такое, мечты сбывались, а звезды падали прямо в руки, причем не один раз. То есть «никогда ничего не проси, гордая женщина. Сами предложат и сами все дадут»?
>
> **Ирина:** Мне эта фраза очень, конечно, замутила мозги в свое время, Булгаков, конечно, роль сыграл. То есть я прямо, когда читала книжку первый раз лет в 15, сразу решила, что так и надо жить. Я очень долго ждала, что мне предложат и дадут. И поскольку иногда и давали и предлагали, это подкрепляло уверенность, что так и должно происходить, что не надо драться за свою музыку, не надо ничего никому доказывать, не надо завоевывать, что надо плыть по течению, но жизнь она так научила, что надо все-таки, надо. На моих глазах талантливые люди, с которыми мы начинали в театре МГУ, которые не хотели никому ничего доказывать, а хотели, чтобы Спилберг их сразу пригласил на главную роль, они просто перестали этим заниматься.

И вот я допечатываю слова Ирины, уже часа два ночи, и мне становится любопытно, нет ли чего-нибудь свежего у нее в интернет-дневнике. Это удобно: попишешь-попишешь книжку, в Интернет потом залезешь, потом книжку опять, потом в Интернет. Я вот так работаю, неусидчиво, покладая руки. А Ира как раз настрочила историю про то, как ее мама попросила побыть снегурочкой во Дворце Культуры.

> **Ирина:** …самым сильным моментом в этот день было моё самое первое появление в этом прикиде. Когда меня, как полагается, позвали, я ворвалась в зал, размахивая Волшебным Жезлом (палочка со скотчем приклеенным дождиком), выкрикивая какой-то шизофренический текст, что-то такое вроде «Я дочка Дед Мороза, я в гости к вам пришла, метели и бураны с собою привела!» (Помню, оказывается!) И давай крутить Жезлом…. Дождик, кстати, абсолютно волшебно

смотрится в движении — серебристые такие круги получаются. Дети зачарованно посмотрели на серебристые круги, а потом посмотрели в окна, — ну и где, типа, снег?

Окна в этом малом зале ДК от пола до потолка. И всем собравшимся прекрасно было видно, как вдруг за этими окнами началось такое, как будто кто-то вспорол пуховую подушку и как следует ее встряхнул, а рядом включил вентилятор. Буквально за минуту на глазах у изумлённой публики начались именно метели и именно бураны. Все, честно говоря, офигели. Я, понятно, тоже. Дети перевели взгляды на меня, и в их глазах я увидела настоящий ужас.

Надо ли говорить, что после этого все мои команды типа «Встаньте, дети, в круг» выполнялись максимум за десять секунд и вообще вся ёлка прошла с бешеным успехом? Больше ни разу такая чума у меня не получалась. Впрочем, я больше и не пробовала быть Снегурочкой.

А мне быть Снегурочкой не довелось. Мне роли не досталось, меня задвинули в Снежинки. Мама мне сшила платье из марли. А марля была почему-то дефицитом. И потом мы все это накрахмалили, так что юбочки стояли, а под юбочкой была еще юбочка, и так слоев пять. А потом приклеили туда, на слои, молотые елочные игрушки, а на шею навесили гирлянды. Посмотрели мы на дело рук своих и сошлись, что красота неземная. Мне сдается, что если я дома у мамы пороюсь по шкафам, то костюмчик этот обязательно найдется.

Я: А скажите, Ирина, какая ваша миссия?

Ирина: У меня нет осознания того, что я с небес сошедший ангел, который призван дать надежду людям, я трезво себя оцениваю, я нормальная, классная симпатичная тетка. И во мне булькает такая штука, которая имеет ко мне опосредованное отношение, она пишет песни. Вот так вот я живу, у меня дети, семья, я умею пылесосить пол, подстричь черного терьера, при всем при этом я могу на все это в один момент забить, сказать «извините, у меня булькает, я сейчас не могу».

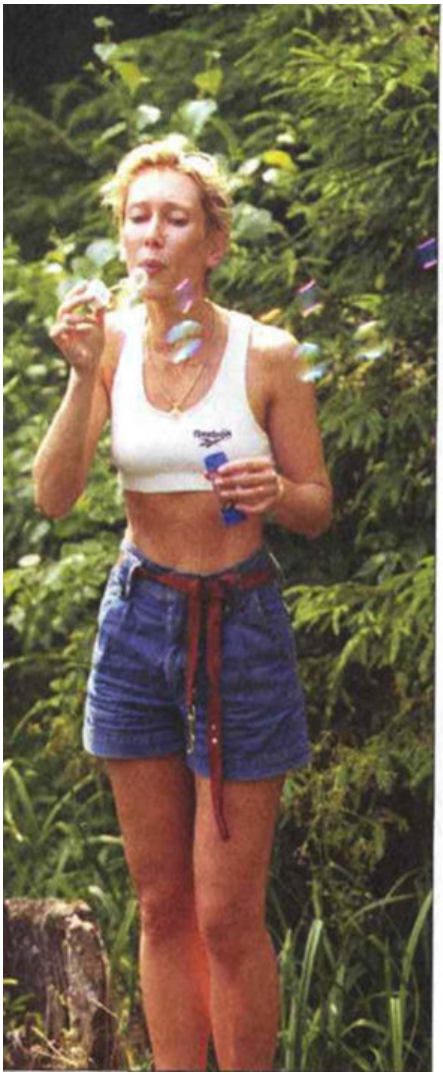
И добавляет, что, мол, кстати, вчера видела на каком-то сайте баннер с какой-то компьютерной игрой и там были такие слова: путь мага и путь воина. Я тогда подумала: вот, наверное, настоящий артист должен быть немножко магом, немножко

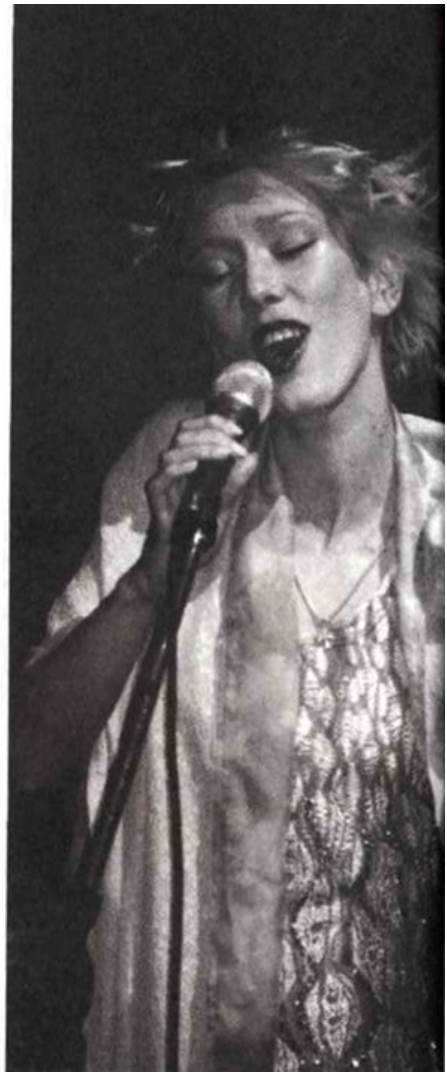
воином.

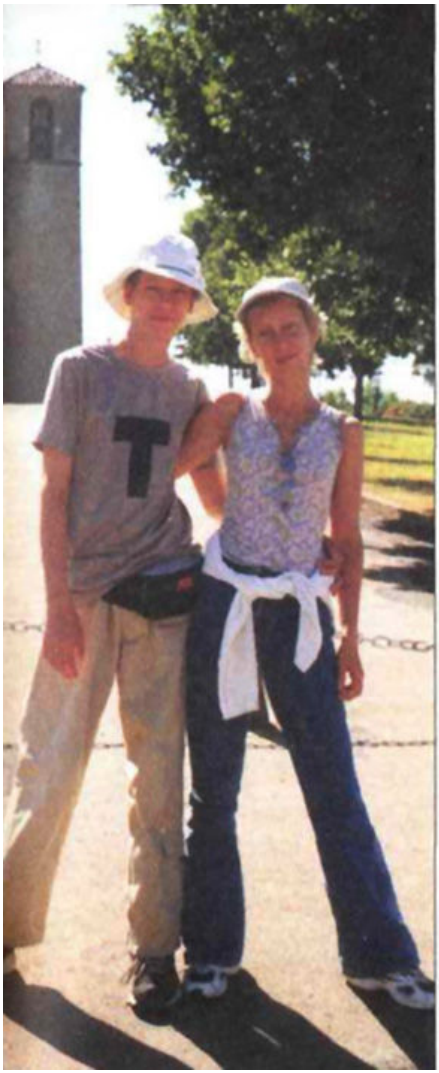
И немного ангелом артист должен-таки быть. Даже если и снеговиком в одном лице. Или Снегурочкой. Или Снежинкой. Вот снега где добыть нам — вот что непонятно, сне-га, сне-га…

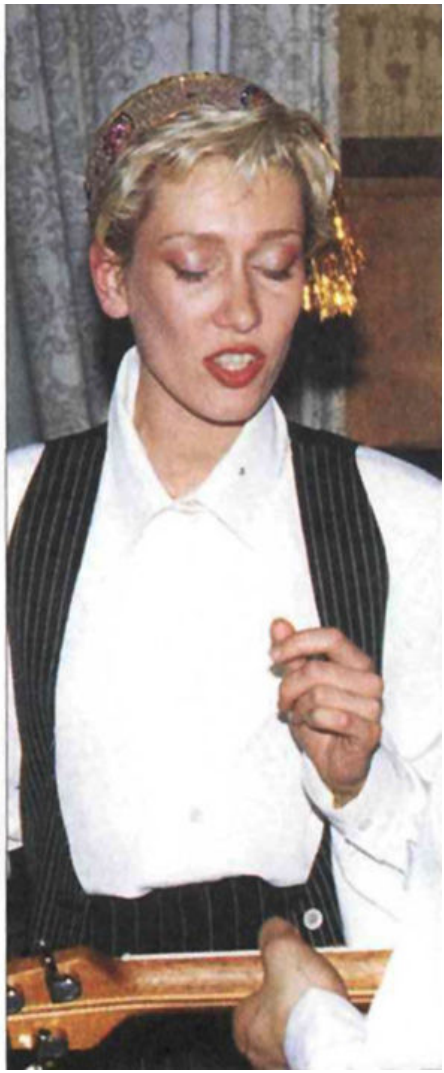
~~~

~~~









Светлана Сурганова

Глава первая
Солдатский паек

Моя музыкальная карьера началась примерно в 2001 году. Это как раз совпало по времени с приходом успеха к группе «Ночные снайперы». Все уши про них прожужжали люди, которые со мной работали. «Тебе нужно, нужно это послушать. Это чуть ни не самая лучшая поэзия сегодня», — тоном знатока говорила мой администратор. Это ничуть не привлекало, потому что мне-то было известно, кто на самом деле лучший музыкант и поэт. Поэтому мне довольно долго удавалось отмахиваться. Чтобы завлечь меня окончательно, кто-то принес несколько потертых дисков. Это были пластинки со смешными названиями «Детский лепет», «Капля дегтя» и «Бочка меда». Оказывается, это были какие-то раритеты, когда-то в замшелые годы хитрым способом выпущены и в итоге большая редкость. На следующий день пришла толпа гостей. «О-па, ты „Снайперов“ что ли слушаешь? — сказали мне гости, — а мы как раз эти альбомы ищем. Дай, а?» Я не знаю даже, кто точно взял эти пластинки, но их, ясное дело,

так и не вернули.

Потом ко мне хлынули разнообразные друзья «Ночных снайперов». Они оказались причудливым образом все со мной связаны, и некоторые из них пьянствовали у меня в столовой (как правило, со мной), потом я у них, некоторые ночевали и жили, а однажды приехала высокая девушка-художница. Она провела у меня несколько дней. То есть ночей, днями она разрисовывала декорации к какому-то особенному концерту «Ночных снайперов». Она приходила, надышавшаяся краской и усталая, но счастливая оттого, что была причастна к чему-то большому и важному.

Все свежайшие события из жизни группы «Ночные снайперы» немедленно обсуждались у меня дома в шумной компании общих знакомых: почему Диана надела именно белые штаны, что, кто и кому говорил на перроне поезда Москва — Санкт-Петербург, по какой причине на телеэфир поехал именно этот состав людей, а не другой и т. д. При всем этом мы так и не были знакомы ни с Дианой, ни со Светой. Из всех разговоров у меня складывалось однозначное впечатление, что главный человек в группе «Ночные снайперы» — Диана, а Света просто ей на скрипке подыгрывает. Большинство интервью, которые мне часто попадались тогда, а это был период мощной раскрутки «Снайперов», доказывали это, говорила одна Диана, а Светлана ей в лучшем случае что-то поддакивала.

Потом мы, наконец, пересеклись вживую на каком-то концерте, где группа Butch тоже выступала. Шел саундчек, Диана жизнерадостно носилась по сцене, а Света, вежливо мне кивнув, сидела какая-то потухшая. Мне сразу же объяснили на ухо, что это нормальная расстановка сил, и что, мол, было время, когда все было иначе, что Света, мол, была ого-го. В это с трудом верилось. Позже, у меня дома, кто-то из очередных общих друзей бросил: «…а Света, она же вообще больна…» «А чем?» — говорю. «Темная история, но все очень серьезно». И потом добавил неожиданно злобно: «Это ей в наказание». В общем, уточнять не хотелось. Темная так темная.

Спустя несколько лет мне нужно было найти Свету. Ее только ушли из группы «Ночные снайперы», она уже пережила период первичной пустоты от рухнувшего мира. В звукозаписывающей компании сказали «петь будет» тем же тоном, каким врачи, наверное, говорят «жить будет». Оказывается, Света уже собиралась выпускать новый альбом. На одном со мной лейбле. Вот Света-то мне и нужна. На меня надвигался мой день рождения. Это значило, что я буду по традиции отмечать его

уникальным, ни на что не похожим концертом. То есть традиции такой до этого не было, но создать ее очень хотелось. Никаких мыслей насчет того, как концерт сделать уникальным и непохожим, не присутствовало. И тут меня осенило: надо зазвать разных прекрасных исполнителей и сделать с ними дуэты. Света, думаю я, не откажет. Мне тут же дали Светин телефон в Питере, и мы договорились встретиться.

На Светиной улице было тепло и светло, настроение у меня было отличное. Квартира мне понравилась. Из окна открывался вид на романтические крыши. И тут я понимаю, что на стене дома напротив на реально большой высоте кто-то вывел краской слова с расчетом, чтобы из Светиного окна как раз было видно «Я люблю тебя, Света».

Это меня поразило. И тоже захотелось, чтобы и мне такое написали или другое, короче, хоть что-нибудь на страшной высоте, чтобы смотреть из окна и поражаться. И еще стало понятно, что есть люди, которые Свету очень любят.

Света с той нашей встречи в клубе похудела и как-то просветлела что ли. Она мне рассказала тогда, что ей очень помог в трудную минуту Валера Тхай, помог собраться и поверить, что она снова сможет петь, пусть уже одна. Хотя почему одна? Она уже нашла замечательных ребят, группу «Север Комбо», с которыми и пишет свой первый, без Дианы, альбом. В общем, мы разговаривали и попивали коньяк. А потом Света и ее директор плавно перешли на водку. Мне этого было не потянуть. «А что, — говорю, — поесть ничего нету»? «Поесть, поесть… — задумалась Света, — как же, вот тут есть солдатский паек, мне подарили». Мы вскрыли зеленую пластмассовую коробочку, где оказалась тушенка, шоколадка и еще всякие загадочные брикетики и пакетики. Особенно меня поразила гороховая каша. Это был сушеный кирпичик в обертке, к которому прилагалась инструкция: «возьмите в рот сухую массу и запейте водой». То есть, кашей это все должно было становиться внутри у солдата или вот у меня в частности. Несмотря на всю его инопланетность, весь этот сухпаек мы с удовольствием уговорили.

«А что же мы петь-то будем?» — наконец спросила меня Света.

— «Ну, что-нибудь твое, что-нибудь мое и что-то совсем третье». «А еще, — тут пришлось глаза опустить, — сыграй, может быть, на скрипке». Мне-то уже сказали, что все это время с момента изгнания из «Снайперов» Света не брала в руки скрипку ни разу. И она согласилась. Принесла откуда-то футляр, назвала еле слышным ласковым словом коричневую лаковую скрипку. И заиграла. Мне всегда казалось, что люди, которые играют на

скрипке, это совсем не то, что люди, которые играют на гитаре, и уж совсем иное, чем люди, играющие на пианино. Скрипачи — они какие-то другие. И, в общем, так оно и есть. Хотя Света сказала, что это будет только один раз, что сыграет у меня на Дне рождения и все. Потому что больно и потому что напоминает 10 лет ее жизни.

— А еще что можем исполнить? — А давай Пугачеву? — зажглась Света и тут же стала доставать с разных полочек нескончаемые диски, и все они были с Пугачевой. Над ворохом пластиночек Света предложила нам спеть песню «Этот мир». Честно говоря, хотелось исполнить довольно помпезное, но трогающее творение «Женщина, которая поет», но Света меня убедила, уж не знаю чем. До меня дошло только потом, что она действительно верит в то, что любовь помогает справиться со всем. Действительно верит.

* * *

…Один лишь способ есть
Нам справиться с судьбой,
Один есть только путь в мелькании дней.
Пусть тучи разогнать
Нам трудно над землей,
Но можем мы любить друг друга сильней.
«Ла-ла-ла придуман не нами, этот мир придуман не мной»,

— напевали мы, и мне очень нравилось, что Света не похожа на ту погасшую девушку со скрипкой, которая встретилась мне два года назад. Она выглядела как человек, который только что вступил на новую дорогу и не знает, что там будет за этими горами, но сворачивать не собирается. Света показала мне какие-то приборы, которые должны были стать прародителями новой студии, и сказала, что помогает какому-то музыканту со странным именем Юл записать его альбом. Нормально, думаю, только человек сам на ноги встал, даже, можно сказать, еще и не встал, а уже кого-то продюсирует. Света объяснила, что у Юла какой-то очень запущенный рак, что она это чуть ли не первая поняла и отправила его к врачу и что теперь должна успеть. Помочь ему записать его песни.

Мы допили коньяк и стали прощаться. В подъезде оказалась какая-то куча пивных банок. «Наверное, поклонники оставили».

Тут Света рассказала, как на днях она возвращалась и застала в подъезде двух девочек — фанаток. Ближе к ночи она зачем-то опять вышла, а когда вернулась, поняла, что девочки устроились ночевать тут же в подъезде. «Ну и пустила их», — сказала Света. «К себе домой ночевать что ли?» — брови у меня поползли, поползли наверх. — «Не в подъезде же им было».

Концерт по поводу моего дня рождения прошел феерически. Свету поклонники нашей группы приветствовали прямо-таки дружным ревом, и во мне даже шевельнулась ревность. У нее только что прошел первый большой концерт с новым составом в ДК Ленсовета, и она, кажется, поняла, что все получается.

Глава вторая
Слухи, слухи…

За следующие 2 года мы виделись много раз мельком. За это время Света и ее Оркестр стали одной из самых популярных российских групп. Они ездили, не переставая, с концертами (в нашем цеху это называется «не вынимая»), а в родной стране это и есть главный показатель востребованности.

Очень отчетливо я помню ярко-солнечный день, когда мы приехали на фестиваль «Крылья-2005», чтобы встретиться со Светой. У меня должна была скоро состояться презентация «Дневника», и мы решили попросить Свету и еще нескольких музыкантов прочитать из книжки кусочки, это собирались снимать и показывать потом на экране во время презентации. Буквально за месяц или два до этого все рок-фанатское Интернет-пространство наполнилось слухами, что у Светы какая-то нехорошая история не то со связками, не то еще с чем-то, что она не то отменила, не то не назначила какие-то концерты из-за этого, что слетел большой московский концерт. Были еще какие-то заметки, что вот, мол, у Светы проблемы с горлом, но ей сделали операцию на связках, как это бывает иногда у певцов, но сейчас все хорошо. Наконец, на официальном сайте СиО появилось объявление, что Свете сделана операция и она уже выздоравливает. Текст был такой:

Певица Светлана Сурганова перенесла серьезную операцию. В середине мая она была экстренно госпитализирована в одну из питерских клиник с острой болью. После осмотра было принято решение об оперативном вмешательстве. Операция длилась несколько часов и прошла успешно.

Сейчас Светлана проходит курс реабилитации.

В связи с этим концерт «Сургановой и Оркестра», намеченный на 24 июня в СДК МАИ, переносится. Светлана Сурганова передает

всем своим поклонникам привет и просит не переживать за вынужденный перенос концертов в Москве и Прибалтике.

Ближайшие концерты «Сургановой и Оркестра», скорее всего, состоятся 16 июля в Новотроицке и 23 июля — на фестивале «Крылья».

Короче говоря, ехали мы на эти «Крылья» с моим директором Олей очень встревоженные. Было жарко, мы пробирались через плотную массу зрителей, пересекли все поле тушинского аэродрома и вышли к сцене. Света как раз начинала выступление. Мы встали за кулисами между горячих железных столбов и внимательно следили за ней. Её волосы отросли и как будто выгорели на солнце. Она улыбалась и ритмично пританцовывала с гитарой, переглядывалась со своими музыкантами, и они вместе зажигательно ударяли. К концу ее сета все многотысячное поле фестиваля скандировало «Све-та! Све-та!» Мы дожидались ее за палатками после выступления. Пару раз мимо проносилась ее директор, которая куда-то отправляла парней с гитарами, прошел Валера Тхай с какими-то пакетами, и тут появилась разгоряченная Света с пивом в здоровом пластиковом стакане. Она выглядела просто шикарно, была вся какая-то легкая, это не вязалось с теми слухами никак. У нее был отличный загар человека, который отдыхал на пляже Средиземноморья, ну или Черноморья в крайнем случае.

«Ну как ты, Света»?

«Отлично, — говорит, — да, просто отлично».

«А что это за страшные сказки про связки и операции?» — мне, в общем, неудобно было спрашивать, но и не спросить нельзя было.

«Ну, — Света почему-то совсем не смутилась, — у меня была — тут она произнесла какой-то латинский термин — в общем, на животе такой краник, вот его сняли наконец, и я теперь как все остальные люди. И заодно, пока его снимали, обнаружили еще разные ненужные разности в животе и все убрали».

Света все время, пока говорила, улыбалась. «И теперь, — она махнула ладонью сверху вниз вдоль живота, — все чисто. И вообще, давайте лучше выпьем пива». «А я не пью совсем, уже год. Из-за таблеток». «А я — пью», — засмеялась Света и тряхнула волосами. — «Свет, а тебе можно разве?» «Мне теперь все можно», — и Света приподняла маечку. У нее был завидный плоский загорелый живот. Со свежим вертикальным шрамом почти по всей длине.

«А как же ты колбасишься на сцене, это же все — я хлопаю себя по животу — недавно все, вот только что было?»

«Да пошло оно все на хуй», — Света повторяет мой жест.

Потом смеется и пьет пиво.

Через месяц «Сурганова и Оркестр» уехали в большой концертный тур по стране.

Мы встречались со Светой как раз в тот период, когда у меня бушевал невроз и моя жизнь ежедневно замутнялась горстью антидепрессантов и брызгами нейролептиков. Это меня бесило как постыдная болезнь, но она все не проходила. Более того, все мои друзья, да и врачи утверждали, что эта нервная зараза тянется именно потому, что я в нее погружаюсь, болею изо всех сил, мол, я несчастная жертва. И тут я вижу перед собой человека, который трудности перенес и оставил их позади с улыбкой и без сожаления. Без любимого мной растравления ран и привлечения общественного внимания. То есть мне было неизвестно, как это прошло для нее на самом деле, что она думала, что говорила себе, чего боялась и боялась ли вообще, но мне так хотелось, чтобы и все мои кошмары пошли на хуй.

Ну и у меня появился шанс узнать, что на самом деле думала Света в самые сложные периоды. Буду писать книгу, говорю, дашь мне супероткровенное интервью, как никогда в жизни?

«Да, — сказала Света, — только давай мы все за один раз сделаем, я не смогу потом этого повторить».

Я сижу в гостинице «Мариотт» на Тверской в Светином номере. Все выгладит так, как должно выглядеть в «Мариотте». Только что юноша из службы сервиса принес белые безличные чайнички. Света в длинной юбке ходит туда-сюда возле зеркала и гладит себя по голове. Голова у нее побрита. «…И вот некоторые люди, очевидно, получают удовольствие от этого, — это новый Светин директор Наташа показывает на фигуру, дефилирующую в ванную и обратно, — от поглаживания, я имею в виду, себя по отрастающим волосам».

«А с чем связано то, что ты побрилась, — кричу я Свете, — очиститься там, карму поменять?» Я удобно устраиваюсь в кресле и попутно выкладываю из пакета тяжелую бутылку темного рома. «А то мне Маша Макарова рассказывала, что когда они всей группой с Медведями побрились наголо в Индии и волосы свои в Ганг отправили, у всех карма поменялась. Кто пить бросил, кто семью завел, ну и все такое. А ты почему?»

Света села напротив, подвернув ноги под себя. «А мне вот захотелось, это так бодрит», — довольно уклончиво улыбнулась Света.

И сказала: «Я никогда не была на приеме у психоаналитика и никогда не была на исповеди, но я попробую».

Ну и мне показалось, что начинать говорить надо сначала, с

самого раннего детства.

Глава третья
А сила, брат, в любви

— Неужели ты не помнишь себя раньше, чем в три года?

— Нет, — говорит Света. У меня первое воспоминание, как я сижу под столом под круглым. Мы жили в коммуналке, и, когда кто-то приходил, раздавался такой пронзительный звонок, и я бежала под стол. Они заходили и начинали со мной сюсюкаться. Вообще ненавижу с детства взрослое лицемерие, я это видела и думала: неужели, боже мой, когда я стану взрослой, я буду такой же лицемеркой. И тогда дала себе слово, что нет.

— Что ты помнишь в 4 года?

— А почему ты не спрашиваешь, что было в 3 с половиной года?

— Ну, хорошо, что было в 3,5 года?

— А в это время как раз произошло нечто очень важное. В 3,5 года первый раз я осознала, что такое смерть. Я осознала, что бабушка умрет первой, и я первый раз заплакала горючими слезами.

— А бабушка твоя ведь еще долго потом прожила…

— Да, Зоя Михайловна прожила до 84 лет. Но все эти годы, пока она жила, я готовилась внутренне к ее смерти. Я пыталась с этим примириться. Я боялась свихнуться и не суметь это достойно принять. Да, вот еще одно понятие: достойно реагировать на какие-то сложности, достойно выходить, красиво. Не показно, а просто достойно. Больше всего я с детства боялась чьих бы то ни было слез, особенно слез родных и близких.

Еще одним человеком, которого нужно непременно оберегать и о котором нужно заботиться, была для Светы мама. То есть опорой в семье из трех женщин была Света.

Папа же был существом мифическим.

> **Света:** Ну, во-первых, потому, что его никогда не было. Сильнейшим впечатлением из детства было, шоком, когда воспитательница детского сада спросила: а кто твой папа. А я ни хрена не знаю, кто мой папа, я его в глаза не видела. И тут мне сказали обычную версию: ну, типа, летчик-испытатель, папа погиб. Где-то на задании. Он умер при отважных обстоятельствах. Через несколько лет, может быть, это были первые классы, была преподнесена вторая версия: папа оставил нас. Это приобрело негативный оттенок, он предал нашу семью, и

вообще-то лучше о нем не говорить и не вспоминать. В 25 лет я узнала, что к этому семейству Сургановых мало имею отношения. Что я не родная дочь. Мама сама сказала. Был очень острый момент. И она раскрывает карты. У меня был шок.

Света не собиралась разыскивать своих биологических родителей, чтобы не оскорблять и не обижать свою семью. Тем более что Света была для мамы самым близким человеком все эти долгие годы.

Света: Я ей предлагала. Я говорила, что я абсолютно не против, если у тебя появится друг, если ты с кем-то соединишь свою судьбу. У нее был один друг, ну, правда, они были только друзьями. Этот человек был ее старше, и она просто за ним ухаживала. Я это приветствовала, говорила: ты эффектная, умнейшая, с прекраснейшим чувством юмором женщина, у тебя должна быть личная жизнь… Она говорила: нет, мне это не надо. Она самодостаточная. Ну, понятно в кого я.

Я представляю себе картину: девочка с мамой в коммунальной квартире.

Света года в 3 любила «читать» газету «Правда». Когда она ее раскладывала, разворачивала в полный рост, «Правда» занимала все место в комнате от стенки до стенки. Размер совпадал. Вот и представляю, как разворачивает. Как потом приходит ее мама, и они вместе сидят на кровати.

Мама и дочка. Говорят о чем-то, что-то вместе делают. Громко поют в ванной. Звонкий детский голос выводит революционное «Шел отряд по берегу». Потом соседка по коммуналке прибегает за какой-нибудь ерундой и говорит с мамой: а почему бы тебе не отдать дочку в музыкальную школу, у нее же явные способности? И Света отправляется в музыкальную школу. Впервые видит перед собой загадочный и волшебный инструмент — скрипку. Учительница ей объясняет, что смычок надо натирать канифолью и дает ей большой такой кусочек канифоли. И Света целенаправленно начинает натирать волоски, туда-сюда без остановки, пока весь кусочек не стерся. Как сказали потом близкие ей люди: «В этом она вся, если уж начала, то доведет до самого конца».

Света рисует в воздухе очертания табурета: «Меня ставили на табурет со скрипкой. Я была очень маленькая. Как Дюймовочка. У меня была самая маленькая скрипка в мире».

Мне, кстати, тоже хотелось играть на скрипке в детстве, а

отдали меня все-таки учиться на банальном пианино. А была б у меня скрипка…

Мы выпиваем еще рома и продолжаем.

Света рассказывает про свое детство, про самый обычный класс в самой обычной школе, 40 в среднем человек в классе. Милые ребята из неблагополучных семей, милые ребята из благополучных семей — все спились. В школе Света почему-то продвигалась по комсомольской линии.

Она рассказывает, а я думаю: а, интересно, сейчас какая-нибудь общественная деятельность в школе есть, ну хоть бы политинформация какая-нибудь, хотя вряд ли.

Свою карьеру общественницы Света начинала как командир звездочки (я даже не знаю, как это сейчас объяснить, ну, командир над 5-ю человеками, что-то вроде того). Потом была комсоргом класса, а потом стала главной комсомолкой в школе, секретарем комитета комсомола.

— А ты во все это верила вообще? — не удерживаюсь я.

— Ну, для меня это была скорее игра, — отвечает Света.

— Я тебе больше скажу: были идеалы. А сама комсомольская карьера меня мало воодушевляла. Просто я была влюблена. Вот была такая должность — заместитель директора по внеклассной работе. Этот человек занимался вот этой белибердой милой, всякими комсоргами. Это была одна из сильнейших влюбленностей. Мне было все равно, чем я занимаюсь, как я занимаюсь. Мне было важно присутствие этого человека рядом. Видимо, это результат депривации.

Вот ведь, думаю, медиком Света быть не перестала. А что это?

— Депривация — лишение чего-то, нехватка. Я где-то на подкорке сознательно или несознательно находила для себя людей, которые мне в какой-то степени заменяли мать или отца.

Мда, я сижу и раздумываю над Светиными словами. В голове застучала мысль, что Света сейчас безумно откровенна на самом деле, и, может быть, у меня именно поэтому не получится сделать из нее такой крупными мазками героический образ. И чего мне вдруг взбрело именно героический? Сидит рядом подвижная девушка с бритой, заметьте, головой, в толстой юбке, хлещет ром со мной, а я терзаюсь жанровыми сомнениями.

Света улыбается мне: «Я пребывала в состоянии хронической влюбленности. Начиная с 13 лет».

Первой Светиной симпатией был одноклассник, которому, как она говорит, благодарна по гроб жизни, потому что он

«спровоцировал» ее играть на гитаре. На тот момент Света заканчивала музыкальную школу и вовсю играла на скрипке, а он, мало того что за ней ухаживал, так еще и единственный из всех играл на гитаре. И еще был отличником и шикарно знал алгебру. Алгебру! Света себе сказала: «Я никогда не выучу алгебру и вообще не узнаю, что это такое, но хотя бы на гитаре играть смогу научиться». И научилась. А потом они поехали в лагерь труда и отдыха. Была раньше такая традиция отсылать школьников пропалывать турнепс или собирать свеклу. Их класс тоже поехал в такой лагерь. А там бараки, двухэтажные кровати и все такое. И был в этом лагере отдельный барак, где проходили дискотеки. И на одном из вечеров Света была ди-джеем на пару с кем-то из ребят.

Света: Диджейский пульт и танцпол отделяла стенка с таким раздаточным окном, как в столовой. Туда можно было голову просунуть, но не пролезть. И мой воздыхатель подходит к этому окошечку и говорит: пойдем потанцуем. Он по ту сторону окна, а я по эту. Я тогда чуть в обморок от счастья не упала, боже мой, он приглашает меня танцевать. Но почему-то по какой-то несусветной глупости я постеснялась пролезть в это окошечко, дверь была закрыта. Побоялась быть неловкой, некрасивой, неизящной. Пролезть в это окошко, и броситься к нему в объятия, и протанцевать этот танец. Вместо того, что бы это проделать, я ему сухо отвечаю: нет. Что делает молодой человек в 8 классе, когда ему отвечают «нет» — он тут же берет другую девушку и закручивает с ней разные танцы-обжиманцы.

Это была моя первая такая травма. Это была моя первая женская глупость.

(Решительно ударяет ладонью.)

Надо было тупо пролезть в это окно. Как угодно, ногами вперед. Вот если бы я это сделала, я сейчас не была бы тем, кем я сейчас являюсь. А с другой стороны и хорошо, что я туда не пролезла. Была бы я сейчас женой подводника. Мы виделись как-то разок. Он такой стройный, тощий, долговязый, красивый в форме. Но нам не о чем было говорить. Все очень мило, но говорить не о чем.

Слушаю я сижу Свету и думаю: вот поедем мы на гастроли в город, где живет моя первая любовь, я позвоню, мы встретимся, а говорить с человеком, может, будет и не о чем. И куда-то волшебство девается… Наверное, туда же, куда и детство.

Мы говорили и говорили, и все получалось, что о любви. У Светы находилось множество слов и оттенков и полутонов, чтобы описать влюбленности, сменяющие одна другую. Это собственно и было, и есть суть всего, на эти оттенки и полутона и нанизывается то, что я пытаюсь приземлить и оконкретить как творческий путь сидящего передо мной человека. Причем у меня-то как раз все устроено совсем по-другому.

— А когда ты целоваться начала?

— Да я прям сызмальства начала целоваться. Ой, люблю это дело (смеется).

> **Света:** Меня поглощало это занятие прямо в 7 лет. Я тогда не читала еще Цветаеву, но совершенно согласна с ней, что жизнь длится во время поцелуя. Надо целоваться. И я с удовольствием этим занималась. Это было так порочно и развратно. Под таким секретом от родителей, а играли тут же за углом у пожарной лестницы в бутылочку. Когда остальные дети начали трахаться, я стала совсем целомудренной. Я свое отцеловала. У меня все в поэтику пошло, в творческую сублимацию. Первый опыт… Знакомство с телом другого. Ты знакомишься с чьим-то телом, и кто-то позволяет тебя знакомиться с твоим организмом. Это интрига, это очень волновало и будоражило. Я вообще по природе своей сенсорик. Мне очень важно ощущение кожи. Самые первые тактильные познавания друг друга с детского садика начались. Я помню, что мы там на раскладушечках лежали валетиком. Кто-то гладил мою ногу, а я гладила тоже ножку кого-то ребенка. Не помню уже, какого. Это были первые желания тактильные, контактировать. Как дельфины, они трутся друг об друга, им тоже это надо.

— А что, Света, смысл жизни — это любовь?

— Да, конечно, эту мерзкую человеческую жизнь и все гадости, которые люди творят, может оправдать только любовь.

Фактически мы со Светой были как два персонажа из фильма «Брат-2». Один спрашивает другого «В чем сила, брат?» И этот другой как календарик-переливашка: то киллер, то бомж, то еще кто. И в итоге диалога с Другим Брат-2 понимает, что сила — в правде.

А из нашего разговора понятно, что сила — в любви.

Глава четвертая

Каждая Светина песня — это всегда посвящение кому-то. Хотя есть несколько песен-исключений из правила. Когда Света училась в медучилище, там проходили разные конкурсы самодеятельности, в том числе и конкурс политической песни. Тогда бурно отмечался день рождения комсомола. И нужно было исполнять со сцены комсомольские песни разных лет. Свете и ее группе по жребию достались песни первых пятилеток. Нужно было их где-то откопать, выучить, ну и, в общем, Света их сама придумала. Такой задорный бред был на музыку положен. «Шагайте дружно в ногу с поколением…» — что-то такое. И… они выиграли. И понеслась музыкально-медицинская карьера. Вся Светина команда пришла на конкурс в хирургических халатах, это те, у которых завязочки сзади. Мне потом даже попалась какая-то архивная заметка про тот самый конкурс, и кто-то вспоминал, что 5-е медучилище что-то пели, выиграли и что все они были именно в хирургических халатах.

Светино медицинское образование в целом продолжалось десять лет. Сначала училище, потом медицинский педиатрический санкт-петербургский, ленинградский даже, институт, который потом переименовали в академию.

И меня, честно говоря, удивляет, почему Света так и не работала врачом. Она такое количество раз и в песнях, и в жизни обращается к медицине, оперирует специфическими врачебными терминами постоянно, у нее есть в тексте «Белых людей» «неанатальные» сны, упоминает разные «депривации», и это все никому просто так в голову не придет, кроме медика. И вообще, Света кажется таким человеком, с которым хочется поделиться своей занозой и услышать от нее дельное что-то в ответ. По-моему, врачи как раз такие быть должны.

> **Света:** Слова и трупы — разные вещи. Я не люблю детские трупы, я боюсь их. Я никогда не смогла бы быть врачом. Ну, собственно, как и взрослые трупы.
>
> **Я:** Ну а трупы обязательны?
>
> **Света:** В медицине — безусловно. Без этого никак. У меня идет всю жизнь осознание и познание смерти. Вообще, это, пожалуй, единственная тема, которая меня интересует по большому счету от и до, идея смерти. А, собственно, ничего другого в жизни нет интересного, кроме как смерть. Любовь? Ну да, все равно это то, что в итоге нас приведет к смерти, как один из пунктов. Вот, самое загадочное, что есть в жизни — это смерть. В

медицине она слишком очевидна.

Я: А тебе эти знания медицинские вообще в жизни пригождались?

Света: Ну, конечно, как пациенту.

Я: А не было таких случаев, что кто-то говорит: ах, кому-то плохо, а ты сразу говоришь: я знаю, что делать, что-то вроде этого, как бывает в фильмах.

Света: Если друзья обращаются, я, по крайней мере, могу кого-то направить к нужному специалисту, или оценить сложность ситуации и сказать человеку, насколько ему нужно быстро принимать меры ну или сколько ему жить осталось, например. Тогда у Юла я поняла, что это меланома и ему осталось жить полгода… однако, молодец, он прожил полтора.

Я: Он жив или нет?

Света: Нет, он умер.

Я: Это вот тот парень, про которого ты говорила у себя дома, когда мы ели солдатский взрывпакет, ну, сухпаек?

Света: Да, Юл Абрамов, тогда еще он был жив.

Я: А что такое меланома?

Света: Это злокачественная опухоль из меланоцитов. Он сковырнул родинку, он занимался каратэ, она была на тыльной стороне стопы, он ее механически травмировал, и потом это разрослось в меланому. Это самая злокачественная опухоль, которую можно придумать, молниеносные метастазы, она не лечится, от нее просто стопроцентная летальность, дело в сроках. Вот он, по-моему, покорил все сроки. С таким диагнозом живут полгода, год максимум. Ну, мы, как могли, отвлекали, песенками, записывали что-то, бодрили с Валеркой Тхаем, старались его поддержать. Достойно ушел, молодец. Классный парень, классный поэт, классный музыкант.

Я: А вот эти песни его, они как-то в природе есть сейчас?…

Света: Да, будут. Это мой долг, это наш долг, мы это сделаем обязательно. Материалы есть, мы успели записать его.

Он рассказывал ей о себе и показал ногу. Света сразу все поняла и спросила: «А что врачи говорят?» А он ответил, да вот, на обследование отправили. Света сказала: ты мне справочку-то принеси, хотя было все понятно. Ни Света, ни врачи ему поначалу

ничего не рассказали.

> **Света:** В последнее время я вообще говорила: Танюха (это жена его), пока у Юла есть силы, давайте просто вот, езжайте, куда хотите, на Канары хоть на неделю. Я спрашивала: ты вообще Юла любишь, ты хочешь от него ребенка? Если человека любишь, то хочешь после него что-то оставить, даже зная, что человек скоро умрет. Не знаю, я бы сделала все, чтобы что-то оставить после человека, там забеременела бы. Почему Таня этого не сделала, я не понимаю. Я готова была там денег дать, говорю, езжайте, Танюха, вот у вас есть мечта, где бы вы хотели побывать? Я считаю, что если вот какая-то есть уже предрешенность, нужно или доделать начатое дело — дописать альбом или там, если нет такого дела, ну просто оторваться, съездить там куда-то, заветную мечту исполнить, на полную катушку, и все. Я так сожалею, что они никуда не поехали. Надо было съездить. А ей обязательно забеременеть.

У меня в голове заиграла песня «Оставь хоть что-нибудь на память о себе».

«Ну еще, — сказала Света после большой паузы, — возвращаясь к медицинскому образованию моему, — во время мединститута и после института была эпоха снайперизма, который живуч, горюч и дерзновенен».

> **Я:** Это кто придумал вообще?
>
> **Света:** Мы с Динкой придумали. «Живуч, горюч и дерзновенен» — я тут с себя снимаю ответственность, наверное, это все-таки стопроцентно Динка, а само название «Ночные снайперы» — это наша история, абсолютно наша. Приятно, что это название живет до сих пор.
>
> **Я:** А вы на каком курсе познакомились?
>
> **Света:** На третьем, был 1993 год.

Глава пятая
Лауреат и дипломант

И тут мне стало понятно, что уж если я буду писать книгу, то это место мне как автору будет серьезным вызовом. Место, посвященное истории дуэта, а потом группы «Ночные снайперы». Вкратце фабула такова. Светлана Сурганова и Диана Арбенина

почти 10 лет были «Ночными снайперами». За эти годы их содружество стало сначала, не люблю это слово, но оно в данном случае будет уместно, культовым, а потом приобрело общероссийскую известность и популярность. Потом Диана попросила Свету уйти. Света ушла, Диана осталась во главе «Ночных снайперов». За этим кратким изложением стоит множество версий и трактовок, и моя может хромать хотя бы по той причине, что я разговариваю с одним действующим лицом из двух. Кроме этого, сейчас каждая из них — предмет обожания для сотен тысяч людей.

И поэтому история группы «Ночные снайперы» была любовно собрана из воспоминаний очевидцев, пожелтевших статей и интервью десятилетней давности и есть в интернете на добром десятке фанатских сайтов. По собранным историческим фактам и архивным записям, по почти религиозному благоговению ко всему, что с ними связано, «Ночные снайперы» в лице Светы и Дианы могут посоревноваться с группой «Кино».

Эти самые строки я пишу как раз в тот момент, когда и я, и Света, и Диана выступили на фестивале в Эммаусе. Их теперь специально ставят в разные дни, чтобы публики собралось побольше и чтобы вся она осталась на эти дни в палатках, посмотрела сегодня одну любимицу, завтра другую. По-моему, в эти солнечные летние дни они, Света и Диана, так и не пересеклись, организаторы это предусмотрели.

> **Света:** Конечно, Динка была мощнейшим фактором, который сподвиг меня на этот подвиг — заниматься музыкой. Ну, собственно, если бы ее не было, я бы… все было бы иначе, конечно. Это судьбоносная была встреча.

Они встретились 19 августа 1993 года. У Дианы и Светы была общая знакомая, одноклассница Дианы. Она их и познакомила. Сказала, что, мол, есть классная девчонка, которая пишет классные песни. Диана училась учить иностранцев русскому языку в Магаданском пединституте и приехала в Питер на каникулы, как это тогда называлось, «на материк». Света жила возле Таврического сада в коммуналке, где, как водится, ванная на кухне и длинный темный коридор. Там они стали петь друг другу песни, передавая гитару, общаться и пить популярные тогда сладкие, химического цвета ликеры, кажется, банановый и грейпфрутовый. Диана ей тогда сказала: «Меньше говори — больше пой». Света подумала: «Какая наглость, мне ещё рот затыкает. Я тогда не знала, что у нее просто такая особенная манера речи. Это она меня хвалила тогда». И они запелись часов до 12-ти, еле успели на метро, ехали в машине «Скорой

помощи»… А на следующий день Света достала из-под кровати пыльный футляр и сказала: «Кстати, я играю на скрипке».

За ближайшую неделю с того момента, как они познакомились, Света и Диана переложили на 2 голоса несколько песен, сделали аранжировки для гитары и скрипки, и еще через неделю их акустический дуэт дебютировал на Втором Всероссийском фестивале авторской песни там же, в Питере, и они стали его лауреатами. Сейчас, если попытаться найти в поисковых системах хоть какую-то информацию об этом самом фестивале, то единственное, что сразу же выдает поиск — это Дина и Света. Видимо, тот далекий конкурс бардов и нужен был для истории, чтобы вывести их на орбиту. И очень скоро свежеиспеченные лауреаты расстались. Диана вернулась в Магадан в свой пед, а Света осталась в Питере. Несколько месяцев раздумий, переписки и телефонных счетов на круглую сумму — и она отправляется в Магадан. Берет рискованный академический отпуск на последнем курсе института.

> **Я:** А почему ты поехала в Магадан?
>
> **Света:** А знаешь, в жизни приходит время принимать решения. Я поняла, что мне надо это сделать. После описания некоторых событий, которые происходили с Динкой, я поняла, что что-то не так, волнительно стало за нее.

Что там происходило с ней? Ну какие-то такие события.

Света не конкретизирует. Родители обеих отнеслись к этому шагу резко отрицательно. Правда, Свете уже было 25, а Диане 19. Это и был, как я понимаю, тот «острый момент», во время которого Светина мама и рассказала ей, что она не родная дочь. В сердцах.

> **Света:** Был такой момент. Я захотела как-то уйти из жизни. Самоубийство, да… Это было очень смешно. Я решила повеситься. Я напилась и решила повеситься. Думаю: как же это сделать. Нужен какой-то шнурок — не шнурок, ну, веревка, в общем. И тут мой взгляд падает на ручку от сумки, он был такой длинный, с карабином. Пошла на чердак, стала прилаживать за трубу там, все такое. Мамуля меня спасла. Она видела не совсем адекватное мое поведение и как-то сообразила, пошла на чердак и потихонечку-потихонечку меня увела. Признаюсь, я была нетрезва, и это решение было принято горячей головой и по горячим следам. И если бы это случилось, это была бы величайшая глупость,

которую по юности совершают многие юноши и девушки. Мне было уже лет 25–26. Уже началась моя магаданская история, на этой почве все и случилось.

А потом пришло четкое осознание каждой клеткой: ты все равно сдохнешь, какой смысл торопить события. Какое ты моральное право имеешь, пока на земле существует хотя бы один человек, которому ты можешь доставить боль этим фактом? С тех пор я не имею морального права на это. Сколько мне отведено, столько я и буду жить.

Вопрос не сколько, а как, насколько достойно.

В Магадане Света поселилась в семье у Дианы и прожила там полгода. Все это время они пели в казино «Империал». Как они описывали — итальянский шик, высокие стулья, крахмальные скатерти и воздух звенит от чистоты. Там не было ни одного игрового стола почему-то. Приходят солидные мужчины в костюмах с карманами, оттопыренными от пистолетов, и две хрупкие девушки поют для них со сцены свои песни. Не совсем обычный репертуар для казино, но посетители слушали. После их выступления обычно было варьете.

Света и Диана решили вернуться вместе в Петербург, но за полгода в казино они не заработали даже на билеты, потому что цены на авиаперевозки были для них недостижимыми. Они копили, копили, но денег все не хватало. Родители Дианы были, мягко говоря, «не за» то, чтобы девушки вернулись на Большую землю, поскольку для этого Диане надо было бросить институт. И дуэт продолжал выступать. Как-то зимой они возвращались с концерта с инструментами, и из окна машины их окликнул какой-то человек: «Девчата, вы с охоты или на охоту?» На Севере длинные футляры скорее всего значат ружья, поэтому он так и спросил, то ли пошутил, то ли всерьез.

Это и была кодовая фраза, из которой и родилось название «Ночные снайперы». Девушки отыграли в «Империале» 50 концертов. Время было тогда лихое, 94 год, и случались истории самые разные. Один раз какому-то бандиту понравилась песня «Тоска». Это, правда, уже в Питере было. Они спели ее, потом он подошел и попросил еще раз «песню про тоску». Девушки спели второй раз, потом третий, потом он пригласил их за свой столик. А там бандит-меломан как раз выяснял отношения с каким-то другим бандитом, отрезал ему ухо при девчонках и опять попросил спеть про тоску. И надо было ему улыбаться… Бывало, что играли на поминках, когда повесилась одна актриса, жена конферансье казино. Ей очень нравились песни «Снайперов»,

потому-то их там и пели.

А потом наступила весна, «Студенческая весна». Так назывался всероссийский фестиваль, на который девушки приехали в Самару. Они стали лауреатами в номинации «песенный жанр» и благодаря этому вернулись в желанный Питер.

— А вот, наверное, было бы интересно, — говорю я, сидя со Светой в гостинице глубокой уже ночью за бокалом рома, — было бы интересно вот так начать твой концерт: выходит дама в бархатном платье с бюстом, размером с детское креслице, и говорит низким звучным голосом: «А сейчас выступит Светла-а-ан-а-а Суррр-га-нова-аа, лауреат такого-то конкурса, дипломант таких-то конкурсов». Как тебе?

— Смешно, — отвечает Света, но не смеется..

— А тебе вообще звания важны?

— Вообще — нет. Я хочу быть народной артисткой России. Я же люблю народ наш, и народ, по-моему, меня любит.

Мне совершенно непонятно, серьезно она это говорит или нет.

Глава шестая
Легенды и мифы о двух девицах-певицах

Мы возвращаемся к снайперской истории. За весь тот период, почти 10 лет, Света фактически перестала писать песни. Появлялись очень редкие, которые можно было пересчитать по пальцам одной руки. Света говорит, что она как бы была фоном для творчества Дианы, музыкантом, подыгрывавшим ей на скрипке, человеком, чьи творческие силы уходили на то, чтобы как-то поддерживать, сопереживать, выдавать свои музыкальные идеи, аранжировать, но не писать и не петь свои песни.

В Питере «Снайперы» играли по клубам. Честно говоря, и сейчас рок-клубов, сделанных по современным стандартам, в Санкт-Петербурге почти нет, а тогда и подавно. Заведения были небольшие и темноватые, но акустическая программа гитары и скрипки слушалась там органично.

Сейчас в 2006 году песни и Дианы, и Светланы звучат современно. Как состоявшиеся рок-звезды они могут позволить себе лучших саунд-продюсеров, могут позволить себе собственную звукозаписывающую студию. Очень, кстати, уютную. У меня в квартире тоже таким камнем облицована стена. А можно песни сводить в Лондоне, что и делается, артисты успешные, деньги есть вроде.

В 95 они вдвоем стояли возле бильярдного стола в дальнем микрорайоне Рыбацкий. В бильярдной лузе был закреплен

микрофон, который тянулся к кассетному магнитофону. Диана пела, Света записывала. Сборник песен назвали «Вторая пуля» и подарили Светиной однокурснице на день рождения. Это и были первые записи «Ночных снайперов».

Они продолжали играть по клубам и даже ездить по стране. И Света, и Диана наконец закончили свое высшее образование и получили дипломы. Тот период был голодным, но задорным. И о нем существует масса легенд, про которые уже не ясно, правда ли это или выдумка. Например, история про концерт в самолете. Девушки возвращались с фестиваля женского вокала в Тюмени. И тут пассажир, который видел их выступление, стал просить «Снайперов» спеть. Стюардесса тут же заявила: «За аренду помещения неплохо бы заплатить». Требовательный пассажир тут же достал деньги и отдал нужную сумму. Концерт состоялся. Сквозь шум самолетного мотора неслось «жить осталось чуть-чуть…»

Света и Диана снимали вместе комнату в коммуналке на улице Плеханова за страшные по тем временам деньги — 50 долларов. На белой кухонной стене Света вывела зеленой краской исторические слова «Снайперизм могуч, горюч и дерзновенен». Все эти качества им были просто совершенно необходимы, потому что, несмотря на бесспорный талант и уникальность их содружества, признание пока не пришло. Им приходилось основательно себя сдерживать в тратах и в еде. Основной приправой был соевый соус, которого было больше, чем самой еды. А едой, как правило, была китайская лапша быстрого приготовления. Света еще продавала пирожки с морковью. Какие-то нетрадиционные, на мой взгляд, пирожки, обычно вроде бы с мясом, с капустой, а эти с морковью. Она ходила по холодной студенческой общаге вечером и предлагала их студентам. Пирожки отчего-то не брали. Тогда отдавали «за так»: возьмете даром — возьмем. Вместе они клеили предвыборные листовки в пользу кандидата Смирнова. Господин Смирнов должен, я считаю, сейчас этим фактом гордиться.

> **Света:** Была предвыборная кампания, и наша задача была распространить листовки депутата Смирнова. Нам нужно было на каждом столбе расклеить листовки, нам выдали крахмал, мы должны были сварить клей. Но мы поняли, что это не нужно совершенно. Мы просто плевали на эти листовки: был такой сильный мороз, что моментально все примерзало к дому, к столбу. Нас хватило минут на 15. Больше выдержать на 35-градусном морозе было невозможно. Мы решили согреться, развели

огромный костер из оставшихся листовок. Депутат Смирнов нас согрел.

Еще Света занималась массажем. Очень здорово, скажу я вам, Света делает массаж, она мне один раз шею растерла, все прошло сразу, так что уверенно скажу: мастер.

Света: Мне последняя клиентка попалась очень богатая, то есть понятно, что она будет заказывать массажи еще и еще, что ей нужен постоянный массажист, курс массажа, а тогда это были хорошие деньги, реальная подмога. И после третьего сеанса с ней я попадаю в больницу. Да, ну перитонит, вся эта история, и так было обидно, я лежу в этом приемном покое и думаю не о том, что я могу сейчас сдохнуть, а о том, что такую клиентку потеряла. И еще параллельно с этим была малярная практика. Сосед по коммуналке подогнал заказ на Гражданке красить окна там и все такое. Я поработала буквально два дня, потом за меня дорабатывала Динка. Нельзя было терять объект, вот это место рабочее. И вот я была в больнице, а Динка малярничала, а потом приезжала после этой работы и со мной виделась. Она меня тогда колоссально поддержала. И был еще, конечно, «Граф Суворов».

О том, как выглядит рыба осетр, и о том, что рыба эта из дорогих сортов, Света узнала в то примерно время, когда работала посудомойкой в ресторане «Граф Суворов» на Садовой. Просто денег почти не было, концерты не кормили, и кто-то из них и сорвал объявление, мол, требуется посудомойка. Она мыла посуду до 12 ночи, были еще какие-то дежурства. Мы, кстати, сходили со Светланой недавно в этот «Граф Суворов». Классическое такое охотничье заведение с русской кухней. Света прошла в «посудомойную». «Да, а столик этот не здесь стоял», — говорит. Всякие ресторанные работники сбежались к нам и стали у Светы расспрашивать, как у нее жизнь звездная, особенно разговорился ее начальник бывший, мол, у меня самого дела идут так-то, а у тебя? Было ощущение, что это как будто встреча выпускников в школе. Тут мне пришла в голову мысль, что на раковину эту надо бы было дощечку мемориальную прикрепить, дескать, тут в таком-то году мыла посуду собственными руками Светлана Сурганова таким-то средством для мытья посуды, а здесь держала губки. А что, было бы смешно.

Хотя не смешно вообще-то. Я сижу и прикидываю, что вот этот вот номер пятизвездочный, где мы сейчас сидим, и кухню

ресторана «Граф Суворов» отделяют 7 лет всего. Значит, это было в 99 году. Тогда меня как раз сделали специальным корреспондентом программы «Время» на первом канале и мне казалось, что раз все так хорошо у меня идет с тележурналистикой, то, значит, о музыке можно забыть, потому что прожить на заработки музыканта нельзя. И в это время, значит, девушки как раз поняли, что заниматься стоит только музыкой, потому что мыть посуду, давать уроки английского и в это же время сочинять и исполнять песни нельзя. Потому и окунулись в музыку. Вместе с мужчинами, которые пришли из легендарного «Наутилуса», чтобы играть новую электрическую программу «Ночных снайперов». Это были басист и барабанщик. Позже мужская составляющая группы чуть изменилась. Программа утяжелилась и обрела неповторимый звук с дополнением скрипки и двух вокалов, то само характерное звучание «Снайперов», о котором до сих пор ностальгически вздыхают поклонники. И в истории группы наступил перелом. Звезды потихонечку, но неминуемо стали приближаться к протянутым ладоням двух девушек.

Света говорит, что с тех пор, как ее попросили уйти из «Ночных снайперов», ни один из парней ей так и не позвонил. Ну, да и бог с этим, пусть всем нам будет хорошо. За это мы и выпили.

Зато я обожаю разные бытовые подробности, что было надето, что герои ели на завтрак, какими духами пах платок, что лошадь Вронского звали Фру-Фру, что месье Каренин любил щелкать костяшками пальцев, и что брезгливый Остап выбросил каравай на дорогу, после того как Паниковский проковырял в нем мышиную дырочку. К таким фактам я отношу, например, то странное для меня обстоятельство, что первый (двойной) альбом «Снайперов» был записан в лектории питерского зоопарка. То есть выглянешь — а там слоны, повернешься — тут тебе тигры, закрываешь двери-окна — тут тебе студия. Кстати, мы сами тут с группой Butch выступали недавно в Рязани в «Планетарии». «Где-где?» — переспросила моя подруга, Юля, кстати, та самая, которая и принесла давным-давно первые диски «Снайперов». «В планетарии», — говорю. «Ну вот, — смеется она, — теперь выступаем в планетариях, дельфинариях».

«Снайперы», вернемся к ним все-таки, записали в зоопарке тот самый двухдисковый альбом «Капля дегтя в бочке меда», который кто-то у меня увел. Легенда гласит, что 27 песен Диана и Света записали за 2 часа. Мне как музыканту в это поверить трудно, но бывает всякое. Ну, и на песни с этого альбома обратили внимание радиостанции. Хотя первой изо всех утюгов

заиграла уже «31 весна». Я помню, что мне тогда пришло в голову, что эта вот девушка, ну та девушка, которая поет эту песню, не знаю ее имени, зачем-то поет, что ей 31 год, и это должно не нравится всем, кому меньше 31 года. «Белогвардейщина», — хлестко припечатал мой тогдашний партнер Серега Петухов. «Махровая белогвардейщина — все эти скрипки, пение в нос, высокий штиль, да ну…», — одним словом мы, люди собиравшиеся делать ультрасовременную прозападную музыку, сочли этот музон каким-то ретро. У нас-то в группе Butch все должно было быть круто и круто очень скоро. В теории. Потому что ничего еще не было у нас, ни группы, ни даже песен. А критиковать других едко мы уже хотели. Чем, собственно, и занимались.

Глава седьмая
Завоевание утюгов или «…и за борт ее бросает»

Потом обложки запестрели лицами двух девушек с плотно сжатыми губами. Моя подруга делала им фотосессию для одного музыкального журнала и сказала только: «Ой, они такие разные». В какой-то момент эти лица как будто стали везде, покупаешь газетку в метро — они; идешь — стоит журнал с фотографией, и по телику лица замелькали тоже. Обычно артистам кажется, что какая б ни была пиар-поддержка их в прессе, ее все равно мало. Может, и «Снайперам» так казалось, я не знаю. Но было очевидно, что за них взялась серьезная раскруточная машина.

Вот знаете, есть такие машинки специальные банки закатывать с вареньем, огурцами маринованными. Они называются машинки для закрутки. А есть машинки для раскрутки. То есть звукозаписывающие компании, или лейблы, или продюсерские центры. Мне и моей группе тогда безумно нужно было такую заполучить, потому что мы понимали, что только такая контора сделает нас известными. Оказалось, что «Снайперами» занимается главный по рок-музыке лейбл «Реал-рекордс». Они подписали контракт осенью 2000 года. Не знаю, как в других отраслях промышленности, а в развлекательной все стремится к монополии. И монополия существует. «Реал-рекордс» шесть лет назад был, как мне кажется, монополистом в области продвижения рок-музыки в массы.

Это как раз было время сразу после «Брата-2», когда рок-музыканты были гораздо более интересны настоящим парням типа Данилы Багрова и настоящим девчонкам типа, ну не знаю кого, Салтыковой, более интересны, чем попса. Короче говоря,

рок стал мейнстримом, и рок-музыкантов после Мумий Тролля и Земфиры стали раскручивать вполне попсовыми методами. То есть посредством вложения каких-то (скорее серьезных) денег и, главное, ротаций. По радио и по телевидению. И рокеры играли из всех утюгов страны. «Реал-рекордс» имел негласные, но родственные связи с основной рок-радиостанцией и одним из центральных каналов. Эта компания не обязательно делала из своих артистов звезд, но возможности такие у нее были, а ни у кого вокруг не было. Ну, например, была такая телепрограмма на центральном канале — «Реальная музыка». Эфир у нее, конечно, был глухой ночью, но зато ее могли смотреть все континенты, кроме Антарктиды. Артистов «Реала» там показывали вовсю, других очень скупо. «Наше радио» давало артистам «Реала» зеленый свет и наоборот. Короче, это была самая бесперебойная раскруточная машина для рокеров. И вот такая компания занялась «Ночными снайперами». То, что до меня доносилось через многоликих общих знакомых, было таково: артисту икс выделили вон сколько денег на съемки клипа, а нашим совсем чуть, песни, которые «Снайперы» принесли, там назвали «потоком мыслей» и сказали, что вот, мол, про блюдца — это да, это хит, а ваше, ну что это такое, одним словом, народ не полюбит.

Однако машина все же работала исправно и демонстрировала истории двух золушек на примере группы «Ночные снайперы». Хотя нестыковки с компанией привели к тому, что группа передоверила потом свое продвижение продюсеру групп «Сплин» и «Би-2» Александру Пономареву. Насколько я понимаю, многим поклонникам, особенно тем, кто преданно следил за творчеством дуэта все эти годы, раскрутка коллектива не нравилась. Девушки ускользали с отведенного им теплого места культовых певиц, группы для избранных, только для своих и настойчиво продвигались ко всем остальным. За 2001 год «Ночные снайперы» выступили на всех крупных музыкальных мероприятиях страны и лучших площадках обеих столиц. Фестивали «Максидром» и «Нашествие», фестиваль журнала Fuzz в «Юбилейном» и все такое.

Пресс-поддержкой новых звезд ведало самое искушенное и, по-моему, единственное на тот момент пиар-агентство в области рок-музыки «Кушнир продакшн». Это агентство всегда отличалось изобретательностью, и даже когда в жизни артистов совершенно ничего не происходило, рутинные будни, «Кушнир продакшн» умудрялся писать саги о накормленных бездомных собаках, переведенных через улицу старушках удачно и неудачно — шутка, короче, выдумывало истории как могло. Почти сто

процентов новостей было про Диану. Увлечение боди-артом, освоение китайской чайной церемонии, управление истребителем во время исполнения фигур высшего пилотажа, участие в автогонках и многое другое из жизни одной из «Снайперов». Света в новостях группы фактически не фигурировала. Шила в мешке не утаишь, и фанатскую среду терзали слухи о размолвке между двумя снайперами и возможном распаде коллектива. С одной стороны это их пугало, с другой стороны ужасно волновало и интриговало. Это было темой для бесконечных разговоров на множестве сайтов и форумов имени группы «Ночные снайперы».

Как мне кажется, группа завоевала сердца своей публики не только песнями и страстными эмоциями на концерте, но и тем, что их было именно две девушки, между которыми происходили «сложнопостановочные отношения». За отношениями можно было следить по репликам на концерте, взглядам, интервью можно было интерпретировать и додумывать. Обязательно находился свидетель какого-нибудь разговора Светы и Дианы между собой или с третьими лицами. Кто-то обязательно был на той квартире, кто-то обязательно случайно зашел в гости в то время, как они…, в то время как у них… с кем она… и рассказал еще паре десятков человек, а те еще паре десятков, и так вот «цыганское радио» снабжало всех страждущих более менее достоверной информацией из жизни обеих. Тем более что они тогда, как все начинающие звезды, не научились еще отделять свою жизнь стеклянной стеной от остального мира, и обе постоянно соприкасались с людьми по ту сторону сцены. То есть отношения Светы и Дианы были поклонникам безумно важны. Поэтому попытки нивелировать роль Светы в коллективе и настойчивые утверждения, что она просто одна из музыкантов, выглядели очень красноречиво.

— Почему с вами не приехала Света? Вы же всегда были дуэтом?

— Называть «Ночные Снайперы» дуэтом не стоит. Нас на сцене пятеро, и у каждого свои обязанности. Света занимается аранжировками, играет на скрипке. А я интервью даю. Так как все песни написаны мной, то мне и слово держать — зачем другим отвечать за меня?

(«Ночная снайперша» полдня просидела в «обезьяннике», Экспресс-газета, апрель 2000)

Вариаций на тему, «а где Света» была за эти 2 года, масса.

Это только на сцене Диана и Света вместе. А в жизни они все

делают по особице. Поэтому МОЛОТКУ пришлось ловить их поштучно. Сегодня он поймал и ПРИГВОЗДИЛ Диану Арбенину. Пока ловил, думал о грустном: ходят слухи о распаде группы из-за ссоры двух подруг. Поэтому, поймав Диану в оптический прицел, МОЛОТОК спросил, прищурясь:

— Ну что? Разбегаетесь? Каждый за себя?

— Не дождетесь! Это все гнусные домыслы завистников. Они неизбежно появляются вокруг команды, которая на гребне волны. У нас прекрасные отношения, и группа будет жить еще долгие годы. Вот сейчас мы пишем второй альбом.

(Мини-испытания…, Молоток 1640, 2001)

— Слушай, а почему ты даешь интервью одна? Где же Светлана Сурганова?

— Дело в том, что она этого делать не любит. Это во-первых. Во-вторых, у нас в группе есть распределение обязанностей. В данный момент Светка в Питере занимается аранжировками, я сегодня, например, разговариваю с общественностью в твоем лице. А потом я не говорю ничего такого, под чем она не может подписаться. Мы просто знакомы уже девять лет и друг другом просто пропитаны, я прекрасно знаю, как она относится к какой-нибудь проблеме.

(«Двустволка», МК-Бульвар 2002)

— В последнее время ты стала одна говорить от имени всей группы. Почему замолчала твоя «вторая половинка» Света Сурганова?

— Потому что в альбоме — сто процентов моего материала. Стало быть, и ответ мне держать.

— А Света перестала писать песни?

— Нет, просто для «Цунами» мы отобрали 14 песен, написанных мной. Никто ее не неволит не писать песни. Просто из тех 28, что услышала страна (две пластинки), — 27 песен моих, и одна — ее. Поэтому я считаю себя вправе ответить на все вопросы.

— Ну ты авторитарная, я смотрю, особа! Есть ощущение, что ты Сурганову «сливаешь» попросту… И роли в группе перераспределились: сначала были две «снайперши», теперь одна — всем верховодит!

— Мне все равно, что говорит тусовка. А то, что страна любит и поет мои песни, я вижу, — и это гораздо важнее каких-то разговоров.

— А может, просто выйти из «конгломерата» — и делать

что-то самой по себе? Чтобы не было повода злиться на такие вопросы? Чтобы не было проблем в борьбе с патриархальной скрипкой и боязни при этом серьезно обидеть подругу? Я вижу — грузик-то висит…

— Я себя очень классно чувствую в этой группе. Другое дело — она должна меняться. «Ночные Снайперы» — название мне родное, оно принесло мне удачу, и оно будет со мною всегда

(«МК» от 11.12.2002).

А вот каким был взгляд на вещи за некоторое время до этого.

Танюшка: — Девчонки, вы в группе существуете на равных началах, или все же есть какое-то лидерство?

Диана Арбенина: — Нет, такого нет! Снайперов — двое! И так будет всегда. То что песни преимущественно мои, это еще ничего не значит. Одно дело написать, а другое — это сделать. Одна знакомая (дирижер камерного хора) как-то сказала: «Автор написал — свободен!» А вот у Светы очень классный нюх — она знает, как все делать, а я не знаю.

(Танюшка «Я СПОЮ ТЕБЕ МОИМ КЛАССИЧЕСКИМ СОПРАНО» лето 1999)

Или

Диана: Быть женским коллективом намного сложнее, чем мужским. Хотя мы ведь выступаем в двух вариантах: акустические концерты даем вдвоем, а когда электрические — нам помогают трое музыкантов. Но хочу подчеркнуть — снайперов всегда будет только двое!

(Жестокий романс, АиФ, 02.2000)

Я вот вспоминаю, как мне в самом начале моей музыкальной карьеры на только что открывшийся почтовый ящик artist@butch.ru пришло письмо от неизвестного мне поклонника, скрывавшегося за псевдонимом Нед Келли. Письмо выдавало человека, который работает с печатной информацией и привык ее детально анализировать. Нед писал, что мне сейчас, с самого начала, нужно как артисту вести себя очень осторожно в высказываниях, сто раз подумать, прежде, чем что-то утверждать, потому что найдутся люди, которые спустя годы могут поймать меня за язык. Потому что, писал Нед, информация не исчезает и все, что я когда-либо скажу журналистам, можно будет, как в полицейских детективах, использовать против меня. Не повторяйте, писал мне Нед, ошибок коллектива «Ночные

снайперы», которые сначала наговорили на себя разного, а потом «я не такая, я жду трамвая».

Но предупреждения мудрого Неда, который зрил в корень, конечно же, мне не помогло, и я без специального поиска знаю, сколько противоречивой информации и разных бредовых теорий услышали от меня журналисты за 5 лет. Ирония заключается в том, что сейчас в роли человека, который изучает все, что когда-либо сказали снайперы и ловит за хвост то тут, то там противоречия, как раз и выступаю я и могу точно сказать, что Света за все эти годы не изменяла себе и не утверждала раз за разом прямо противоположные вещи.

Я: Ну и почему вы расстались все-таки?

Света: Наверное, пришло время. Двум капитанам на одном корабле нельзя уже было. Я вообще-то не собиралась уходить, у нас были такие договоренности, что мы будем играть вместе все-таки, Динка говорила «я не кину, не подставлю». Окончательное решение о том, что мне нужно уйти из группы, было принято без меня.

Я: А как вы расставались?

Света: Сели в кафе — ударили по коньяку, и Диана Сергеевна сказала: «Мы расстаемся, и это обсуждению не подлежит». Я сказала, понятно, а что ты мне посоветуешь? И я тут стала спрашивать какие-то советы и комментарии насчет песен к альбому, который я просто готовила как сюрприз к 10-летию «Ночных снайперов», куда меня в итоге даже не позвали. Я не удивлюсь, если в этом решении ее убедили.

Глава восьмая
С чистого листа

Это был декабрь. И она сразу же в тот же вечер уехала в Питер. И начался период, когда непонятно что нужно было делать. И из этой ситуации надо было, говорит Света, выйти достойно. Какой был смысл бороться за старое, когда нужно было создавать новое. Если бы мы не расстались, говорит она, то народ бы никогда не услышал «Мураками» и «Весну».

* * *

Света: Встреча с Арбениной была самой счастливой встречей в моей жизни, две абсолютно родственные

души встретились в космосе. Динка — очень спонтанный человек и может сделать какие-то необдуманные вещи, может быть в поступках очень противоречивой, но в душе она настоящая, и я ее такой знаю.

Я: А не было ли обиды?

Света: Нет, какие обиды, я же ее люблю. Я Динке желаю только самого наилучшего, главное, чтобы она жила. Если не дай бог, что с ней случится, это будет крах моей жизни.

Я: А почему ты не стала бороться за бренд «Ночные снайперы» и не стала отстаивать свои интересы?

Света: А зачем? Зачем мне нужно название «Ночные снайперы», я могу придумать и свое. Это наше совместное детище и главное, что оно живет. Может быть, это дало мне шанс стать самостоятельной и самодостаточной творческой единицей. А Динкиными песнями я всегда восхищалась и буду это делать.

Я: А ты что, можешь простить ей все?

Света: Да, Динке я могу простить все.

Я: А как поклонники отнеслись к вашему разъединению и к шагу Дианы?

Света: Ну, поначалу поклонники не одобрили, а потом просто у каждого стали свои поклонники.

Погружаясь в подробности, мне становилось все труднее сохранять объективность и нейтральность в описании истории с «Ночными снайперами». Мне казалось, что одна сторона повела себя совершенно непорядочно, а другая при этом все простила, и мне было странно, почему это не очевидно всем многотысячным поклонникам. А потом мне стало понятно, что Света первая утвердила и много лет убеждала всех, кто был готов слушать, что за огромный талант Диане можно простить все, и люди вокруг них так и считают, что талант огромный и что надо регулярно прощать. Ну вот, например.

Света: Дина — Она центр Вселенной. Если с Динкой что-нибудь случится, группа просто перестанет существовать. Я страшную вещь скажу: каждого из нас можно заменить, а вот Динку — нет. «Кухня с видом на звезды». Факел, 2000.

Читаю многочисленные отчеты о концертах и впечатления фанатов во время расставания «Снайперов», и мне приходит в голову еще и то, что вся эта довольно несправедливая, на мой взгляд, ситуация была поклонникам близка. Они видели

страдающего человека на концерте, и это подкупало. Гораздо проще было себя поставить на место человека, который наломал в сердцах дров, чем на место того, кто оказался подозрительно хорошим. И потом, Диана со сцены никуда не делась, она-то осталась на виду, а вот сможет ли Света Сурганова завоевать себе там место опять, уже одна, это еще вопрос. А потерять любимую много лет группу было ну никак невозможно.

«Съешьте меня живьем, г-да поклонники традиционного состава, но исполняемые „в одиночку“ Дианой песни не стали хуже! Разве что было заметно ее это одиночество на сцене, но одиночество скорее психологического плана. И заметно оно было от того, что она сама ощущала его очень остро. Катастрофически 2 раза просто так не поют!» Москва, Лужники, 01.02.2003 Фрекен Снор.

Или

«…Она не ожидала, что после ухода Светы, всех разговоров и публикаций на эту тему, сможет собрать такой зал и самое главное — как ее воспримет публика. А публика встретила очень дружелюбно. Несколько раз в течение всего концерта Диана благодарила своих поклонников (не люблю слово „фанаты“), а в конце сказала (за дословность не ручаюсь): „Спасибо, что пришли и поддержали. Ну а те, кто считает Арбенину сукой, пусть так и считают! Пожалуйста, не предавайте „Ночных снайперов““. После этих слов впору было смахивать слезу — с каким чувством это было сказано!!!» 01.02.2003, Москва, Лужники (от Lenochek).

Или

«Диана была как ребенок. Маленький ребенок. Полная неспособность или нежелание держать в себе чувства, эмоции, боль… Мне все время казалось, что вот так нельзя… вот даже гитара не выдерживает… ну не может человек вот так, что она сейчас сорвется, что расплачется или захохочет как сумасшедшая, что захлебнется… и тоска… и боль в каждой строчке… Она пропускала некоторые слова в песнях… но не надо меня убеждать, что это потому, что она была пьяна и забывала их… Нет». Блесс.

А в это время Света думала, как ей начинать жизнь сначала. Психологическое состояние того, который в один момент потерял и близкого человека, и свое главное дело, можно попробовать представить, но самому переживать очень не хочется. Именно это со Светой и происходило. Она искала выход. В какой-то момент приняла решение и окрестилась. Света говорит, что не очень

знает, когда какие праздники и посты, но вера, а это главное, у нее есть.

В тот период она всерьез подумывала, что, в конце концов, она же врач, и может быть, придется работать по специальности, а если нет, то что-нибудь найдется другое. Массажи опять же. Почему-то в том, что ее песни будут кому-то нужны, Света была совсем не уверена. И она устроила 2 акустических концерта, на которых ей подыгрывал старинный приятель по мединституту Валера Тхай. Сейчас Валера тоже играет со Светой в группе. Что могло получиться из этих концертов, совершенно неизвестно. Она была готова к тому, что народ не придет или придет, но ему не понравится. Самый первый концерт Светы без «Снайперов» был в каком-то странном, явно не подходящем для этого клубе. Одна моя подруга, которая не является Светиной поклонницей, была на этом концерте и рассказала мне примерно следующее.

«Резкий взлет группы „Ночные Снайперы“ мне был очень интересен, как человеку из бизнеса, мне было интересно, как это у них получилось. Я как-то сразу отдавала себе отчет в том, что это успех двоих людей, хотя формально Света была как-то в тени. И когда коллектив распался и Света оказалась за бортом набравшего обороты корабля, я понимала, что для меня такое положение неприемлемо, вот такое поведение в партнерстве по делам. И я столкнулась к тому же с многовековой этической проблемой — можно ли таланту простить подлость. И для меня это было нарушением каких-то таких человеческих законов, которые я не смогла для себя принять. Кто-то из моих знакомых обмолвился, что в Питере будет первый концерт Сургановой. Я рассказала мужу, а он человек абсолютно далекий от такой музыки и всей этой истории. Он сказал мне: „Надо поехать и поддержать человека“. И мы поехали в Питер на машине. Народу было в зале столько, что не протолкнуться, гардероб был так забит, что одежду сдавали потом уже в фойе. Света была какая-то надломленная, как будто ждала от людей любой реакции, например, что они уйдут. И все психологически как будто встали за нее стеной, чтобы ее поддержать и защитить».

Света мне рассказала, что поняла после этих своих первых концертов, что люди ее поддерживают, что они хотят слышать ее песни и им это действительно нужно, а значит, она будет заниматься музыкой.

Если бы не эта реакция поклонников, неизвестно, как бы все сложилось.

Поклонники Светы с тех самых первых ее сольных концертов устраивают в зале настоящие театрализованные представления, и это производит, конечно, впечатление. Когда она однажды

исполняла песню «Мураками», весь зал поднял руки в белых перчатках с алым сердцем на них, и с тех пор эти перчатки встречают ее в залах разных городов. На одном из фестивалей на Светином выступлении над полем поднялись на шестах стилизованные женские фигуры, которые пустились как бы в пляс под Светины песни. Бывали в зале фонарики, бывали бубны, раздача всем бумажных паричков, одним словом, фантазии ее поклонников нет предела. И дело не ограничивается только какими-то их креативными находками, это постоянная поддержка, волны тепла, в которых они просто купают свою любимую певицу, которую они называют между собой «Наисветлейшая».

> **Света:** Я не понимаю, за что мне это? У меня самые лучшие поклонники, у меня самая лучшая публика, и всем артистам я желаю такую публику, она самая благодарная и отзывчивая, столько цветов не дарят никому, разве только Баскову и Погудину. Я своим поклонникам безумно благодарна, я знаю, что все, что у меня есть — благодаря им, и не понимаю просто, за что мне это все?

Глава девятая
Испытание как оно есть

Каждый раз, как я с этим сталкиваюсь, меня поражает, насколько Света склонна сомневаться в себе. Я и большинство знакомых мне людей искренне считаем себя пупами земли. Мы считаем, что так про себя думать хорошо и правильно. Все, что у нас получается, получается благодаря тому, что именно мы это создали. Нам и лавры, значит. Поэтому, я думаю, у многих талантливых в принципе артистов с приходом успеха начинается звездная болезнь, и так человек был центром вселенной, а тут еще и слава пришла. А вот Света крайне удивляется, почему же все-таки люди валом валят к ней. Я не первый раз от нее слышу, что ей трудно писать стихи, когда есть Бродский и трудно писать музыку, когда есть… Тут она задумывается. «Ну, кто, кто есть?» — спрашиваю я. — «Ну… ну, например, Пахмутова». «Ну, — говорю, — Пахмутова — это да, это образец, написала две трети советской эстрады, а мы что? Так себе. (Смеемся) А вот еще есть Антонов, Крутой, Николаев, в конце концов». «А вот Николаеву, — говорит Света, — вообще можно все простить за Айсберг». Нет, думаю я, не буду ему ничего прощать, даже за Айсберг. Это вообще не моя позиция «прощать за талант», ну да

не обо мне речь.

«И вообще, — вставляет Света, — людям не нравятся мои песни». Тут я удивляюсь такому заявлению, а Света продолжает: «Людям нравятся, то есть, не мои песни, а я сама». «Ну и хорошо, — говорю, — я вот только и хочу всем нравиться».

Я: А это вообще хорошо или плохо, что ты не Пахмутова?

Света: Это трагедия всей моей жизни. Я вообще думаю, что мои песни никому не нравятся и их никто не будет петь после меня. Вот я умру, и мои песни умрут вместе со мной. Они хороши именно в сочетании с моей харизмой, моей энергетикой, с моим профилем и бровями, и все. Я, как сказать, к сожалению, к великому моему сожалению, я и песни — слишком тождественное понятие, практически одно и то же, это синонимы, а мне хотелось бы создать бессаме-мучо, мне хотелось бы написать бессаме-мучо, песню, которая бы просто осталась после меня. Хотя бы одна, хотя бы единственная, бессаме-мучо.

Я: Ну, а как ты узнаешь, написала ты бессаме-мучо или еще нет? Может, уже написала?

Света: Ну нет, конечно, нет. Если бы это была бессаме-мучо, ее бы сразу взяли на «Русское радио».

Я: Дда…

* * *

За время написания главы про Свету мы и из приятельствующих музыкантов превратились в людей, которые дружат, мы встречаемся и даже отдыхаем вместе, и не могу сказать, что это облегчает написание. Героиня перестает быть сторонним человеком, и на нее уже сложно взглянуть холодно и издалека, хотя так и лучше видно.

Кстати, Светина мама, Лия Давыдовна, и Света очень похожи внешне. Это выяснилось, когда я с моей командой хозяйничали в их квартире. Мы снимали про Свету документальный фильм и ходили в тот раз с камерой за ней хвостом несколько дней.

Лия Давыдовна смотрит на нас ясным взглядом, как у Светы. Похожи. И это удивительно, потому что они ведь не кровные родственники. И было видно, что при внешней мягкости у нее такой там стержень стальной внутри, что ах.

Лия Давыдовна, хрупкая женщина, сразу же стала нас всех

распределять в пространстве, руководить нашими хаотичными действиями. При этом она мне со смущенным выражением сказала, что ей до сих пор трудно поверить, что Света — (я ей подсказываю формулировку) «рок-звезда». Говорит, что ходит на ее концерты, даже многое нравится, но так трудно поверить, что вот все эти люди так Светочку любят, уважают и ловят с замиранием звуки ее голоса. Это Лию Давыдовну удивляет. В этот момент вся квартира уставлена цветами, которые живут во всех возможных вазах после концерта. Оператор переставляет цветы и поправляет свет. Лия Давыдовна оборачивается ко мне.

— А трудные периоды как вы переживали вместе? Света вообще сильный человек?

«Да, — уверенно отвечает Лия Давыдовна, — я помню, как мы сидели с ней в очереди в больнице. Народу много. Света побелела вся, ей нехорошо, как будто сейчас сознание потеряет». Я ей говорю: «Ну-ка, держись давай, ты же не можешь здесь…» Лия Давыдовна не заканчивает предложение.

Это страшный был период…

Это было то самое голодное питерское время — коммуналки, «Граф Суворов», массаж и «сложносочиненные отношения». Света сразу поняла сама, что у нее рак. С ее медицинской подготовкой поставить себе диагноз было возможно. Как она говорит, в какой-то степени сама попустительствовала. «В каком смысле?» — удивляюсь я.

> **Света:** Ну, может быть, бессознательно пустила все на самотек. У меня была депрессия тогда по поводу отношений. А были какие-то симптомы, боли. Кровь шла… Ну и я поняла, что у меня опухоль в кишечнике, а к врачу не пошла.

Света пила чистотел и опухоль некротизировалась, омертвела — переводит для меня она. А потом произошел разрыв. Подняла что-то тяжелое и все. Наступил каловый перитонит.

«Скорая» везла ее 16 часов, сначала не приезжала мучительно долго, потом стояла в пробках, петляла по переулкам.

> **Света:** Вообще-то с каловым перитонитом столько времени не живут, видимо, бог решил оставить меня на земле, видно, ты не все еще сделала, решил он.

Потом ее прооперировали, и она лежала в реанимации. Это было очень больно и страшно. Думаю, что в эти два слова

вместились долгие дни на грани и «за», и ощущения, о которых лучше не выпытывать. Спустя две недели началось нагноение, сепсис — плохо почистили хирурги, чтобы они были здоровы. И ей тогда сделали повторную операцию.

Света рассказывала все это спокойным голосом. Мне удалось выдавить только дурацкие слова «и как?»

«Вообще-то это больно», — сказала Света. Скулы у нее побелели.

Прооперировали, продолжает она, и поставили колостому. Колостома — это когда выводят калоприемник на животе. И к нему есть всякие съемные одноразовые детали, которые нужно с определенной периодичностью менять. И Света ходила с ним 8 лет.

Я представляю себе картину: группа садится в туровый автобус, едет город за городом, ночует в каких-то гостиницах, голубой кафель, желтый линолеум, все время все вместе 6 человек, времени всегда мало, потом концерт, носиться по сцене, играть, радоваться, петь, прыгать, опять переезжать в другой город и так далее. И все время с этой штукой, колостомой. Я даже не понимаю, как это могло быть.

«Ну, как, — Света улыбается, — все время не хватало съемных частей».

> **Света:** Всяких специальных мешочков и деталей. Они выдавались в ограниченном количестве и стоили денег. И это такой, как бы объяснить, постоянный стрем — иду от метро, а по ногам течет. В первые годы была постоянная борьба с запахами. Это был ежедневный подвиг. А эти ужасные поезда… У меня развился по этому поводу ужасный комплекс. Это на многие годы лишило меня обычных женских радостей.
>
> **Я:** Совсем лишило?
>
> **Света:** Только с самыми близкими и очень скупо…

Света рассказала про актрису Гликерию Богданову-Чеснокову. Такая искрометная женщина из черно-белого фильма «Мистер Икс» с Отсом. «Был такой маленький розовенький поросеночек, а выросла такая большая…»

«Что выросло?» — сурово спрашивает Богданова-Чеснокова. Что выросло — то выросло.

Богданова-Чеснокова пела, танцевала замечательно, была настоящей комедийной актрисой. Помните мамашу в «Летучей мыши», она снимаясь в «Крепостной актрисе» и много где еще. У нее тоже была колостома, и тоже никто не знал.

Света: Как она, как они тогда справлялись, я даже не понимаю, обвязывались что ли как-то. От этого же еще постоянное возникает раздражение. Иногда бывало больно. И это страх постоянный, что приемник переполнится… бррр…

Встряхивает головой. Уже потом, когда мы со Светой гуляли среди чудесных сосен в парке больницы, где ее оперировали, она рассказала, что есть общество поддержки стомированных больных. Оно ей здорово помогло с этими мешочками. Мне, сказала, как инвалиду второй группы. Да, и удостоверение… В принципе, говорит Света, можно было уже давно сделать операцию еще одну и этот «прибор» снять, но ей было страшно, она столько настрадалась, пока ей делали те две операции, что боялась. За эти годы она уже как-то привыкла обходиться и боялась рисковать. И наконец семья ее друзей из Риги все-таки сподвигла ее сделать эту операцию. Я прикидываю, что это было перед «Крыльями» — 2005. Вот только что.

Света: Ну что, вскрыли меня, посмотрели, все нормально, метастаз нет. И я отлично.

Я: И что же ты никому за эти годы ни слова не говорила, за 8 лет никто, кроме твоих близких, не знал, что у тебя рак и вся эта история?

Света: А зачем? Зачем говорить?

Я: А есть риск, что ты снова заболеешь?

И Света рассказала, что существует такое понятие у медиков, как пятилетний послераковый рубеж. То есть, если с операции прошло 5 лет, а ничего не развилось, то вроде бы уже не заболеешь.

«И вообще смерть, — говорит Света, хотя вроде бы мы про смерть не говорили, — это самая большая загадка жизни, самая интересная и самая интригующая». А я ей отвечаю, что рождение не менее интригующая, а она мне, что рождение это случайность, а смерть — это итог опыта, а при рождении никакого опыта нет. Я с этим не соглашаюсь.

Я: Давай лучше о рождении. Ты своего ребенка не хочешь?

Света: Да. У меня красивый профиль и неплохо бы его растиражировать.

Я: А не поздно ли еще?

Света: В сорок лет не поздно, не поздно и в 50.

Я: Это прогон?

Света: Нет, я серьезно, я все говорю серьезно.

Глава десятая
Сурганова, авантюристка

Сначала мне казалось, что для того, чтобы написать про Свету, будет нужно рассказать все, как говорят романисты, «пиковые моменты». При этом за последний год мы часто виделись, и на мое ясное понимание пиковых моментов намело большие пласты мелких незначительных подробностей, из которых на самом деле все и складывается.

Я и моя съемочная группа (а мы снимаем о ней и героинях книги документальный фильм) встречаем поезд из Питера. Света и группа выходят на перрон. Идет проливной дождь. Мы все ждем микроавтобус, который повезет «Сурганову и Оркестр» под Рязань на Нашествие-2006. Автобус не приезжает. Голос какого-то организатора так орет в мобильник Светиного директора «он сломался в пути… да, сейчас чинится и будет у вас, ждите», что мы все слышим. А пойдемте, что ли, перекусим? И мы все идем в какую-то совершенно советского вида столовую, чудом уцелевшую на парадном Ленинградском вокзале. Света берет подносик, на него котлету и компот. Все садимся. Я думаю, а вот через пару часов тысяч сто человек будут хором подпевать девушке с подносиком. Через часа полтора выясняется, что автобуса не будет, группа ловит разные машины и на перекладных едет под Рязань. Свету и директора везем мы. По дороге Света спит. Мы приезжаем на Нашествие. Там страшное количество народа, так что взгляда не хватает оглядеть всю толпу от сцены до горизонта. Под ногами месиво, и между сценами курсируют омоновские грузовики с артистами, иначе не проехать.

Часть музыкантов из «и оркестра», как водится, доехала до фестиваля уже не очень трезвыми. Света отнеслась терпимо, что меня удивило.

Света выглядит сосредоточенно. Как будто что-то про себя проговаривает все время. Группу ведут перекусить. Света садится куда-то в угол за бутербродами и что-то напряженно пишет. Мой оператор бросился снимать. Все так выглядит, как постановочная сцена, вот, дескать, так и рождаются песни, вот артист приехал, сразу хвать за перо и ну писать. Смешно, что так оно и есть. Оператор подлезает и снимает крупным планом то, что Света пишет. Что-то про время и самолеты.

Потом группа поднимается на сцену, где пока выступает Би-2. Через несколько минут Лева Би-2 зовет Диану Арбенину, и они

начинают вместе петь. И очень скоро Диана куражно разрывает на нем рубашку. Пуговицы разлетаются по сцене. У меня ощущение неестественности происходящего и какой-то зубовной пошлости. Все за кулисами оборачиваются и начинают пристально следить за лицом Сургановой, которая пристально следит за происходящим на сцене. Просто-таки глаз не отрывают. И что там должно было быть у нее на лице — боль, сожаление, восторг, не знаю, ну что? Ничего прочесть нельзя. Би-2 заканчивают, они уходят вместе с Дианой мимо нас всех, старательно никого не замечая. «Сурганова и Оркестр» выходят на сцену. Зал ревет…

Я опять сижу напротив Светы и поворачиваю диктофон ближе к ней.

Я: А вы с Дианой конкурируете?

Света: Нет, не конкурируем, у нас совсем разная публика. (Вот уж, думаю, с этим я поспорю, но вслух не спорю). Мне важно понимать, что я собираю залы, может быть, иногда даже в регионах собираю больше, чем «Снайперы», и это является подтверждением того, что то, что я делаю, это правильно.

И прибавляет:

«Чтобы люди поняли, что в этой лодке все-таки было два капитана».

Что меня удивляет, что между ними до сих пор есть такая натянутая, как струна, связь. Это явление природы лично я как раз не понимаю, у меня с глаз долой — из сердца вон, разошлись — так разошлись. А здесь люди расстались жестко, до водораздела среди поклонников. Есть у обеих сторон такое слово «фатально». Прошло несколько лет. И присутствуют звонки в четыре утра «а завтра она и не вспомнит, может быть, что звонила», посвященные песни, цитирование друг друга и всяческое держание руки на пульсе — ну что, что там в эту минуту происходит на том берегу.

Время летать в самолётах из стали,
Время любить, когда нас перестали,
Время просвета и время пути.
Время подняться и просто идти.

Эту песню, еще в черновике, Света дала мне послушать, влажную, только родившуюся, даже специально сбегала за плеером на этаж в гостиничный номер. Это было, как будто что-то прорвалось после большого периода тишины и неписания. Мне

казалось, что пока песни не приходили, это Светлану очень мучило. Она даже попросила прочитать ей «мини-лекцию» о том, какими народными средствами можно приманить вдохновение. Вроде того, что «…нужно сесть в 11 утра и начать ломать голову, что-то писать. Продолжайте так делать несколько дней. Первые два стиха можете смело выкинуть. При этом еще добавьте несколько порций чужих песен для прослушивания и чужих хороших стихов для прочтения, чтобы подстегнуло…» Такая примерно лекция. Мне было страшно лестно, что Свете это нужно и что я… короче, не важно. И вот я рассказываю, а Света даже помечает что-то. А потом радостно так загорается и говорит, что у нее есть новая песня. И убегает наверх. Послушали мы музыку в наушниках, поговорили и потом пошли с моим директором Олей по своим делам.

«Тебе понравилось»? — спрашивает Оля у меня на улице.

«Хорошая, — отвечаю, — песня, глубокие такие стихи». И дальше продолжаю о своем: «Ну неужели, неужели нужно мне именно 10 лет, чтобы такие залы собирать?» Это мой любимый пунктик наших диалогов с директором. И тема «чтобы все и сразу» волнует меня страшно и заставляет терзать своего директора и всех остальных.

«Тебе не понравится, что я скажу, — говорит Оля, — 10 лет нужно, чтобы начать писать вот такие песни».

В тот день, когда мы снимали Свету для фильма в Питере, героиня картины возила нашу съемочную группу на своей машине с точки на точку. В багажнике прыгали какие-то вещи. «Да это Смирнова вещи», — пояснили нам. «Это какого, это Светиного тренера по настольному теннису?» «Да, он уже пожилой дядечка, — поясняют нам, — у него же есть свои родственники, а Света все равно ему помогает. Вот недавно у нее мобильный телефон попросил — купила. Вещи вот его в стирку отдает, увозит-привозит, уже проще ему машину стиральную купить». Мы съехали с какого-то фигурного моста, Света показала рукой, не отрываясь от дороги, что Смирнов живет где-то тут поблизости, ладно, решили мы, заедем забросить ему сумки потом. Как нам с некоторым сожалением поведал голос с переднего сидения, в Светиной реальности постоянно присутствуют старые друзья, бывшие близкие люди и просто хорошие знакомые, которые приходят пить водку и разговаривать длинные разговоры. Часто просят деньги, и Света дает. Отвозит их по их делам, как нас сейчас. А про Смирнова, я помню, Света говорила: «Благодаря ему я стала писать песни. Это дань и ответственность, спустя 23 года». Дда, а у меня-то люди в жизни

ротируются и растворяются в бушующем настоящем. Есть о чем подумать.

Мы ехали на страшной скорости от Лиссабона к океанскому побережью. Ехать надо было часа два, за рулем была Света. Я вообще терпеть не могу быструю езду, считаю, что это какая-то глупая бравада, а тут мы неслись как-то ровно так и уверенно, что даже у меня не возникало беспокойства. И потом, конечно, дорога была получше, чем у нас. При этом сомнения в трезвости водителя таки были.

И вообще в этой Португалии было так прекрасно: все залито солнцем, белые дома, теплый океан — райское место одним словом. Света была загорелой и в отличном настроении. На шее у нее вполне недвусмысленные следы. «…Так вот, — говорю, — у меня друзья-скрипачи. И один раз (все пока выходят из машины и заносят вещи в дом, Света закрывает калитку) они меня позвали на скрипичный концерт в консерваторию. Первый раз в своей жизни иду в консерваторию, а там все с такими вот сине-фиолетовыми пятнышками на шее (тычу в Свету). Мне потом друзья объяснили, что это им скрипки натирают». «Да, — подтверждает Света, — так и есть. Только скрипку на другом плече держат, с другой стороны». И смеется.

* * *

Света: Я вообще не считаю, что любовь может быть трагической. Если любовь возникает — это вообще большое счастье.

Я: Ну у нее должен быть хеппи-энд?

Света: У меня другое понятие. Это значит, что если мне кто-нибудь понравился, и человек мне ответил взаимностью, и мы с ним трахнулись, и у нас все заебись — то значит хеппи-энд? Для меня хеппи — это если ты чувствуешь движение души и тебя прет, ты начинаешь писать стихи. Тебе человек не отвечает взаимностью, ну и хрен с ним. Тебе достаточно просто посмотреть на свет в его окнах. Ты можешь просто засунуть ему какой-то цветок в дверь, позвонить и убежать. Возникшее чувство — это уже чудо. У любви не бывает счастливого или несчастливого конца. Она либо есть, либо ее нет. А вот если ее нет, вот это пиздец, это плохо.

Я: А скольких она любила, мы не знаем…

Света: А зачем? Ну при чем здесь арифметика? Знаешь, важнее в данном случае, конечно, принцип сложения, нежели вычитания. Вот если б ты спросила, скольких я разлюбила, я б с удовольствием тебе сказала: никого. Все со мной. Все равно все остается навсегда.

В этой благословенной Португалии Света просто светилась. Например, один день светится. А на другой вроде бы тоже, внешне, а понятно, что градус падает. И ходит по дому с пакетом, полным разноцветных лекарств. И, по-моему, от разного. И тут мне становится ясно, что не все так уж бесследно проходит для ее здоровья, и еще понятно, что снаружи может быть совершенно не видно, что с ней в данный момент действительно творится. А на следующий день вроде бы опять источник забил, веселимся, играем в шарады «а вот какую я знаю замечательную пионерскую игру» и не вылезаем из воды. И наблюдая эти колебания, я думаю: вот как все обстоит, блин, хочется Свету поберечь, хочется чаще радовать. А потом себе же отвечаю: а вообще-то есть кому. И слава богу. И тут же мимо меня пробегают ноги, и доносятся довольные возгласы среди брызг…

Света: Мне всегда очень везло с людьми по жизни. Все мои люди, которых я любила — это мои учителя. Кстати, такой человек, который меня не может ничему научить, наверное, такого человека я не могла бы полюбить.

Лежу я в тени под скалой. Вся компания спокойно располагается на открытом солнце, а я этого не люблю. И поэтому уползаю за угол. Оттуда мне отлично видно, как точки удаляются по гладкой воде куда-то, где нет буйков. Здорово, что мы знакомы, дружим и что я — тут. А вот была бы Света пафосной артисткой, ничего бы не было. Знаю кучу разных певцов-певиц и среди рок-исполнителей тоже, не будем тыкать пальцами, с которыми вместе оказываешься в одной компании, и они себя ведут, как будто их сейчас с трона сбросят. Я это понимаю, так они в центре внимания, а так еще кто-то появился и на внимание претендует. Мои злобствования прерывает горсть водорослей. Принесли из океана и бросили на меня.

Хорошо же, елки-палки, как хорошо.

* * *

Диктофон шелестит. Я расшифровываю финальную часть

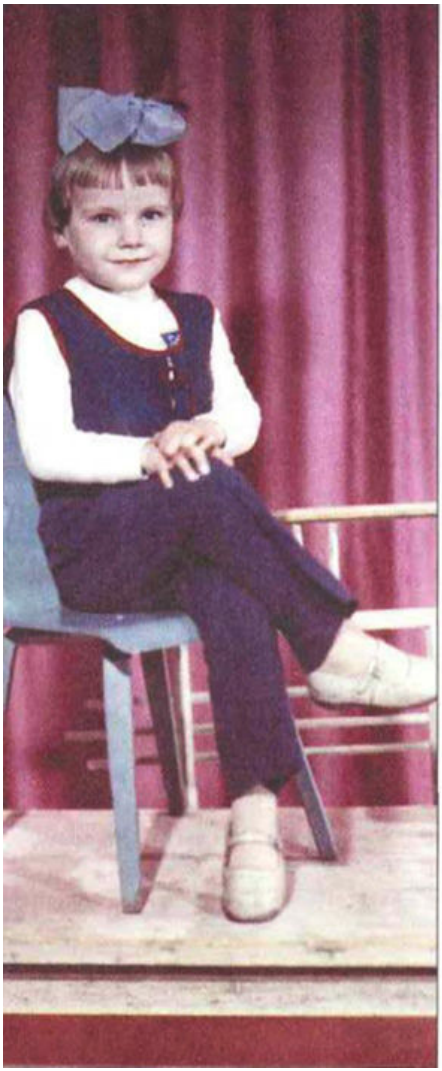
нашего разговора и набиваю последние строчки.

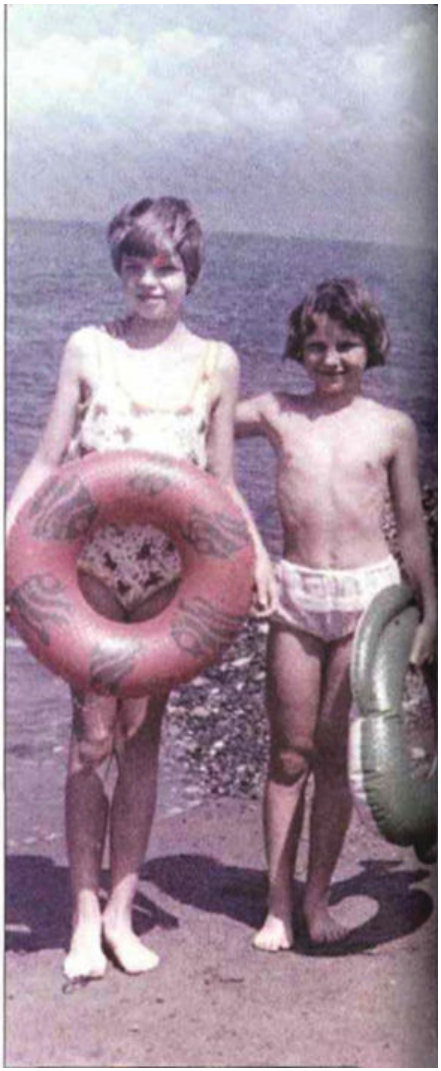
Я: Ну, хорошо, Светлана, ты не певица в высоком смысле слова, не Пахмутова, ты не рок-звезда, а как ты себя называешь?

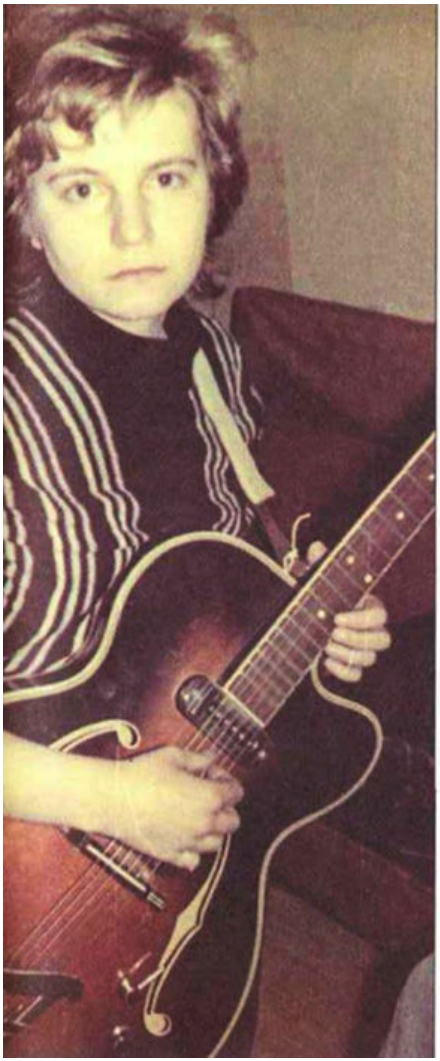
Света: Я авантюристка Сурганова, я Сурганова — авантюристка…

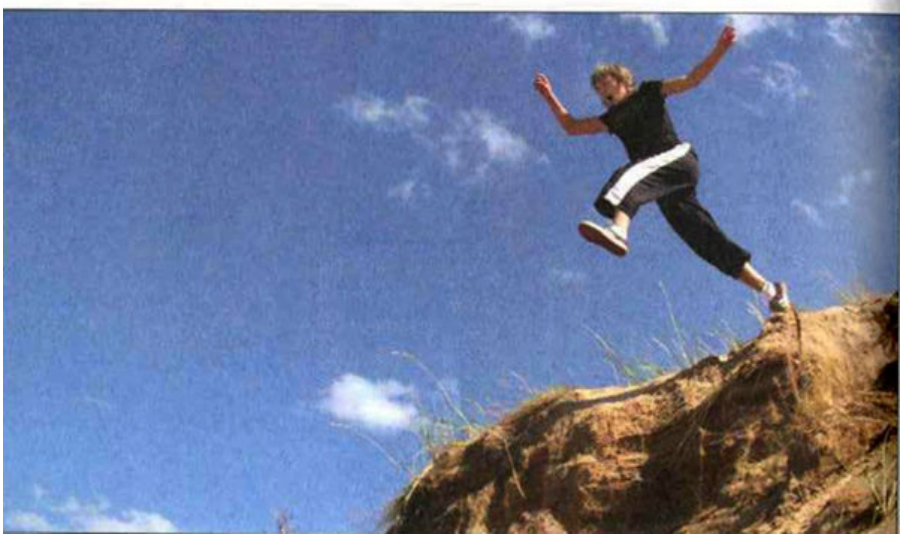
~~~

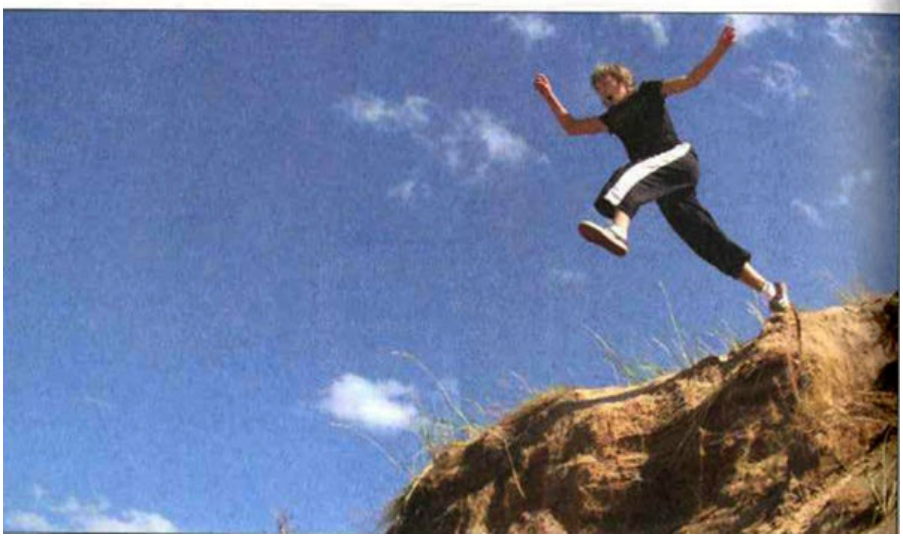
~~~

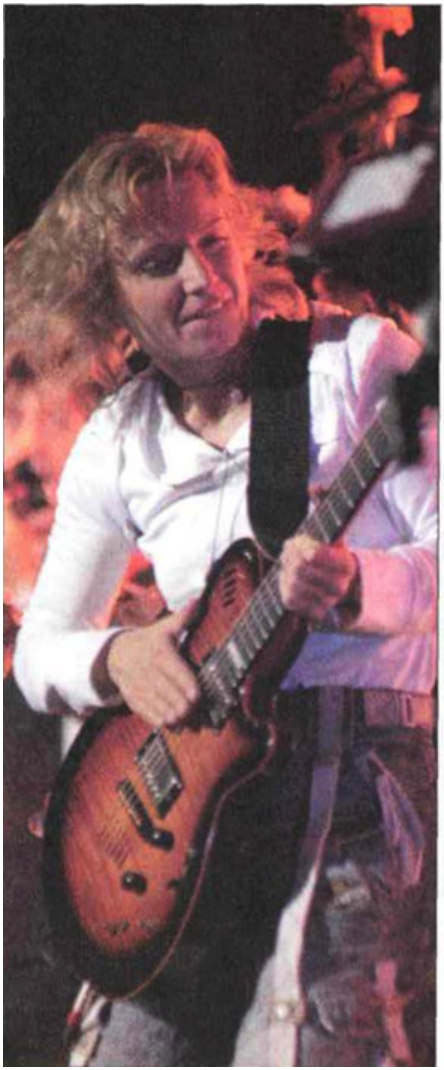


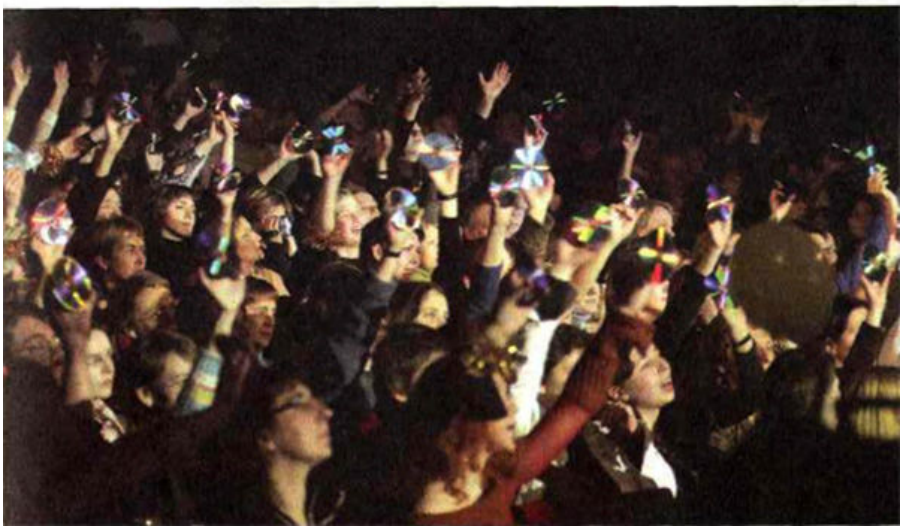


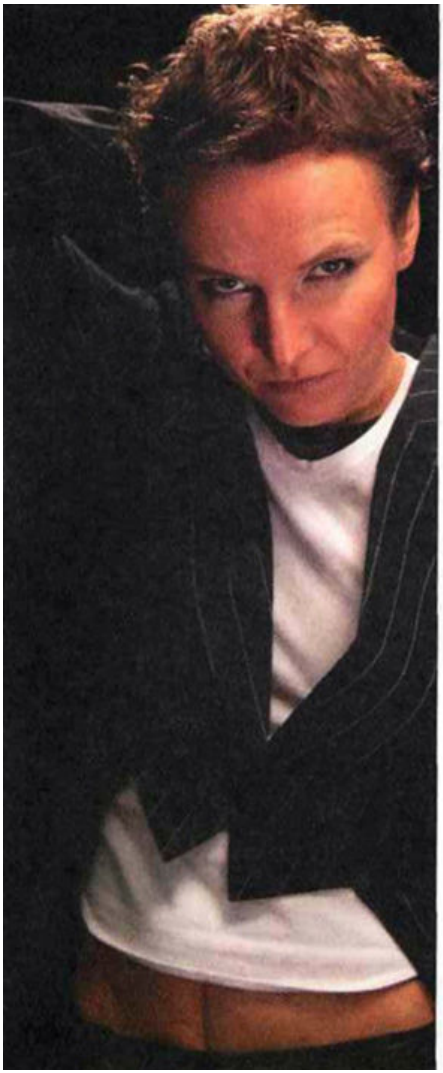












Умка

Был ли чемодан со старухой или начало

Я сопротивляюсь. Я сижу и сопротивляюсь. Я просто кричу компьютеру: боже мой, ну давайте я откажусь, я же ничего про нее не знаю. Компьютер, к которому я обращаюсь на «вы» и от которого жду ответа, надменно молчит. В сотый раз пробегаю тексты расшифровки интервью с Аней и понимаю, что ничегошеньки не знаю про нее и что ничегошеньки на самом деле она про себя не рассказала. И все собранные на нее досье не открывают мне ее истинного лица. Я нервно подергиваю мышью. Из досье вываливается Анина научная статья «Даниил Хармс как сочинитель. (Проблема чуда)». Если кто не знал, у Ани далеко не одна научная статья и есть даже кандидатская. Проблема чуда… ммм… чуда… Я расцениваю поведение мыши как добрый знак. Статья открывается эпиграфом:

«Ожидание чуда есть одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов». Н. Бердяев.

Тут я дружески киваю монитору, и мы с ним совершенно соглашаемся и с Аней, выбравшей такой эпиграф, и с Бердяевым. Действительно, сколько гордых женщин продолжают сидеть в ожидании того, как сами все предложат и все дадут… А что, интересно, она в конце работы пишет? Честно говоря, статья оказалась такой по-настоящему научной, что прочитать середину у меня не хватило образования. То есть прочитать-то его хватило, а вот понять — уже нет. Концовка меня впечатлила тоже:

«…теперь непонятно: был ли чемодан со старухой или его вовсе не было? И Хармсу остается лишь подчеркнуть открытый финал характерной для него фигурой квазиокончания:

На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась».

Эврика, вот какими словами я закончу свою книгу, одолжу квазиокончание.

А потом мне захотелось, чтобы книга стала не книга, а как бы фильм, чтобы те, кто это читает, почувствовал, как заиграла блюзовая гитара и кто-то запел хрипловатым голосом. Мне захотелось, чтобы это было ровно так, как играет у меня в голове, пока я это пишу. Так что возьмите такой альбом и поставьте его, пока будете читать. Без него все уж будет не то.

Глава первая
Чат со звездой

Эпиграф:
[18:02:58] бучч > А вы успешный человек?
[18:03:10] Умка > Чрезвычайно.
[18:03:14] бучч > Докажите.
[18:03:25] Умка > Как?
[18:03:31] бучч > Доказательствами.
[18:03:42] Умка > Полезайте ко мне на сайт и читайте все сначала.

Мой директор возвращается после первой встречи с Умкой и говорит: «Она согласилась участвовать в проекте и даст тебе интервью». «О, — говорю, — круто. Только дай тогда мне свой модный диктофон». «А он тебе не понадобится», — говорит директор. — «Жалко стало?» — «Да не жалко. Аня сказала, что даст интервью письменно. Что будет удобно ей, если вы будете сидеть за двумя компьютерами и ты будешь ей писать вопрос, а она тебе ответ». «Это что за фигня такая?» — я вообще с таким первый раз сталкиваюсь. — «Ну, типа, она очень быстро печатает, и вообще, так ей у-доб-но, понятно тебе?» — «Ни хрена мне не

понятно, не хочу, блин, я в интернет-кафе это делать, она что, устно не может?» — «Вот позвони и спроси». Мы обсуждаем все и потом еще сидим в кафе и пьем кофе, и Аня зорко следит за тем, чтобы мы, не дай бог, за нее не заплатили.

Из разговора с Умкой мне становится понятно, что ей, вроде бы, любопытно поучаствовать в этой подозрительной книге, с одной стороны, а с другой стороны, она допускает, что ее слова переврут, поэтому мы и будем все писать в компьютер, ибо топором не вырубишь и не переврешь, значит. Жаль, конечно, что я с первого такта не вызываю безоглядного доверия, а что делать. Пока мы с Аней говорили, мне не хотелось ударять лицом в грязь, поэтому все выглядело так, как будто нам соблюсти ее условия — плевое дело. Поэтому накануне ее прихода у мужа директора был изъят ноутбук и собственно муж метнулся ко мне домой устанавливать сеть между нашими двумя компьютерами. Сеть не ставилась. Был вызван мой приятель-программист. Вдвоем с мужем директора они рано с утра, матерясь, поставили сеть и чат на обе машины. И вот пришла Умка со словами, что у нее чертовски мало времени.

[16:39:40] бучч > еще раз пробую

[16:39:58] Умка > тоже очистила окно

[16:40:03] бучч > и что же?

[16:40:57] бучч > проверка связи

[16:41:06] бучч > аня, как вы видите мой текст?

[16:42:48] бучч > поехалиши

[16:43:18] бучч > каким вы представляете себе шоу-бизнес?

[16:44:10] Умка > рлорлр

[16:44:32] бучч > а вообще было бы круто длинные ответы получать

[16:45:56] Умка > Плоховато я его себе представляю, поскольку участия в нем практически не принимаю. Или вопрос состоит в том, каким я представляю себе идеальный шоу-бизнес? шоу-бизнес моей мечты?

[16:47:19] бучч > ну нет, я думаю, что раз вы не в нем, то у вас есть своя легенда, какой он, вот она-то мне и интересна.

Вот, думаю, сейчас начнется любимая Умкина игра в слова, то есть чуть не так сформулируешь, и придется 10 раз конкретизировать, хотя понятно, что давно уже было понятно. Если вы когда-нибудь брали у нее интервью, не вам мне рассказывать.

[16:52:14] Умка > Да нет, вряд ли есть легенда. Я достаточно внимательно слежу за тем, что наш Боря называет «жизнь вшей» — ну там «Тату» поехали туда-то, Киркоров получил от Шевчука по голове и так далее. О том, что меня

действительно интересует, там речи никогда нет. Даже во времена, когда настоящий рок-н-ролл мог стать частью шоу-бизнеса, на поверхности была всегда какая-то шелуха, типа: Мик Джаггер трахнул такую-то модель, Джон Леннон потерял штаны в ресторане и прочее. Или мы говорим о том, как во всем этом участвуют деньги? Надо уточнить.

[16:53:14] бучч > ну давайте про денежный аспект

[16:53:32] Умка > Вот так прям сразу. Неужели это действительно так интересно? Дело в том, что мы является независимой группой. То есть мы живем на самоокупаемости. В нас никто не вкладывается, на нас никто не зарабатывает. Поэтому мне трудно говорить о бизнесе. Так, с хлеба на квас перебиваемся, и отлично. Зато свобода.

[16:56:59] бучч > А вы разве не хотите успеха в традиционном понимании — славы и денег, как битлы в анкете писали?

[16:58:49] Умка > О, конечно, я хочу славы и денег. Слава у меня уже есть. Деньги тоже бывают, правда, в ограниченном количестве, но ведь человеку не так уж много и надо. Вообще не на это завязывались, я хочу сказать. Не за то, ха-ха, кровь проливали. Мне интересно делать то, что я делаю, и чтобы никто не мешал, а прочее — фигня. Если мне за это еще и деньги платят — вообще фантастика.

[16:59:19] бучч > а кто-нибудь когда-нибудь предлагал вложить в вас деньги?

[16:59:26] Умка > Не-а

[16:59:33] бучч > ни разу прямо?

[16:59:52] Умка > Как там вы Мару процитировали? пальцы вложить? персты…

[17:00:03] бучч > ну и жалко

[17:00:13] Умка > Кого жалко — их или нас?

[17:00:31] бучч > всех

[17:01:41] бучч > ау

(Ответа все нет)

[17:03:01] бучч > ой, пишуть-то, пишуть (пытаюсь разрядить обстановочку. Тишина нависает.)

[17:03:02] Умка > А мне не жалко. Когда я начинала этим всем заниматься, у меня вообще не было мыслей о том, что я когда-то буду вот прям так как большая выходить на сцену, брать микрофон и орать, и настоящие музыканты будут со мной играть, и народ в зале будет с ума сходить. Это невероятное человеческое счастье, что все-таки оно получилось. Кого же жалко? Я, например, вовсе не мечтаю собирать стадионы. Я не могу представить себе стадион «наших людей», для этого нужна, не

знаю, целая революция, чтобы их вдруг стали тысячи. Зато я смотрю в зал и вижу: все свои.

…

[17:05:33] Умка > Свои — это те, кто понимает, что мы хотим сказать. Их довольно много, но не стадионы.

[17:05:50] бучч > А как вы понимаете, что они поняли то, что вы хотели сказать?

[17:06:04] Умка > Смешно сказать, но, наверное, по глазам.

[17:06:09] бучч > Ок

[17:06:12] бучч > Тогда…

[17:09:05] бучч > да, это точно не секс по Интернету.

Какой уж тут секс по интернету, когда от меня уже затребовали после окончания прислать текст нашего чата для прочтения.

И вообще ситуация больше всего напоминапа, как если бы мы были два слепца, которые стоят напротив и опасливо ощупывают пространство перед собой, стучат палочкой об палочку, чтобы не попасть впросак. Аня при этом писала так, что даже опечаток не делала. Вот они, ее монолиты:

«Я хочу сказать, что жизнь одна и неохота тратить ее на достижение некоего уровня материального достатка. Разве не так? Звучит чересчур красиво, а на самом деле чистый разумный эгоизм. Просто себе дороже заниматься чем-то не так, как хочется, а так, как положено».

«В мои сознательные цели не входит всесоюзный психоз а-ля Земфира, тем более что это всегда ненадолго».

«На компромиссы я тоже могу (пойти), как выяснилось. Но задницу подставлять не буду».

«И если нашу телегу с помощью радио навязать сверху той части публики, которая без ротации не повелась бы, у нас просто станет больше народу на концертах, мы не сможем играть в наших любимых клубах, а придется брать какие-то огромные ДК с херовым звуком, цирки, стадионы, пойдут косяками глупые девочки с тетрадочками для автографов, где на этой странице расписался Рома Зверь, а на той — Николай Басков, ну и на хрена мне такое счастье?»

«Рок-н-ролл как главное и лучшее, что существует во вселенной и помогает жить, то есть чувствовать свое бессмертие».

Когда-то, пару лет назад, мои приятели рассказывали мне, что есть такая певица Умка. И что вот ее диск, на, дарим тебе, слушай. Диск был как диск. Песни были записаны таким образом, что трудно было разобрать слова. Мне тоже про мою первую пластинку говорили, что тексты тише инструментов, а мне казалось, что только так и круто. В общем, слушаю я ту пластинку, а на ней есть песня «Шоу-бизнес». Слова я разбираю с трудом, как уже было сказано. И наконец понимаю, что слова «прокозлиться» и «обосраться» мне вовсе не кажутся, а именно их и поют. «Как бы нам исхитриться, чтобы не прокозлиться, шоу-бизнес» и «Как бы нам расстараться, чтобы не обосраться, шоу-бизнес». Помимо того, что это рисовало представления артиста Умки о шоу-бизнесе, не сильно далекие от реальности, прямо скажем, это вызывало вопросы. Мне тут же рассказали, что народу на концерты ходит много, и когда у зрителей нету денег, Умка их запускает, типа, бесплатно. Вот уж сказки, подумалось мне тогда.

Чат продолжался.

[17:38:11] Умка > Цена минимальная. Я сторонник демпинга, жесткого. Чтобы каждый студент или маленький хиппи мог спокойно купить билет или хотя бы нааскать на него 100–200 рублей.

[17:38:30] бучч > А что такое «нааскать на него»?

[17:38:43] Умка > Ну, денег нааскать, наклянчить у окружающих то есть.

[17:38:57] бучч > Вот что как раз, по-моему, унизительно.

[17:39:09] Умка > Если вокруг друзья — то не унизительно. Я иногда сама им деньги выношу наружу, чтобы они попали внутрь, когда у меня список ограничен.

[17:39:35] бучч > А друзья вокруг — это кто?

[17:40:29] Умка > Такие же, как они, это обычно довольно плотное коммьюнити в любом городе, они все друг друга знают, случайных людей минимум.

Я решаю, что если меня не запишут в «чужие», я потом ее подробно расспрошу про это плотное сообщество неслучайных людей, у которых не стыдно попросить денег, потому что они и сами могут попросить. Подозреваю, что речь идет про хиппи.

[17:52:56] бучч > сформулируйте, пожалуйста, пять своих глубинных ценностей в порядке приоритетности.

[17:53:34] Умка > Свобода

[17:53:43] Умка > Самостоятельность

[17:53:51] Умка > Отсутствие вранья

[17:54:09] Умка > Человеческое отношение к людям

[17:54:15] Умка > Рок-н-ролл

[17:54:39] Умка > Чувство юмора и самоирония, конечно же.

Вскоре мы заканчиваем наш чат, потому что времени, как вы помните, было чертовски мало. Аня говорит мне, что ей только-только понравилось, а мы уже и закончили. При этом она улыбается во все лицо с детской радостью, и я понимаю, что ежистая сторона далеко не единственная.

Открытая детская сторона быстро зачехляется, и мы расстаемся до следующего раза.

Глава вторая
Добыча золота или зубастая отличница

Эпиграф:

«Папа работал метеорологом на военной базе в Эджвуде. Во время войны там делали отравляющий газ, и метеоролог, наверное, должен был вычислять направление ветра. Он приносил мне из лаборатории игрушки: мензурки, колбы, чашки Петри, полные ртути. Весь пол у меня был заляпан ртутью вперемешку с пылью. Я любил разлить ртуть на пол и дать по ней молотком, чтобы шарики разлетелись по всей комнате. Я жил среди ртути».

Фрэнк Заппа о своем детстве. THE REAL FRANK ZAPPA BOOK (Отрывки).

Вольный пересказ с американского А. Герасимовой.

Свободная интернет-энциклопедия Википедия вот что сообщила мне про Умку.

«Анна Георгиевна Герасимова, она же Умка (род. 19 апреля 1961, Москва) — певица, рок-музыкант, поэтесса, литературовед, переводчица, журналистка.

Окончила Литературный институт, отделение художественного перевода. Литературовед, специалист преимущественно по творчеству обэриутов (Александр Введенский, Даниил Хармс), подготовила несколько изданий их произведений. Опубликовала ряд переводов литовской поэзии и переводы романов Джека Керуака „Бродяги Дхармы“ и „Биг Сур“. Живёт в Москве.

С 1985 г. выступает под псевдонимом Умка как исполнитель собственных песен, первоначально в одиночку. Во второй половине 80-х годов многие песни Умки („Автостопный блюз“, „Волосатые ублюдки“, „Стеклянная рыбка“, „Господа пункера“ и

др.) практически стали частью фольклора советских хиппи. В конце 1980-х отходит от активного сочинения и исполнения песен. Возвращение к творческой деятельности в качестве рок-музыканта происходит в 1995. В течение последующих десяти лет группа „Умка и Броневичок“ (с 2005 — „Умка и Броневик“) выпускает более двадцати альбомов. Умка (с группой или в качестве сольного исполнителя) широко гастролирует по России и за рубежом (гастроли в США, Великобритании, Германии, Израиле, республиках бывшего СССР)».

Из чего следовало, что Умке палец в рот не клади. Да она бы и не дала.

После того компьютерного диалога Аня оставила дивиди. На диске была куча телепередач, московских и региональных, за разные годы. Я втыкаю его в плеер и все честно просматриваю.

«Когда я увидел объявления в городе „Умка и Броневичок“, я решил, что это цирковая труппа с медведем», — говорит сидящий напротив Умки журналист.

«Да, — думаю, — в мое время журналисты старались свое невежество скрывать».

На одной какой-то передаче, кажется, пермской, ведущий спрашивает Умку: «Есть такое поверие, Бучч — ваша сестра?» Умка поднимает брови и говорит довольно брезгливо: «Ну, тьфу, у меня нет сестры Бучч, у меня есть сестра Маша». Ведущий настырно продолжает: «То есть сходство исключительно только внешнее?» Умка отвечает: «Никакого сходства нет, просто она тоже коротко стриженная, но, я думаю, во имя имиджа. Мне не нравится это существо». Ну, или что-то в таком духе. Довольно трудно на бумаге отразить тон, которым было сказано слово «существо». Вот, думаю, злыдень. Обведу тебя зеленой краской тогда, как в фильме «Девчата». Ну, и при более пристальном изучении выяснилось, что героиня моя может не по-детски приложить того, кто ей не пришелся.

Читаю журнал Play. Журналист Мажаев смотрит вместе с Умкой церемонию вручения наград MTV. Из статьи я узнаю, что:

> **Мажаев:** По идее, зал в этом месте должен так взреветь. А все сидят спокойненько.
>
> **Умка:** Так все, наверно, группу «Корни» ждут. А американские партнеры MTV понимают вообще, что здесь происходит?
>
> **Мажаев:** Я думаю, они списывают качество местной музыки на национальные особенности.
>
> **Умка:** А интересно, есть ли еще в мире страна с национальной особенностью слушать только говенную

музыку? Нельзя, что ли, было пригласить «Гражданскую оборону»?

Мажаев: Умку.

И еще из статьи я узнаю, что Умка считает, что зря из Ромы Зверя делают секс-символ, в то время как у него, по ее мнению, голова огурцом. «Корни» неприятные, «Виагра» — поношенные женщины, кое у кого несчастные глаза онаниста, а кое-кто, не буду говорить, вообще косой. Алсу вполне симпатичная, если бы не пела. У Келли Осборн — ножки как бутылочки, хотя в лице есть что-то человеческое. От папы, видимо.

Мдаа, думаю, мне еще повезло, «существо» — нехай существо.

И, пожалуй, настало время вклиниться в собственное повествование и расставить некоторые точки. Я утверждаю, что Умка на 100 процентов положительный персонаж. Язвительный? Да. Радикальный? Да. Я вот, например, ей завидую. Мне бы страшно хотелось во всеуслышание сказать, что я на самом деле думаю, и так не хочется мне ссориться ни с кем при этом, что я закусываю язык и успокаиваю себя, мол, время само всех расставит на заслуженные полочки, как слоников. А Умка, мне кажется, не пытается быть дамой, приятной во всех отношениях. Ей, видимо, другое важно. Как там было… Свобода, Самостоятельность, Отсутствие вранья, Человеческое отношение к людям, Рок-н-ролл, Самоирония… Я не очень помню, в какой момент мы перешли «на ты».

Я: Ты мне кажешься очень, очень закрытым человеком.

Умка: Я уже говорила. Все очень открыто до какого-то предела. Дальше будет стенка.

Я: Именно это я называю очень закрытый человек.

Умка: Зато по сравнению с просто закрытыми…

Я: Есть открытые кусочки…

Умка: Не просто кусочки, а все открыто, кроме одного помещения, куда я и сама не очень заглядываю.

Мне, понятное дело, именно туда и захотелось заглянуть.

Кстати, расскажу одну чудную историю. У меня была встреча какая-то относительно деловая на втором этаже большого клуба. Со мной была близкая компания. Мы закончили свои дела и пошли к выходу. На лестнице была давка. Там толклись люди немного припыленной как бы наружности, предпочитающие всем видам джинсов почему-то бананы, застегнутые под грудью, а всем майкам те, что размера на два больше. И были еще на многих

жилетки. Из моего описания трудно представить ту конкретную публику, тем более что народ был разный и не обязательно такой, как я описываю. Мне просто таким он показался. Толпа текла, как в мавзолей, выше этажом, к сцене, откуда доносился грохот инструментов и резкий женский голос. «Пошли, посмотрим», — поволокли меня мои спутники. «Ну, пошли, — говорю, — это, кажется, Умка там поет. А народу-то почему такой лом?» Мы не поняли и протиснулись куда-то за спины. Не могу сказать, что это была моя музыка, но вокальная манера человека на сцене заставляла меня стоять и слушать. Потом наступил антракт. Умка наклонилась к залу и начала совершать непонятные мне действия. То есть она стала продавать свои диски. С моей колокольни, это было совершенно не артистское дело, я лично считаю, что должна быть дистанция, позволяющая человека на сцене считать отличным от человека в зале. А Умка на моих глазах преспокойно болтала с народом и, похоже, знала многих лично. «Как жена?» — спрашивала она у какого-то бородача. Кому-то следующему она чего-то шептала по-приятельски, одним словом, дистанцию не соблюдала. Мои друзья стали меня толкать: «А ну срочно подойди к Умке и познакомься». — «Да не пойду, — упираюсь я, — а что я ей скажу?» — «Ну, уж найдешь что». Мы так стояли и шипели минут десять. Перерыв грозил уже и закончиться. Умка бойко приторговывала и даже зазывала «а вот кому…». Меня тем временем обвиняли в приступе застенчивости и ослином упрямстве одновременно. Таким образом, вопрос знакомства с Умкой стал принципиальным. «Ну ладно, все, иду», — говорю я и пристраиваюсь в самый хвост очереди за дисками, место 15-е. Моя компания делает мне самые обидные знаки, но я тем не менее смирно стою, пока не подходит моя очередь. Умка поднимает на меня глаза. «Здрасьте», — выдавливаю я. «Здрасьте», — отвечает она. «Я — Лена, — говорю, — я тоже пою». Умка смотрит с каким-то непонимающим выражением, я совсем теряюсь и смешиваюсь с остальным народом. Зато гоголем подхожу к моим друзьям: «Видели? Вот, пошли теперь». И мы ушли. Умка этот случай не помнит. А среди моих друзей он стал хрестоматийной иллюстрацией к моей кретинской застенчивости. …А помните вот это: «Я — Лена, я тоже пою…» — и ну надо мной смеяться.

Мы долго-долго разговариваем в кафе. Потом выходим на шумный Арбат. Аня постоянно повторяет мне сквозь мои вопросы, что отвечает за свои слова. Ну, например: «У меня нет закрытых тем, просто я отвечаю за каждое слово. Просто есть за что отвечать». Я при этом думаю, что я, например, совсем не могу

этого сказать про себя, а хочется.

Я: А тебе не кажется, что с каждым годом ты становишься все саркастичнее и злее?

Умка: Ну, я теряю некоторое количество иллюзий, вообще негоже иметь такое количество иллюзий, как в 35. В 35 я была еще очень… я только-только вылезла на сцену.

И вот, наконец, мне удалось докопаться, почему же сначала она меня подпускала не ближе, чем на пистолетный выстрел.

Умка: Ну, я раньше считала, что давать интервью нельзя никому никогда. Потом обо мне стали писать такую хуйню, что мне пришлось себя переломить и давать интервью всем и всегда, чтобы нивелировать эту хуйню. Основная хуйня про меня связана вот с этим мифом о какой-то ужасной хиппушке с гитарой, которая бескорыстно сидит на улице и страшно любит всех идиотов. Это не так.

Я: Но когда-то так это было?

Умка: Никогда так не было. То есть хипповать — хипповали, но никогда это не было беззубым идиотизмом.

Уж чего-чего, а беззубости у Ани нет точно. Сижу я, расшифровываю наши с ней разговоры и напарываюсь с частотой один раз в два абзаца: «только ты об этом не пиши», «я не хочу, чтобы об этом было что-то сказано», «это я говорю лично тебе, не нужно этого печатать».

Умка (подводя итог длинному рассказу): …и я хочу, чтобы об этом ни слова не было.

Я (в тоске и безысходности): Я отдаю себе отчет в том, что я пишу некий труд, потом я тебе его покажу. И ты захочешь оттуда вычеркнуть 90 процентов. Я скажу — о’кей. Все равно у меня не будет никаких вариантов. Мне просто будет нечего опубликовать.

Умка: Да нет.

На этой стадии наших диалогов мы стали доверять друг другу больше, чем полгода назад. Столько времени у нас ушло на то, чтобы приручить друг друга. При этом наше общение больше всего похоже на вытрясание денег из копилки, трясешь-трясешь, и только потом сыплется чистое золото.

Я (с неподдельной горечью): Хочу поделиться следующей мыслью: мне фактически совершенно не о чем писать книгу, потому что, наверное, существует в нас во всех много людей, например, я — музыкант на сцене, я — человек, который ходит в спортзал, пяток-десяток субличностей, я — дочь, много-много разных ипостасей. Вот у меня такое ощущение, я не знаю никого, кроме того, кого я назову, ну, допустим, Умка — идеолог, ты мне предлагаешь вот только этого одного человека.

Умка: Идеолог? Я совсем не идеолог.

Я: Я понимаю, что ты не любишь это слово. Ну, давай назовем не идеолог.

Умка: «Идиотка»?

Я: Хорошо, скажи правильное слово.

Умка: Что ты спрашивала, то я и отвечаю.

Я: Я говорю, что из 15–20 личностей у меня есть одна, которая говорит о работе.

Умка: Ты ж меня спрашивала о хиппи, я тебе все отвечала.

Я: Мне нужны остальные люди тоже.

Умка: Задавайте вопросы, я не могу просто взять и с потолка рассказывать, что я с утра, допустим, занимаюсь зарядкой.

Я: Это как раз ты говорила. Давай вернемся к любимому тобой персонажу. Пожалуйста, расскажи, каким ты была ребенком.

Аня усаживается поудобнее в мягкое синее кресло и стремительно превращается в того самого ребенка, о котором рассказывает.

Совершенно понятно, что Аня была жутко умным ребеночком. Наверное, у них в семье были все жутко умные. Например, дедушка, который мыл руки всегда после того, как с кем-то здоровался, был страшно умный. Он менял города и профессии и успевал свалить аккуратно до того, как на работе начиналась сталинская чистка и всех сажали, а то и хуже. На новом месте Умкин дедушка занимался совсем другим делом, чем на старом. В 50 лет в Москве он защитил кандидатскую про сахарную свеклу, хотя в Минске был юристом, а потом написал докторскую вообще на какую-то третью тему. Одним словом, все у них в роду были «отличники».

Когда уже вся книга была неделю как закончена и оправилась в издательство, Аня много раз позвонила и написала мне из

Украины, что мол, негоже так мало про дедушку, что надо больше, ведь он был замечательный человек. И тогда мне пришлось выдергивать книгу из верстки и вставлять этот отрывок из ее письма. Я понимаю, Аня, говорю, у меня тоже был замечательный дедушка.

«Бабушка Раиса Владимировна была глазной врач высокой квалификации, но, когда родилась так называемая я, сразу же ушла на пенсию и стала воспитывать меня. Когда я, будучи существом довольно балованным, позволяла себе хамство и капризы, они сносили это с тем же философским спокойствием, что и советскую власть. Если я требовала чего-то маловыполнимого, дедушка Иосиф Львович всегда говорил: „Ребенок не должен плакать“. То есть не в том смысле, чтобы орать на ребенка: „Не реви! Чего нюни распустил!“ и прочее, а просто дать ему, чего он хочет, или еще как-то утешить. Он часами рассказывал мне невнятные сказки о том — о сем, думая при этом, вероятно, о чем-то своем, но это было как-то удивительно мило. Позволял мне всячески себя перебинтовывать, тыкать в себя стетоскопом и так далее, когда я играла в доктора. Он вообще в молодости разделял толстовские взгляды и, видимо, сохранил их на всю жизнь. Например, никогда не убивал комаров, а только прогонял их, вяло помахивая рукой. Кажется, они его почти не кусали. Бабушка умела практически все. Она замечательно готовила, обшивала всю семью (с одеждой тогда, как некоторые помнят, было туго), штопала, вязала крючком, вышивала гладью, мережкой и по-всякому — когда она все это успевала, непонятно; до сих пор сохранились вышитые наволочки, клубки цветных ниток, дореволюционная машинка „Зингер“ — единственный предмет, уцелевший у нас с тех времен. Бабушка всех нас лечила от всех болезней, все чинила, и рядом с детским „ничего страшного“ у меня находится семейное выражение „бабушка полечит“. Дед знал как-то влегкую 17 языков, включая, например, арамейский, на всех на них читал и (на живых) слушал радио. У них в комнате стоял уютный круглый стол, и вот они, бывало, сидят вечерами (телевизора-то не было), дедушка читает вслух — как правило, русскую классику, библиотека была отличная, — а бабушка чего-нибудь шьет или вышивает, или они играют в домино или в „шестьдесят шесть“. У деда был порок сердца, больные почки и еще множество разных болезней, но бабушка его от всего очень удачно лечила и как-то так берегла по жизни, что он прожил 72 года и до самого конца чувствовал себя вполне сносно. Она умерла через год. И от их смерти не было никакого ужаса, никаких угрызений или метаний, а только ощущение, что вот завершилось что-то большое,

хорошее, и в принципе ничего в этом страшного нет, так бывает».

Мама-папа Умки были литераторы. Домой к ним хаживали деятели культуры и разные советские писатели, и даже Новелла Матвеева приходила занимать трояк (у нее потому что был муж-алкоголик, но она на него никогда не жаловалась) и радовалась, как у них уютно дома и не страшно, и пела свои песни под гитару. А Высоцкий и Окуджава были на бобинах. Знаете, как слышно хорошо, если дотянуться до магнитофона и ухо приложить… Неудивительно, что ребеночек в год говорил 50 слов, научился читать в 3 года, а в 5 уже таскал по дому большие тяжелые книги, кои прочитывал от корки до корки. В семействе считалось, что способности с годами таяли, и Анина мама говорила так: «Когда наша Аня была маленькая и еще умная…». Ане безумно нравился процесс рисования буковок, и потому она писала целые книги. Берешь листы, сгибаешь, сшиваешь, и получается книга. В книжке мишка и зайчик встречались и куда-то шли. Тут юному писателю в голову ничего не шло, а книгу дописать хотелось (как я ее понимаю!). И Аня исписывала все последующие страницы словами «шли-шли» и наконец на последней гигантскими буквами выводила «ШЛИ-ШЛИ» и внизу мелкими «и пришли». Аня говорит, что в детстве ее очень любили и давали сколько хочешь сгущенки, а пирожки какие бабушка пекла, ой… Да, а от меня с братцем взрослые прятали все сладкое (мама, привет!). С годами она становилась все более романтической натурой, а ведь именно мы, романтические натуры, выучиваем наизусть «Трех мушкетеров», несмотря на то, что мы — девочки. А может, именно поэтому.

Умка: Например, в первом классе у меня был такой друг Леня, мы были с ним два отличника, я все время во всех влюблялась и все время всех любила. И его.

Я: Ты прекратила это занятие?

Умка: Нет, в данный момент я нахожусь в процессе, ну правда, так случилось, что это мой муж, но так бывает, наверное, под конец можно себе позволить. А так — постоянно. И вот, значит, приходит этот Леня с букетом цветов, а я знала «Трех мушкетеров» наизусть, как еврей Талмуд. Ну, знаешь, как говорят, что, если книгу проколоть иголочкой, то еврей скажет, какая буква на каждой странице Талмуда под этой иголочкой. Вот я могла, наверное, так иголочкой проколоть «Трех мушкетеров».

Я: Я тоже знаю наизусть. Я даже берегу для тебя тот

кусок, где мушкетеры ходят в гости друг к другу, и только единственный Портос к себе в гости никого не пускает. Мушкетон, слуга его, все время из-за дверей говорит, что хозяина нет дома, и даже если мушкетеры собирались к нему зайти и стояли под дверьми, то в этот момент они разворачивались и шли, например, к Атосу. (Это я из мести рассказываю, что Аня меня к себе в гости не зовет).

Умка: Видишь, как ты все хорошо помнишь, а я совершенно все забыла. То есть это книга всей моей жизни. Ну вот, принес Леня букет, а я сказала, значит, громогласно (поскольку я, как талантливый ребенок, могла громогласно глупости говорить): «Вот пришел мой любовник и принес мне цветы». Ну, я не могла понять, почему это так смешно.

Достаточно скоро обнаружилось, что у Ани абсолютный слух, и ее отдали заниматься музыкой в студию «Веснянка», куда несколькими годами позже, кстати, поступила девочка по имени Ира Богушевская.

Веснянковские педагоги обучали музыке по хитрой венгерской системе, которая подразумевала не ноты, а ступени. Ступени изображались жестом руки и были гораздо понятнее, чем дурацкие закорючки, диезы и бемоли. Они, можно сказать, описывали весь мир. А бабушка с дедушкой как раз подарили внучке чудное немецкое пианино из бархатистого дерева. Она подходила его погладить и называла «пианиночко». А потом в музыку вторглось обучение «как положено», с гаммами, тональностями и диезами, и гармония рухнула. Вот почему Умка не играет на пианино. Об общеобразовательной школе она отзывается еще хуже. Говорит, учительская была в основном наполнена «сталинскими сволочами», которые зацепились, окопались и до сих пор еще есть.

Умка: У нас была завуч, Валентина Николаевна по кличке «Тапочка», также по кличке «Мегера», она всем велела в тапочки переодеваться. Вот приходишь в школу, она прямо там стояла, маленькая такая, злобная сволочь с такими зубищами, ух, как мы ее все ненавидели, вот она стояла, и, типа, кто тапочки не принес — домой за тапочками, сменка!

* * *

Потом, когда наша мстительная девочка выросла, они и встретились (тревожная музыка).

Умка: А потом, когда уже курсе на первом, уже все, свобода, с какими-то хипарями по улице уже гуляю, смотрю: навстречу идет эта завучиха, Валентина Николаевна, я ее вижу, я сначала так, типа: здрасьте, а потом я поняла, что все можно, отошла и как начала кричать: сука, сволочь, ненавижу, гадина. Очень весело было.

Я: Накипело, видно!

Умка: Ух, какая она была дрянная, ну это везде было, это же завуч по воспитательной работе.

Глава третья
Ах, Арбат (господи, холод какой), мой Арба-а-а-т…

Некоторые люди, которые об Умке слышали краем уха, убеждены, что она посейчас играет на Арбате. Я точно знаю, что нет. Потому что сейчас она рок-звезда и выступает в больших клубах. А раньше играла, это да.

Погода в Москве стоит странноватая, вроде конец осени, а слякоть. А на следующий день, глядишь, в плащике вышел, а мороз как ударит тебя по голым коленкам.

Как раз день стоял такой. Мне было жутко холодно еще и потому, что мне стукнуло в голову изнурять свой молодой организм исключительно арбузной диетой. Потреблять нужно арбуз только и хлеб бездрожжевой. Поэтому страшно хотелось есть и надо было постоянно искать… ну, не буду отвлекаться. Было холодно, одним словом.

Мы брели по Арбату с Умкой и съемочной группой. Аня была в безразмерной бейсболке «Grateful Dead» поверх капюшона. И вообще все в ней выдавало человека, который знает, что надеть в эту погоду. На лице у нее было такое выражение, как будто мы все ей глубоко противны. Или это мое специфическое арбузное восприятие.

Умка: Я, когда холодно было сильно — не играла; пальцы крючит, петь-то можно, играть нельзя. Ничего хорошего нет играть на улице.

Мы медленно бредем мимо кроличьих шапок и Ленина, показывающего фак.

Аня продолжает: «Есть, правда, ощущение преодоления. Я,

собственно, не из принципа играла, а просто деньги нужны были».

Сама Умка гораздо бодрее все это описала семь лет назад в своей статье для одного журнала, про то, каково это — играть на Арбате. Статья вышла в разделе «Культура». Вот так описывалось начало карьеры.

> **Умка:** Когда в декабре 95 года мы с Вовкой внезапно заметили, что стали попросту пухнуть от шоколадного крема, которым питались уже на протяжение недели или двух, было решено начать зарабатывать деньги. Ингредиентами для шоколадного крема выступали стратегические запасы голодных времен: просроченное какао, сахар и подсолнечное масло, ну, и вода, конечно…
>
> …Кроме моей гитары, у нас был индийский барабанчик-табла, приобретенный в каком-то эзотерическом магазине в редкие минуты разбогатения, и ископаемый маракас.
>
> **Я:** А как долго ты здесь была?
>
> **Умка:** В 95–98.

Я задумываюсь. Как раз мы тут с моей подругой Пальчиковой и еще одной немного сумасшедшей пожилой женщиной снимали соседние комнаты в коммуналке. То есть не совсем тут, а вот в этом переулке под названием Сивцев Вражек. И каждый божий день Арбатом ходили по своим делам, к метро там или за продуктами. И сто процентов проходили поющую Умку. Но я почему-то ее не помню.

Умка продолжает с тем же отсутствующим лицом. Мы проходим кичевую золотую статую и начинаем топтать ступнями плитки «Дорогому зайчику от Муси».

> **Умка:** Это был последний всплеск этого Арбата. Тут еще хиппи какие-то собирались. Потом я уже поняла, что они спецом приходят меня послушать.

Уже который раз мы заговариваем с Аней про хиппи. И я думаю, что для таких вот людей, как я, хиппи, которые, оказывается, все годы прямо с моего рождения были в нашей стране и сейчас есть, как будто какие-то инопланетяне, рядом ходят, тусуются, песни поют, а мы их не видим. Ну, то есть, я не вижу. Мимо нас проходит странная компания людей. Несколько широкополых охранников в камуфляже прогуливают господина в легком пальто. Господин с видимым удовольствием пялится на

всякую лоточную дребедень.

Умка: Я когда филологией занималась, я все думала, вот пробьет час, я бумажки все выкину, и у меня перед глазами видение: вот я стою с гитарой, так «блямс» — и все соберутся. И когда я первый раз это сделала, то никто особенно не собрался. Это было смешно.

Аня поправляет бейсболку и останавливается.

Потом уже, конечно, такое обретаешь ощущение (показывает мне крепко сжатый кулак), что вот они все у меня здесь, я научилась это делать здесь. Когда ты знаешь, что владеешь аудиторией. После «здесь» выходить на сцену в клубе, это прям курорт (улыбается и смеется).

Умка: Началось с того, что весной 1995 я шла на квартирник памяти Майка, где собиралась поиграть после огромного перерыва, и вот тут (показывает на точку) сидели маленькие хиппи, а у меня было приподнятое настроение, и я им сказала, а давайте я вам песенку спою, а меня не знает никто, потому что я не тусовалась уже много лет. Я гитару — рраз. На ней — бээмс. Что-то спела, смотрю, они говорят, ой, она умкины песни поет. И один сообразил: «Так это же Умка и есть»! Я думаю: «Ого, не забыли».

Я вспоминаю, как Умка рассказывала про то, что у нее был после активного хиппования семилетний период глубокого замужества, когда она не писала и не пела песен, старые связи распустила как вязанье и вообще занималась исключительно филологией. Но потом поняла, что это не ее путь, и с восторгом вернулась в музыку. Значит, было это тут.

А Умка мне показывает еще один арбатский закоулок.

Умка: Вообще ничего хорошего здесь нет, в этом Арбате… Тут было в 86-м году кафе, называлось «Арба», у него все собирались, потом выгнали, а вот тут была «решетка», из которой шло тепло, и все тусовались «на решетке». А вот здесь через 10 лет стало кафе «Бублики», и потом уже, в 95-м и далее, собирались здесь, и тут было мое главное место, где петь.

Мы миновали художников, и мне опять пришло в голову, что

лучше б они меня рисовали, а не Ди Каприо.

Умка: Для настоящего музыканта это невыносимо. Вся эта машинерия уличная.

«Машинерия? — переспрашиваю я, — комбики и усилители для гитары?»

Умка: Нет, это когда ты смотришь: кто пришел, кто ушел, если у кого-то кто-то попытался что-то спиздить, кто-то с кем-то подрался, ты сразу это разруливаешь.

«А это что, — я удивляюсь, — твоя проблема»?

Умка: Это моя проблема до сих пор.

Я, кстати, помню почти всех, кто тогда на Арбате играл. Были там мальчики, которые ходили и лежали на стеклах, были актеры, которые травили анекдоты возле театра Вахтангова, а вокруг них собиралась плотная толпа. Мне казалось тогда, что это очень крутая работа. Пел кто-то тоже все время, но мне не нравилось.

Проходим как раз театр. Огибаем тетю с сонным котом на руках. Ворочают головами по сторонам бодрые пожилые японцы.

Мне всегда казалось, что эти вот нелепые иностранцы должны как-то финансово оправдывать свое присутствие на этой улице, сорить долларами, что ли. На этот часто задаваемый самим себе вопрос Умка в своей статье ответила так:

«С долларами, между прочим, засада. Отправляясь на Арбат, всегда мечтаешь о богатом иностранце, который так проникнется, что отстегнет тебе сразу полкошелька… Фигушки. Иностранцы предпочитают не останавливаться, а если и башляют, то чрезвычайно скупо. Только как-то раз мы снискали одобрение американской девицы, купившейся на пару госпелов в моем отчаянном исполнении. Оказалась из некоей христианской организации. Дала, по-моему, доллар или два».

Аня подметает фиолетовыми клешами мостовую. Оператор забегает вперед и снимает, как она долго стоит одна на фоне строительных лесов, оплетающих запредельную арбатскую недвижимость.

Умка: Никакой ностальгии не испытываю, не могу сказать, чтобы я любила Арбат.

И добавляет вопреки всякой логике:

Возвращаешься откуда-нибудь сюда, как будто домой вернулась. (Длинная пауза)

В общем, здесь больше плохого, чем хорошего.

Взгляд Умки скользит по торговцам в передниках поверх курток, по прохожим.,

Умка: А вот тут была гуттаперчевая девочка в купальнике, с грустным выражением лица и длинными волосами. Ох, как мне ее стало жалко — я однажды видела, как за ней пришел отец.

«А художников ты этих знаешь?» — говорю. «Конечно, — кивает Умка. — Тут такие подводные течения, все всех знают». Проходим «стену Цоя». Там сидит на рюкзаках стайка подростков в черном.

Умка: Я раньше за деньги не играла, начала на Арбате (вздыхает). Тут начинаешь не в глаза смотреть людям, а в руки, сразу оцениваешь, сколько кто положит.

Один мой знакомый сказал, что Арбат — это улица неудачников.

«Ну что, — подошел к нам оператор и, закусывая перчатку, лезет за сигаретами. — Я все снял. Куда мы теперь?» «На Гоголя», — говорю.

Глава четвертая
Нежные души

В общем, я так себе понимаю, что к тому моменту, когда Аня впервые пошла со своей старенькой «Кремоной» петь песни на Арбат, она была кандидатом филологических наук. А до этого у нее был перерыв на то, чтобы быть женой и научным работником, а еще до этого она увлеченно хипповала. И Гоголя, на который мы сейчас шли, Гоголевский бульвар, был важным местом хипповой тусовки. Эту часть жизни неведомые силы тоже от меня утаили, несмотря на то, что Гоголевский бульвар и его окрестности года три был моим ежедневным маршрутом. Более того, у меня на Гоголевском проживает несколько близких друзей и их семей. Дедушек с внуками и собаководов — помню. Хиппи — нет. Мы подходим к памятнику.

Умка: …здесь вот, как ни идешь, обязательно на лавках лежат колдыри и спят.

От лавки отделяется уголовного вида молодец и идет к нам, но еще не нагнал.

Умка (с некоторой досадой): Сейчас будет деньги просить. Давай говорить по-английски?

Я: Давай.

Парень подходит к нам с оператором. Умка незаметно заворачивает за памятник и уходит в глубь бульвара. Мы остаемся с уголовным молодцом. Второй оператор продолжает писать звук удаляющейся Умки.

Умка: Я предупреждала. Мое дело было предупредить.

В это время тип, хотя мы его об этом не просили, читает в камеру стихи, где обильно повторяется слово «Христос». Сначала он нежно просит денег на хлеб, а потом уже не нежно на героин. Тут же начинает вязаться к оператору и толкать его. Мы наконец убеждаем типуса отцепиться по-хорошему. В это время Умка от нас удалилась метров уже на 30. Догоняем, и она мне тут же говорит: «Я, кстати, не хочу, чтобы этот тип попадал в мое кино». Ну, начинается, думаю, но молчу.

Умка смотрит на меня потеплевшим взглядом и продолжает миролюбиво:

«Я же тебе говорила, вот ты выйдешь в Нью-Йорке на Таймс-сквер, там точно такие же».

Мы идем вдоль бульвара.

Умка: Вот на той лавочке, где они (показывает на козырную первую скамейку, где расшумелась сейчас уголовная компания) сейчас сидят, можно было сидеть зимой (86–87) и петь песни.

Я прошу объяснить мне мотивы человека, который зимой идет петь песни на лавочку. Умка укоризненно смотрит, но терпеливо все объясняет.

Умка: Ну, было такое ощущение праздника, такой победы непрекращающейся. В чем праздник заключался? В том, что ты все бросил, все послал и пошел на улицу шляться, томсойерство такое, в общем-то.

Я слушаю Аню и упускаю момент, как нас окружают еще какие-то люди.

Аня моментально повышает голос и говорит уже не мне, а

этим людям:

«Смотрите! Вот это Хоббит! (оборачивается ко мне и оператору) Вот это хорошие люди, вот это можно и нужно снять».

Не абсолютно трезвый мужчина подходит к Умке и церемонно целует ей руку: «Анна, здравствуйте. Мы пьем водку». Еще один бородатый человек наклоняется и целует руку. Аня им очень рада, это видно. Хотя потом она мне говорит, что не любит, когда ей целуют руку, и потом тайно вытирает ее. Лицо у нее стало совсем другим, не тем, которое она носила с нами по Арбату. Улыбка не сходит. «А вы понимаете, что попадаете в кино?» — говорит она честной компании. «А хуй с ним», — по-доброму отвечает кавалер, целовавший ручку. Хоббит, мужчина в бороде и бейсболке, кружит легким пританцовывающим шагом вокруг нас. «А почему вы хоббит?» — спрашиваю я его. «Потому что у него ноги волосатые», — шутит кавалер с манерами. «Но вы совсем не похожи ни хиппи», — говорю я беспомощно. Умка (продолжает заливисто смеяться): «А я похожа?» Хоббит объясняет мне, что у него есть некий внутренний хайр, так что внешний необязателен. Мы с группой тактично отходим, оставляя друзей поговорить, а микрофон-петличка на груди Умки продолжает, конечно, фиксировать разговор. Нетрезвый кавалер обсуждает с Аней последний альбом Боба Дилана. Умка говорит с ним про Дилана, а следом объясняет всем, где будет ее следующий концерт. Хоббит спорит с компанией, что группа (название не разобрать), от которой в восторге остальные, ему совсем не нравится. Все время разговора еще один товарищ двухметрового почти роста с длинными рыжими волосами и бородой стоит, молчит и улыбается. Похож на викинга. Хоббит рассказывает анекдот. Аня очень задорно хохочет. Мы стоим в отдалении.

Умка: Ништяк. Спасибо.
Хоббит: Пожаба.

И мы оставляем теплую компанию и уходим.

Я: Дааа, нежные души скрываются за этими маргинальными лицами…
Умка: А они совсем не маргинальные. Просто вышли побухать.
Я: А как было в 80-е?
Умка: В 80-е вот так все и было, только все были моложе.

Глава пятая

Снег

Эпиграф:

Вот девочка в папиной рубашке и чужих левисах,
Она зависает на неслышных другим голосах,
Она заплутала в каменных лесах, как мустанги в её волосах,
И она так непохожа на Люси в небесах.

А я бросаю мужа, сына и институт,
Я играю на чужих гитарах то там, то тут,
Ради чего? Ради кого? Разве меня здесь ждут?
Я не стану отвечать — ответ был бы слишком крут.

Хей! Посмотрим на себя, разве мы дети цветов?
Мы живем, не любя, мы боимся даже кустов.
И ради чего-то, чем травят клопов.
Твой друг тебя кинуть готов.
Хей! Посмотрим на себя, дети цветов!

Из песни Умки «Дети цветов»

Говорят, что у эскимосов 32 слова, обозначающих «снег». То есть они различают 32 его вида. А для нас «снег» и «снег». Именно это я и говорю Ане, когда мы едем назад. И дальше говорю, что для меня пьяницы на первой скамеечке такие же, что и на второй, и что я ни за что не отличу, где плохие типы, а где хорошие хиппи, ну или бывшие хиппи, и что мой бэкграунд призывает все эти скамеечки обходить за километр. Аня искренне удивлена, как же, разве же ты не видишь. Я тоже искренне удивляюсь, что господа, раздавившие пузырь на скамейке, могут целовать руку и говорить о последнем альбоме Дилана. Я в итоге понимаю, что, говоря по-умному, мое восприятие стереотипно, а разница между скамеечками на самом деле принципиальная. Мы сидим на бульваре, и Аня говорит с глубоким сожалением таким:

«Мне не хотелось влипать в этот фильм, но я почему-то верю, что у тебя получится честный фильм, обычно получается такая попса и такая дрянь (на лице брезгливая гримаса), когда посторонние люди в это влезают. Это личное для всех нас, это очень не хочется вытаскивать на поверхность».

Очевидно, пора поговорить про хиппи.

Умка: Почему я сопротивляюсь теме про хиппи? По

моему глубокому убеждению и вследствие многолетних наблюдений за окружающей средой, на самом деле ничего не меняется. Общество остается таким же, каким было, и люди не меняются по большому счету.

Я: Да.

Умка: Тем более противно, что те же самые люди, которые 25 лет назад подвешивали хиппанов за ноги и поджигали им волосы, те же самые люди проявляют к этой теме нездоровый интерес, потому что она немножко щекотливая, там же и наркотики, и свободная любовь, какое-то отклонение от общественных норм. Какой-то гаденький интерес, как на тему гомосексуализма, или проституции, или… какие еще бывают темы… каких-нибудь преступных кругов.

Я: Тебе не кажется, что прошло достаточно много времени, чтобы относиться к этому как к чему-то историческому?

Умка: Нет, ничего исторического в этом нет, это моя жизнь, — пока я жива, это жизнь не является исторической, она является современной. И обыватель остался абсолютно таким же, я как тогда я его не боялась, так и сейчас его не боюсь. Мне просто противен праздный обывательский интерес. А с тобой я, естественно, так подробно разговариваю, потому что у тебя не обывательский, но и не журналистский, а какой-то глубокий личный интерес. Мне это приятно, и именно поэтому я пытаюсь насколько можно открыто об этом разговаривать.

Мне приятно, действительно. Аня продолжает чеканить слова.

Умка: Те основы, на которых стояла вся цветочная революция 60-х, для меня до сих пор являются живыми действующими основами, на которых стоит вся моя деятельность и вся моя вообще голова, и вообще все то, как я строю свою жизнь. Мне на самом деле совершенно все равно, во что это на самом деле все превратилось. Я имею внутри себя вот эту основу. Такая же самая основа существует внутри ныне действующих старых музыкантов, которых никак не назовешь хиппи. Боб Дилан, Игги Поп, Кит Ричардс и многие другие. Преуспевающие западные музыканты. С огромными гонорарами, всенародным именем всемирным, но это люди, выросшие на этой почве. Я скромно надеюсь, что я

делаю одно с ними дело. Меня не волнует, насколько это дело безнадежно. Конечно, оно безнадежно.

Я: Но это нормально.

Умка: Это нормально. Потому что никакой другой жизни, никаких других основ мне не известно. С момента достижения сознательного возраста я никакой другой основы для своей деятельности никогда не видела, то есть как только появилась эта основа, у меня появился глобальный смысл, в котором я до сих пор нахожусь и, надеюсь, буду находиться всю жизнь. Вот сейчас я сказана то, что я должна была сказать с самого начала. Я настаиваю на том, чтобы это было вот в таком вот виде.

И Аня рассказала, как первый раз попала в «Вавилон» (кафе «Аромат»). Прибежала девочка с ее курса Литинститута и сказала, что там, в «Аромате», сидят настоящие хиппи. Аня сказала: быть не может, пошли посмотрим.

Умка: Дальше сидели, тусовались, было очень скучно и непонятно было, в чем смысл сидения в этом кафе, кроме как сидеть и приобщаться к тусовке. Но выглядело все очень красиво, люди были невероятной красоты.

Я: А потом?

Умка: А потом я поехала автостопом первый раз.

Я: А куда?

Умка: В Питер, конечно. На как бы такую большую тусовку всесоюзную, слет или съезд хиппи в 79-м. Белые ночи, там все сидели на ступеньках Инженерного замка, пели песни, мне казалось, что там очень много народу, сотни человек. А потом я уже стала ездить стопом. Вообще, это было круто по-настоящему.

Аня довольно долго объясняла мне, что хиппи были альтернативой тому образу жизни, который «врал, что только он и бывает», всему этому унылому совку. А для юной натуры, жаждавшей свободы и красоты, хиппи были страшно привлекательны. На западе это и была основа молодежной культуры и сердцевина всей музыки, у нас этого как бы не было, а если было, то выдиралось, выкорчевывалось и затаптывалось. А что до музыки — то выбора не было, люби советскую эстраду, вон она какая душевная. На западе быть хиппи было совершенно нормально, как потом нормально перестать быть хиппи. А в нашем любимом государстве, если уж ты зарядился быть

аутсайдером, то вряд ли будешь баллотироваться в президенты и через 20 лет.

Вот например, рассказывает мне Аня, в Америке — там хипповали все, ну почти все; то поколение, которое старше Умки на 10–15 лет, ходило на концерты Грейтфул Дэд, ездило автостопом, курило травку и тянулось к фрилаву. Теперь кто-то стал сенатором, этот бизнесменом, этот музыкантом, все нормально влились в общество, когда повзрослели.

Наши же создали закрытую систему, чтобы, может быть, уберечься от агрессивного совка и аппарата насилия. Система так и называлась «Система». Она связывала длинноволосых по всему Союзу. Можно было приехать автостопом в любой, в принципе, город, найти там хиппи, и тебя автоматом вписывали на ночлег к незнакомым, но своим людям. А может, и знакомым. Именно так до сих пор и ездит на гастроли Умка и ее группа. У Ани есть толстенная записная книжка, где мелким неразборчивым почерком записаны сотни телефонов по всей стране и дальше. Вот, кстати, кусочек райдера группы «Умка и Броневик», для иллюстрации:

«Вписка на двоих в одной комнате в квартире или другом помещении без аллергенов, остальным двоим или троим отдельные кровати в других комнатах (возможно, в другом доме). Матрасы на полу допускаются, если чисто. Шумная пьянка ночью (а также afterparty в клубе) исключается, равно как и побудка рано утром. Мы можем ночевать и в гостинице, но это случается редко. В большинстве городов у нас есть друзья, которые нас всегда ждут».

Глава шестая
Секс, наркотики, рок-н-ролл
Пункт а: секс или без ложной скромности

Эпиграф: Суд над Фрэнком Заппой.

Ответ Заппы: *«Я куплю тебе винцо» означает приобретете ковбоем алкогольного напитка для официантки, а то, что она сядет на лицо, означает, что девушка сядет ему на лицо.*

Вопрос: *Содержится ли здесь чувственный смысл?*

Ответ: *Не обязательно. Можно предположить, что она просто будет кататься на нем верхом в необычной позиции.*

В: *Это вы серьезно?*

О: *Безусловно.*

В: *«Я приобрету для тебя алкогольный напиток, а ты можешь покататься на мне верхом, сидя на моем лице»?*

О: *Там не так сказано.*

В: *Но насколько я понял, вы указывали именно на это значение. Или я неправильно понял?*

О: *Да нет, интерпретация может быть и такой в том числе.*

В: *Вы это написали. Вы должны были что-то иметь в виду.*

Судья Мокатта: *Что это означает: «Можешь сесть мне на лицо»?*

О: *Это означает, что некто может сесть вам на лицо.*

В: *Не самое приятное занятие для того, на чье лицо садятся, я полагаю?*

О: *Ну, этот ковбой Берт довольно необычный персонаж.*

Мистер Огден: *Мистер Заппа, вы являетесь автором этого текста?*

Ответ: *Да.*

THE REAL FRANK ZAPPA BOOK (Отрывки).

Вольный пересказ с американского А. Герасимовой.

Я: Ну вот, я пытаюсь вытянуть из тебя информацию про первую любовь.

Умка (после некоторого сопротивления): Ну, это был такой, он и сейчас такой… я от него очень много взяла, я полностью себя под него переделала при том, что он этого совершенно не хотел. Я научилась ходить, как он, держать сигарету, как он, походка, я постоянно копирую, вообще, если я там в кого-нибудь влюблена, я копирую речь, походку, всякие там словечки, всякие жесты, т. е. я у него похищала буквально шариковые ручки, которые нюхала, потому что они пахли сигаретами «Прима», которые лежали у него в кармане пиджака, и вообще, наверное, вся эта последующая эстетика моя, она вот оттуда. Это был человек с длинными волосами, он знал там каких-то хиппи, он вел весьма богемный образ жизни, это был совсем другой пласт, который благодаря этому человеку очень сильно для меня романтизировался. Мне было 17 лет, был 1-й курс. Я вот увидела его, это было как просто молотком по голове.

Я: Он был в пиджаке — и с длинными волосами при этом?

Умка: Он так ходил, он до сих пор такой. Он всю жизнь ходит всегда в костюмах, в галстуках, в рубашках, в белых желательно, все это очень засаленное, грязное, прокуренное, помятое, галстук немножко набок, верхняя

пуговица всегда расстегнута, рубашка — всегда одна половинка вправлена в штаны, другая — вынута из штанов, это было невероятно обаятельно. И такая была совершенно ангелическая внешность, блондин, белокурая бестия.

Прекрасный юноша, несмотря на весь накал, поддерживал с Аней исключительно платонические отношения.

Умка: Да, это вот бухать, шляться по улицам, мечтать там о звездах, не спать ночами. Кстати, и первые же пластинки пришли тоже от этого человека.

Я: Но ни в коем случае не целоваться и не трахаться?

Умка: Я бы с удовольствием, но в данном случае это было невозможно почему-то.

Я: Голубой, что ли, был?

Умка: Нет, просто у нас с ним были не такие отношения каким-то образом. Т. е. в какой-то момент он понял, что я, видать, в него очень сильно влюбилась, и увильнул от меня, потому что ему не хотелось так сильно привязывать к себе человека.

Я: А ты была решительной девушкой?

Умка: Я была ужасно нерешительной девушкой. Если бы я была решительная девушка, такая, какой я стала, например, через 2 года, я бы взяла его за шкварник, трахнула и отпустила бы, кончилась бы вся любовь. Но именно благодаря тому, что этого не произошло, это как-то даже не растворилось, это бах! — и заполнило весь мир.

Я: А что с тобой случилось за 2 года?

Умка: Ну, во-первых, я из девочки превратилась в женщину. И я решила, что раз у меня с ним ничего не получается, значит, я буду трахаться с остальными, ну а что теперь делать, и началась какая-то более или менее веселая жизнь.

Тут я припоминаю, как мне рассказывали знающие люди, что к концу 70-х сложилось у них представление, что секс — это средство общения, ну, типа рукопожатия. Не в буквальном смысле, но в этом направлении. Показался тебе человек интересным, и ты с ним переспал, а потом еще кто-то интересный — и понеслась. Тут меня перебили и сказали: «А что, сейчас не так разве?» «Нет, — говорю, — ну, сейчас всякий СПИД и вообще „надень его — надень на него“, а тогда была

сексуальная революция». То есть много партнеров считалось круто.

Я: Про свободную любовь расскажи, пожалуйста.

Умка: Замечательный вопрос. Мне его часто задают: «вот как ты думаешь, фрилав — это правильно или нет?»

Я: Я вот в этом вопросе не специалист вообще…

Умка: Ну, скажем так, я большой специалист в этом вопросе, без ложной скромности, то есть я очень рационалистично овладела этим мастерством, я просто четко поняла, что необходимо исследовать эту сторону жизни, потому что в моем воспитании есть очень серьезные проблемы, меня никогда не воспитывали как девочку, мне никогда ничего этого не объясняли, и вообще считалось, что это блажь какая-то, придет время — выйдет замуж, и все. Ну, то есть издержки вот этого интеллигентского воспитания. Поэтому я до всего доходила сама, своими собственными методами, вполне соответствующими духу времени. Мои родители, конечно, были в ужасе. Надо сказать, что сначала-то я особенно не бесилась, я уже потом стала беситься. В силу своей природной скромности я не буду углубляться в детали, я подожду еще немного, лет 20.

Я: То есть это небезопасный секс?

Умка: Да-да-да. Просто ты плюешь на небезопасность, ну как бы это представляется все равно что пожать руку или поцеловать в щечку, то есть хорошие отношения.

Я: Это был способ общения?

Умка: Да, это был способ получше узнать собеседника. Ну, то есть была какая-то честность, в том числе перед собой. Во всяком случае, от комплексов избавляет просто на раз, а у меня очень серьезные были комплексы относительно внешности, там носа, ушей, фигуры… в то время нужно было быть желательно блондинкой и обязательно очень худой, обязательно с длинными ногами. Такой шестидесятнический идеал: очень худая блондинка с голубыми глазами и длинными волосами, которая может надеть очень короткую мини-юбку.

Я: Анекдот: «Вам не говорили, что вы похожи на Бриджит Бардо? Нет? И правильно».

Умка: Ну, это очень хорошо действует. Все пробелы воспитания были замазаны черной, разноцветной, всякой

краской. Еще я всегда рассматривала противоположный пол, как друзей, как братьев, т. е. для меня это не было перетягивание каната, не армрестлинг, т. е. я всегда на равных в этом смысле. Поэтому мне ужасно смешно и погано наблюдать такие вещи, когда бабы пытаются «взять от мужчины то-то и то-то»: сама возьми и сделай себе то-то и то-то, не надо ничего брать, что значит: «он мне должен то и се»?

Я: Это такой вид дружбы?

Умка: Да, это такой вид дружбы.

Я: Ну а как же насчет страсти, темперамент, с этим как?

Умка: С этим у меня полный порядок, иначе бы я не могла с такой легкостью этим пользоваться, — если бы у меня были проблемы, то какой смысл? Использовать как универсальное средство общения можно только то, что ты делаешь очень хорошо. Вот я пою хорошо, вот у меня есть теперь вместо этого пение. Пение вообще удобнее, можно сразу 1000 человек обаять. Была пара периодов, когда я пошла вразнос. А вообще-то я совершенно моногамное существо, и большую часть своей жизни я провела глубоко замужем.

Я: А вразнос ты пошла — это как?

Умка: Ну, это я совсем уже захипповала до небес, и тогда не приходилось думать об опасности и безопасности, когда вокруг одни сплошные опасности, когда внутри этого находишься, то уже ничего не страшно.

Я: «Захипповала до небес» — это значит, например, у тебя за месяц было, например, 10 разных человек?

Умка: Схема очень простая, просто ты же нигде не живешь, где-то тусуешься, где-то куда-то вписываешься, так какой-то симпатичный человек, вы с ним разговариваете, вы друг другу нравитесь, вы с ним спите, утром расстаетесь и больше можете никогда не повидаться. Таким образом. И это любовь в этот момент, только очень короткая. Она большая, но очень короткая.

Я: И потом можете не увидеться?

Умка: Можете не увидеться, а можете увидеться через 10 лет. Я крылышком только задела эту сторону жизни, а люди жили так годами. Я всего, может, года полтора была в активном состоянии, когда я действительно делала все возможное, от употребления каких-то веществ до путешествий, я могла делать все,

что угодно, и была совершенно бессмертна, абсолютно неуязвима, и я могла абсолютно все сделать. То есть у меня было ощущение, что я щелчком пальца могу просто перевернуть мир. Это вот такое состояние.

В процессе разговора у меня появляется стойкое ощущение, что жизнь прошла мимо меня. Не потому, что мне хотелось чего-то подобного, не важно чего, но чтобы было ощущение, что я живу, блин, а не планирую.

Глава шестая
Пункт б: автостоп

Эпиграф:

«Как-то в полдень, в конце сентября 1955 года, вскочив на товарняк в Лос-Анджелесе, я забрался в „гондолу“ — открытый полувагон и лег, подложив под голову рюкзак и закинув ногу на ногу, созерцать облака, а поезд катился на север в сторону Санта-Барбары. Поезд был местный, и я собирался провести ночь на пляже в Санта-Барбаре, а потом поймать либо наутро следующий местный до Сан-Луис-Обиспо, либо в семь вечера товарняк первого класса до самого Сан-Франциско».

Джек Керуак. «Бродяги Дхармы»

Перевела с американского А. Герасимова.

У нас в Вологде на телевидении было специальное слово для определения того стиля изложения, в котором я пишу. Называлось это «смехуечки и пиздохаханьки». И мне, а этот стиль мне нравится, он позволяет весело относится к своим траблам, но истории другого человека преломляет не всегда реалистично. Так что о той части Аниной жизни, которая мне совсем не кажется смешной до упаду, лучше пусть она сама расскажет.

Тем более что у нее на редкость хороший русский язык, говорит, как пишет.

Умка: Это образ жизни, это нормально было, это свобода такая, неограниченная свобода, которая распущенность полная, но при этом ты все можешь, ты можешь все, что хочешь, а хочешь ты очень немного на самом деле, не хочешь ты роллс-ройс. Ты хочешь в данную минуту, например, вот встать и уехать в Таллинн, скажем, ты просто вот встаешь и выходишь в любое время суток на соответствующую трассу, и утром

ты оказываешься в Таллинне. Ну, вот это как-то все с полпинка делается, мир становится совсем другой. Когда с ним вот так активно взаимодействуют, он с тобой тоже начинает, он отвечает тем же, он вообще преображается, становится податливый такой, как пластилин размятый. Берешь пластилин обычный, жмешь его, и он уже мягкий, теплый, из него можно делать все, что угодно. И вот таким становится мир, если ты вот так себя ведешь. Ты спросила меня, в чем проявляется этот образ жизни, я пытаюсь объяснить, как он возникает, ты летаешь вообще, просто летаешь. Это совершенно все равно, какие-то деньги там, какая-то работа, какие-то там долги по отношению к кому-то, ну там есть какой-то червяк, что надо позвонить маме, чтобы не волновалась, но у меня это есть, а у большинства людей не было даже такого.

У меня была одна знакомая девушка, которой было 17 лет. Но замечательна она была не этим, а тем, что проехала столько же стран стопом, сколько ей было лет. Это не укладывалось в моей голове, потому что мне кажется, что междугородние трассы полны маньяками и чем приличнее выглядит водитель, тем скорее он маньяк, только ты наклонишься, а он — тюк тебя по голове, или он наклонится, а ты его тюк, ну как в советском детективе.

Девушка мне объясняла, что это такой спорт, что у них есть экипировка и рации, что их, стопперов, много, и ездят они из одной точки на скорость. Судя по гримасе Умки, именно этот вид автостопа она презирает.

Я: Про автостоп мне хотелось бы узнать. Это в Советском Союзе было что такое?

Умка: Да то же самое. Сейчас масса народу катается. Ну, как, вышел, поднял руку и поехал.

Я: Это для меня примерно как «сейчас масса людей водит самолеты».

Умка: Автостопом летом ездят ну, тысячи людей.

Я: Как? Ты ловишь машину, там может оказаться любой ублюдок.

Умка: Ублюдок никогда не будет отвлекаться, чтобы схватить тебя за жопу лишний раз.

Я: Ой, не скажи.

Умка: Не, не, не, он за рулем, он устал. Особенно дальнобойщик. Дальнобойщики редко бывают ублюдками. Обычно они очень хорошие дядьки. Добрые,

он скорее накормит тебя, ну может там кинуть: «А чо ты на трассе? Ты не работаешь?» — «Нет, не работаю». Ну, в смысле, не работаешь ли ты на трассе проституткой? — «Нет». Вопросов больше нет.

Я: А они, проститутки, что, могли в любой точке трассы работать?

Умка: Ну, это раньше так было, а сейчас у них, наверное, там, как и везде, какая-то глобализация, профсоюз и прочее (ха-ха). А раньше любая баба могла выйти на трассу подзаработать 10 рублей. Я не знаю, как там было, я никогда в жизни не видела ни одну плечевую. Плечевая — это проститутка, которая работает на трассе.

Я: Да ладно.

Умка: Потому что перегон от автостоянки до автостоянки называется «плечо», насколько я понимаю. Ну, не важно. В общем, я их не видала. Я никогда в жизни от дальнобойщиков не видела ничего плохого. Наоборот, ты ему там телегу прогонишь про хиппи (извиняюсь, было дело 20–25 лет назад), он все понял, он останавливается возле столовой и говорит — пошли. Ты говоришь: у меня нет денег. Он говорит: фигня. Идет покупает тебе первое, второе, третье, компот, иногда просит песенку спеть.

Я: Получается, что ты можешь сутками не есть, раз нет денег, надо быть к этому готовым?

Умка: Угу. Но можно, например, зайти в столовую и попросить просто хлебушка. Хлебушка-то полно нарезанного лежит на столах. Это еще было при Советском Союзе.

Я: Это ты к чему? Что сейчас не лежит?

Умка: Я не знаю, я давно не ездила. У меня очень давно так не было, что не было ни копейки действительно в кармане. Как только у меня завелись деньги, я перестала ездить автостопом.

* * *

Тут Аня рассказывает мне, что люди вообще-то постоянно помогают друг другу. Я сомневаюсь. Рассказывает тогда, как ее и сына Леху лет десять назад по трассе подвез мужик один, а потом к себе пригласил, напоил, накормил, Леху спать уложил, а поутру купил билеты им в купе до Москвы за свои деньги.

* * *

Я: А теперь вернемся к наркотикам.

Умка делает лицо.

Я: А как ты хотела?
Умка: Тогда ставь диски переписываться.

Аня принесла диски меня просвещать. Игги Попа, Заппу, Сида Баррета и Лу Рида. Как, говорит, ты музыкой занимаешься при таком невежестве.

Умка: Ставь переписываться, а то не успеешь.
Я: А я и так не успею.
Умка: Ну вот, что я их, зря таскала.

И переводит разговор опять на автостоп.

Я: Скажи, а как долго можно ехать?
Умка: Можно сутки, двое напролет. В одной машине я больше суток не ездила.
Я: Принципиально это было?
Умка: Обычно водитель так долго не едет. Он перекусить останавливается. А ты обычно торопишься.

Из песни «Оторвалась и побежала»:

«…Я забыл своё лицо,
Я подарил тебе кольцо,
Ботинки, брюки и пальто,
Но это было всё не то.

Чего же тебе надо?
Шоколада-мармелада? — Нет!
Винограда-лимонада? — Нет!
Ничего тебе не надо.

У тебя одна отрада,
Твоя награда — автострада
От Москвы до Ленинграда,
От Ленинграда до Парижа,
От Парижа до Берлина,
От Берлина до ЛондОна,
От ЛондОна до „Сайгона“…

…от Рязани до Москвы».

Один раз, лет тому назад десять, ее подвез бывший летчик-испытатель, симпатичный дядька лет 50-ти. И в процессе дружеской беседы сообщил, что работает мальчиком по вызову. Мол, я вас не знаю, а рассказать кому-то о работе очень хочется. Часа три описывал все детали. Про то, что у него альбом с фотографиями клиенток, как они в него влюбляются и разговоры разговаривают под коньячок. «А это, ну, это самое?» — «А „это“ подождет», — и говорят, говорят, душу тетки ему изливают. Кличку себе придумал для работы, говорит Аня, «Седой». Я ее, говорит, тут же переделала про себя «С елдой».

Мне все хотелось подробностей, хотелось представить себя в том месте, где я по своему характеру нипочем не могу оказаться. Там, где едут автостопом, там, где ночуют под открытым небом, если дальнобойщик не ловится. Аня говорит, что ей не нравится под открытым небом, потому что звезды спать не дают.

Маленького роста худенькая женщина сидит в моем большом кресле и рассказывает обыденным голосом совершенно запредельные для меня вещи. А я все приговариваю: «Жизнь прошла мимо».

* * *

Умка: Раньше я была выносливая. Я могла четверо суток не спать. Выносливая на грани фантастики. То есть водитель пошел спать. А я подняла руку и поехала дальше.

Я: А зачем?

Умка: А потому что так хочется. Ешь дорогу, спишь дорогу. Эта дорога, которая на тебя через лобовое стекло вливается. Это твоя еда, твой сон, твоя жизнь и весь твой интерес. Это такая медитация. Для меня это идеальный случай. Я однажды ехала трое суток без ночевки, у меня была горбуха хлеба черного и витамины, ну я ела-ела эти витамины, и наконец они мне как будто дырочку в животе прогрызли. Я ехала на конференцию в Загреб, на филологическую. Для шутки взяла и поехала автостопом… Лет 10–12 назад у меня появились приличные палатка и спальник. Мне нужно, чтоб рюкзак был легкий. Не брезентовую же палатку тащить. Но если

жаркие страны, то можно ночевать и на земле. Когда у меня не было палатки и спальника, я предпочитала всю ночь ехать или идти. Однажды я шла часов, наверно, семь — в ноябре. По трассе Барановичи-Брест. И очень было хорошо. Идешь так, идешь.

Я: То есть, если тебя как десантника забросить в лес, ты бы там отлично выжила?

Умка: Безусловно. А чего там? Только вода нужна.

Я: Четверо суток бы протянула бы в лесе?

Умка: Ну, а чего там, грибы-ягоды.

Я: Даже бы и не парилась?

Умка: А чего мне париться?

На ее лице опять появляется знакомое мне брезгливое выражение, и Аня говорит с ощутимым сожалением, что уже не может сейчас без еды и сна.

У нас осталось несколько минут, все должны разбегаться, диски с правильной музыкой я уже не перепишу.

Я: В оставшиеся пять минут можем вместить вопрос про наркотики.

Умка (в сердцах): Да что ж такое, дались тебе эти наркотики.

Я (упрямо): Я хочу, чтобы ты рассказала.

Умка (с выражением «да отвяжись ты»): Я не знаю, что тебе нужно рассказать.

Я: Скажем, почему ты перестала.

Умка: А я особо и не начинала. Я как бы всего попробовала, что мне было интересно, а что мне было неинтересно, я даже и не начинала.

Пять минут истекают, Аня забирает свою эксклюзивную микроскопическую гитару и убегает на концерт.

Глава шестая
Пункт в: драгс и рок-н-ролл или что может сообщить о себе кандидат филологических наук Герасимова

Эпиграф 1: будни группы Грейтфул Дэд.

«…А тем временем на чердаке грохочет старая пилюле-штамповочная машина немецкого производства. Музыка покрывает все наши грехи. ЛСД, в виде лиловой муки, загружается в машину из барабанов — похоже на булочную. Каждый раз, когда выплевывается очередная таблетка, в воздухе возникает облачко лилового тумана. Все в доме покрыто слоем кислотной пыльцы: вверху, ближе к чердаку, погуще, чем ниже — тем тоньше. Просыпаясь утром, я чувствую, как она скрипит на зубах. Кожа сухая, раздраженная. Впрочем, мы настолько прокислочены, что спать почти невозможно. Если все же удается уснуть, сны снятся очень странные».

ИЗ КНИГИ РОКА СКАЛЛИ (менеджера группы Grateful Dead) «LIVING WITH THE DEAD».

Пересказ с американского А. Герасимовой.

Эпиграф 2:

«Однажды мы целовались и так далее у нее на диванчике, и она говорит: „Почему ты не хочешь пойти до конца?“ Я обломался. Наконец как-то ночью в моей комнате — у меня была такая странная комната с маленьким балконом. Я там срал, на этом балкончике, и оставлял сохнуть. И вся мебель у меня в комнате, включая две одинарных кровати, шаталась и накренялась. Я сделал из всего этого лабиринт, так что нельзя было видеть дальше, чем на два-три фута в одном направлении. Своеобразная была комнатка. Короче, она меня укурила хорошей травой».

Игги Поп «Хочу еще».

Вольный перевод с американского А. Герасимовой.

Мы встретились с Аней на следующий же день и начали общение с ритуальной перепалки.

Я: А ты устраивала и не собственные концерты?
Умка: Да устраивала.
Я: А кого?
Умка: Да ты их все равно не знаешь. Их много. Чего

ты так докапываешься?

Я: Потому что ты говоришь очень абстрактно. Мне кажется, за последние годы ты выработала манеру ничего не рассказывать.

Умка: А почему я должна чего-то рассказывать?

Я: Потому, что книгу-то писать о чем-то надо.

Умка: Пиши, пожалуйста.

Я: Я, конечно, могу наполнить ее какими-нибудь афоризмами.

Умка: А как надо рассказывать — вот жил-был Вася? Я же не курица какая-нибудь, что бы мыслить так ползуче.

Я: Понятно, что ты не курица. Я добиваюсь «стори». С началом, серединой и концом. И с деталями.

Умка: Ну, во-первых, конца еще не случилось.

Но это было так, наносное, такому проницательному человеку, как я, было очевидно, что Ане уже нравится, что мы делаем с ней о ней книгу. Смелее, полковник, как говорится в моем любимом фильме «Здравствуйте, я — ваша тетя». И я начинаю развивать мысль о том, что всех этих людей с пластиночек, которые она мне оставила, объединяет одно — настоящий трэш, жесткач и недетские истории. Все виды секса и все виды наркотиков в полный рост, драки, полиция, блевотина, испражнения — трэш, короче.

Умка: О боже мой! Да где же там трэш?

Я: Балкончик, на который нужно ходить гадить, и чтоб дерьмо засыхало, машинка для производства таблеток ЛСД.

Умка: Это рок-н-ролл, Лена. Это и есть настоящий рок-н-ролл. По молодости с кем не бывает. Хотя, по поводу засохшего дерьма — я это тоже не очень.

Я согласно киваю.

Умка: Нет, трэш — это есть такие книжки, где собран весь трэш про рок, про панк-рок, про всех в том числе про самых моих любимых музыкантов, все собрано. Кто у кого отсасывал, кто куда срал. Кто там с кем, что мерзкое происходило, кто блевал по углам.

Я: Спал ли Мик Джаггер с Дэвидом Боуи…

Умка: Вот там все это собрано для любителей, как ты говоришь, трэша. То что меня интересует в этих людях, это совсем не трэш. Вот Игги Поп — он очень

честный парень, он не то, что я. Вот у него брать интервью — одно удовольствие. Он тебе расскажет и про то, как он девочку какую-то трахнул…

Я: 13-летнюю… (именно на этой сцене Аня на тот момент оборвала свой перевод иггипоповской книжки)

Умка: Нет, это уже потом. А это — на полу в мужском сортире. Он тебе про пару таких девочек расскажет, а потом — «тьфу, заебали, не хочу на хуй этих девочек». Но ведь важно-то в нем не это. А то высокое, свобода и счастье… Главное в этих людях — что они настоящие, теплые, открытые и честные. И они такую же делают и музыку.

Я: Но ведь в них трэш присутствует?

Умка: Да это не трэш никакой. Это жизнь человеческая обыкновенная. Это рок-н-ролл.

Я: И что получается, рок-н-ролл сейчас вымер, что ли?

Умка: Да нет, почему. Он присутствует: и секс, и драгс, и рок-н-ролл.

Я: И где же?

Умка: Ну, со временем человек перестает предаваться всяким вот этим вот… (слово не находит)

Я: Ну, это все совершенно не вписывается в представления о приличиях (я, конечно же, главный блюститель приличий, чего там).

Умка (возмущенно): Каких приличиях? Куда не вписывается? Мы что, об обывательских представлениях о приличиях? Тогда вообще нечего разговаривать. Рок-н-ролл — он вообще против всяких обывательских представлений о приличиях.

Я: Так ты против выставления трэша на показ?

Умка: Да я против того, чтобы это выставлялось как ценность. Я, допустим, горжусь не каким-то экстримом. Это неинтересно, а интересно то, как чувак посадил меня на поезд и дал мне денег. А то, что мудаки в жизни бывают и разные гондоны — то тут уж куда деваться.

Мы продолжаем разговор про трэш, и, видимо, я начинаю вызывать серьезное беспокойство.

Умка (смотрит с сожалением): И вообще не понимаю, как ты умудряешься заниматься рок-н-роллом, совершенно не касаясь рок-н-ролла как такового вообще. То есть живя абсолютно цивильной жизнью.

Я: Ну, у меня же была передозировка кокаина, это

очень страшно было. Вот был трэш. Никому не пожелаю.

Умка: Я знаю эту историю, но это не была передозировка, просто он не сочетался с адреналином, правильно? Передознуться можно любым лекарством. Вот я, например, случайно один раз съела 30 таблеток амитриптилина.

Я: Случайно? А зачем же ты их съела? Хотела покончить жизнь самоубийством?

Умка: Нет. Не хотела. Я вообще считаю, что суицид — это позорно.

Я: А зачем?

Умка: Просто у меня был в то время один любимый человек, «трэшовый», как ты выражаешься. И его в очередной раз загребли в дурдом. И я очень расстраивалась, потому что его туда его родители сдали. И я поехала куда-то в гости. И с утреца просыпаюсь и смотрю: стоят таблеточки. Я спрашиваю: а что за таблеточки? А мне девушка говорит: я их по чевертинке перед сном. Ааа, думаю, сейчас я их схаваю. И бурум — съела весь пузырек.

Я: А зачем же весь?

Умка: Да так. По молодости лет.

Я: И что?

Умка: А взяла гитарочку и пошла на кухню. Трень-брень и смотрю, у меня пальцы так съезжают на лад, на два. И я гитарочку так аккуратно поставила, чтоб не разбить и говорю: пошла-ка я прилягу. Ну и прилегла на полтора суток вперед. За все время моих похождений это был первый раз, когда я не позвонила маме.

* * *

Повезло, говорю, Аня, тебе. Да, подтверждает она, я тоже рада, что осталась жива.

Слушаю ее и думаю, что мне бы хотелось уберечь всех, кого я знаю, от такой науки и такого опыта, но раз было, значит — было.

Пока я отгоняю мрачные мысли, Аня, оказывается, уже минут пять мне что-то рассказывает и показывает, а я не слышу. Она машет обеими ладонями, прикладывает их к глазам и прыгает на кресле. Таким образом Умка изображает фотоаппарат «Зоркий», который у нее был когда-то. Фокус на этом «Зорком» наводился не автоматом и не путем смены мутности на резкость, а путем наложения двух изображений друг на друга, сошлось — фокус

есть. Аня объясняет, что период, когда она сама с собой не сошлась, как в этом фотике, у нее был только один. Это когда она прекратила хипповать и ушла замуж на 7 лет. Не то что по любви, а скорее, может, из жалости. Причем в основном — из жалости к маме. И еще от усталости.

Умка: Наверно, это было нужно, потому что если бы я в какой-то момент жизни на этот компромисс не пошла бы, я бы себя, наверно, загнала бы до смерти. Я просто сдохла бы. Потому что вот это ощущение полной неуязвимости и бессмертия — это, конечно, прекрасное ощущение. Но довольно обманчивое.

Я: С которым ты ездила стопом и жила?

Умка: Да. Это 85–87 год. Мне было тогда 24 года. Самый приход был незадолго до моего дня рождения. Когда я попала в вытрезвитель. И получила страшной пизды от ментов, я там прямо с ними дралась.

Я: Тебя сильно избили?

Умка: Ужасно. Ну, и я им тоже… несколько телесных повреждений… нанесла.

Я: А чем все закончилось?

Умка: Закончилось тем, что меня отпустили, взяли штраф 25 рублей. И я спокойно пошла. Но это был единственный, слава богу, в моей жизни случай, когда я попала в вытрезвитель. Как раз тогда была кампания борьбы за трезвость. Горбачев и прочее. Меня возмутило как раз то, что это была несправедливость. Я спокойно шла по улице, не шаталась, не хулиганила. Да, мы с парнем выпили бутылку коньяка. Ну и что?

Я: Ты дралась прямо на улице?

Умка: Сначала в ментуре, потом в вытрезвителе. Они с меня сдирали одежду. Вырвали все пуговицы, они валялись там по всей комнате. После этого у меня возникло ощущение совершенной и полной победы, безнаказанности и правильности и полной фокусировки. И в этом бойцовском состоянии я провела года три.

Я: А почему ты так много материшься?

Умка: Потому что ты меня раскручиваешь на это. Я вообще в жизни много употребляю мата. Но я могу очень гладенько фильтровать, а могу и не фильтровать. Вот я сейчас с тобой говорю как с человеком, не как с журналистом, а как с человеком, которому я хочу что-то в жизни объяснить. Не для книги. Не для имиджа. Не для того, чтобы появиться в этой книге — и все сказали: вот

какая Умка заебательская. Не для пиара, а для того, чтобы тебе объяснить, как человеку, который для меня симпатичен, какие-то важные для себя вещи. Потому что ты меня спрашиваешь. Я могу опять перестать материться, опустить шторку, и тебе придется опять выковыривать то, что есть я. Вот сейчас я есть я.

Говорит, что легко может обойтись без инвективной лексики, потом вынуждена объяснять мне, что такое инвективная лексика.

А я сижу напротив и вспоминаю кусок другой интересной лекции. Там говорили, что у каждого из нас есть такая воображаемая книга с фотографиями. «Тээкс, — говорим мы, когда встречаем нового человека, — он похож на моего коллегу по работе Мишу А. А Миша А. — редкостный мудак и пользуется пахучим сладким одеколоном. Один типаж. Значит, и этот такой же». Захлопываем книгу, и нам уже про нового все ясно. Там же написано: не доверяй блондинам, тем кто старше (младше), кавказцам, хиппи, начальникам и все в таком духе. Или встречаем человека с открытым взглядом и широкой улыбкой. А в этой томине напротив таких лиц стоит: доверяй им безоговорочно и, если будут просить денег — дай. Улыбчивый тут же просит денег, и мы даем. А он, подлец, с ними исчезает. То есть, я хочу сказать, что имеет место быть стереотипное восприятие. Прилепить хочется ярлычок на человека и не задумываться больше. А в реальности все не так вообще. И сколько ни верти несчастный «Зоркий», все равно не сойдется в стереотипный образ кандидат филологии и заглотанный пузырь амитриптилина, инвективная лексика, йога по утрам и драка с милицией, тысячный зал на умкином концерте и вписки на чужие квартиры. Это я про свое восприятие говорю, хотя мне уже понятно, что от Ани Герасимовой можно ожидать чего угодно, чего в моей воображаемой книге не написано.

И если домохозяйка N или офис-менеджер N, дочитав до этого места, выбросит вот эту книжку, потому что не сможет примерить описанную жизнь на себя, как сериал «Не родись красивой», я, как умудренный опытом человек, скажу: «Она просто была не из целевой аудитории». Хотя, если честно, мне будет жалко: немного рок-н-ролла в жизнь офис-менеджеров внести нужно, я считаю. Поэтому, N, не смейте!

Насколько я помню из наших первичных туманных разговоров, в Аниной истории присутствовали плохие парни, парень. Кажется, его звали Бармалей.

Умка: Не Бармалей, Чапай.

Я: А зачем тебе нужны были отношения с таким экстремальным человеком?

Умка: Ну, я сама была довольно экстремальная. Я и сейчас экстремальная. Но с тех пор как я стала выходить на сцену, я стала очень спокойная девушка. То есть весь экстрим выплескивается, и все. Я становлюсь милой, спокойной.

Я: А с господином Чапаем вы сколько времени были вместе?

Умка: Год.

Я: Это период трэша?

Умка: Я не очень люблю этот современный сленг — типа «позитив-негатив», «трэш». Я не очень понимаю, что он означает. Давай перейдем на русский язык и поймем, что ты в это вкладываешь. Грязь? Трам-тарарам?

Я: Нет, это нечто запредельное.

Умка: Ага. Беспредел. Да, это был период беспредела.

Я: Ну, беспредел — достаточно уголовное слово.

Умка: А Чапай был довольно уголовным типом. Он по малолетке сидел и был переполнен этими впечатлениями.

Я: А что ты в нем нашла?

Умка: Ну, во-первых, он был довольно симпатичным, а во-вторых, он был таким — безоглядным. Я очень уважаю, когда в людях есть безоглядность: способность совершать непредсказуемые поступки.

Я: Какие?

Умка: Да любые. Вот ты идешь мимо витрины, и ты ненавидишь эту витрину, и ты бутылку бросаешь в эту витрину.

Я: И ты уважаешь это качество?

Умка: Да. Но я вообще не люблю ломать предметы, я крайне не люблю уничтожение предметов. И не люблю, когда люди друг друга увечат и калечат и готовы дать в морду.

* * *

Я говорю, что это безответственное поведение — не думать, как аукнется безоглядность.

Умка: Но Чапай, конечно, был безответственный. Вот надо быть безоглядным и при этом ответственным.

Аня с Чапаем познакомилась, между прочим, на Арбате.

Я: А он хипповал тоже?

Умка: Да, он тоже хипповал. Это было такое ответвление, называлось — дринч-команда. Они аскали деньги у прохожих и на них бухали. Нечто среднее между побирушничеством и гоп-стопом.

Дринч-команда подводила под это все базу, мол, приехали из Таллина, рок-группа мы, под названием… ммм… «Пропеллер». Дайте, мол, денег на билет. Юноши были длинноволосые, обаятельные, и если им прохожие и не верили, то денег давали все равно.

Умка: Девочки очень любили ходить аскать с ними. Типа — романтика. А когда ты каждый день это видишь, и когда ты видишь, чем заканчивается это веселое пьянство, когда человек ползает в полном говнище… Это очень тяжело.

Через паузу продолжает.

Умка: Поступки неизбежно ведут к каким-то следствиям. И я это понимаю как человек, который не умеет быть один и не бывает никогда один. Мне обязательно нужен партнер, мне обязательно нужен мужчина рядом. Тогда я осуществлена. В то же время все самое лучшее, что я делаю — это я совершаю в состоянии одиночества. Вот такое противоречие. И было совершенно ясно, что если я на таком беспределе существую, что я могу поехать одна стопом в Азию, да все что угодно совершить, то когда-нибудь я вляпаюсь в какого-нибудь непригодного для совместной жизни партнера. Что, собственно, и случилось. Как машина в катастрофу.

Я: А расставались вы как?

Умка: Мы расстались так, что его в очередной раз положили в дурдом, а я пошла гулять и гуляючи встретила вот того самого человека, за которого потом вышла на семь лет замуж.

Я: Тот год с Чапаем — это был романтический флер?

Умка: Это был не флер. Это был романтический…

как бутылку рома выжрать на голодный желудок. Вот что это было. Это как бутылкой по башке. Год бутылкой по голове.

Я: А как ты сама существовала с этим человеком? Что ты делала?

Умка: Да ничего не делала. Год ходила по потолку. Периодически пыталась его в порядок привести.

Я: Била витрины?

Умка: Нет. Ну, это был пример такой. Однажды его прямо свинтили (забрали, то есть) в тусовочном кафе напротив кинотеатра «Ударник». Многие, кстати, помнят эту драку. Там была такая драка ковбойская с переворачиванием столов.

Я: А сколько вам было лет?

Умка: 26 — и мне, и ему.

Я: А тогда были попрошайки и бродяги? И была ли между ними и «дринч-командой» разница и как ее понять?

Умка: Да ее каждый поймет. У Чапая был папа дипломат и квартира на Кутузовском проспекте. С холодильником, полным оливок и сосисок. Чапай говорил: когда я родился, за мое здоровье пили дипломаты всех стран.

Аня подытоживает историю заявлением, что всегда терпеть не могла, когда люди клянчат пятерку на бутылку. Что это свинство. А что, спрашиваю еще раз, все не понимая, тебя привлекало в этом Чапае? А он, отвечает Аня, был обаяшка. Типаж, как в кино, плохого ковбоя.

Я: Блондин?

Умка: Нет. Брюнет. С черными глазами. Блондинов-то обычно и не хватает на всех. А потом брюнеты в деле-то обычно и лучше.

Я (непонимающе): В каком деле?

Аня делает выразительное лицо и выразительный жест.

Я (осенило): Ааа, сомнительно.

Умка: Я тебе отвечаю.

Я: Я поверю.

И чтобы съехать с этой, ммм, темы, перевожу разговор на филологию.

Глава седьмая
Краткое посещение Литинститута

Эпиграф:

«…Чудовищная по тем временам тема диссертации — „Проблема смешного в творчестве обэриутов“… Один из доблестных преподавателей, узнав тему, одобрительно заметил: „Ага. Обэриуты — интересная народность. А что, у них уже есть литература?“»

Из автобиографии А. Герасимовой.

Мы петляем переулками. И вход в Литературный институт находится не там, где ждешь вход, с бульвара и красивого садика, а с неприметных задов. А раньше был спереди, как у людей, замечает Умка. Мне кажется, что это должна быть колыбель, святилище, хранилище и т. п. Аня уверенно ведет нас вдоль облупленных стен переулка прямо к проходной. С каждым шагом у нее все больше эмоций. Проход оказывается теперь закрыт турникетом.

Возле турникета.

Умка: А что, просто человеку нельзя теперь зайти в Литинститут?

(проходная) Ни хрена себе!!!

* * *

Идем двором. Перед нами предстают развалины забора. Директор Оля что-то неразборчиво бормочет о том, чтобы мы не снимали и не описывали факт развалин забора, потому что когда она договаривалась о съемке в институте, ей клялись, что скоро будет новый хороший, а этот не акцентируйте, пожалуйста.

Я: Это какие-то развалины…

Умка: Нет, это не развалины, это настоящий Литинститут.

* * *

Заходим в корпус, где учились переводчики. Аня с воодушевлением бегает по нему.

Умка: Ой, а запах тот же самый. Здравствуйте (кивает какому-то проходящему человеку). Ой, здесь ничего не изменилось, ништяк-ништяк… (взбегает по лестнице)

Умка: Стульчики те же самые (дерматиновые, скованные за ноги в один длинный ряд), лесенка… сидишь ждешь на этом стульчике, когда пара кончится, потому что опоздал, и рассматриваешь писателей…

На стене напротив висят ч/б фотографии советских писателей. У всех у них осмысленные и набрякшие лица. Аня говорит, что многих знает лично, но что они неинтересные, как правило, люди.

…Из дверей кабинета внезапно выходит бывший министр культуры Сидоров. На нем дорогой костюм.

Сидоров: Анечка…
Умка: Про меня снимают кино. Это как сон.
Сидоров: Как утренний туман? (галантно смеется)
Умка: А вы до сих пор самый главный?
Сидоров: Нет, я тут писателями занимаюсь.

Сидоров видит камеру и не уходит в кабинет, хотя его оттуда зовут.

Сидоров: А обэриуты как поживают?

Умка: Не знаю (смущенно), теперь я песенки пою. Я теперь рок-звезда, можно сказать.

Мы уходим, Сидоров уходит. Появляется студентка, которая просит Аню выступить перед литинститутовцами. Аня соглашается. Мы спускаемся в подвал, где библиотека. Библиотекарша говорит на камеру, что вот эта девочка (кивает на Умку) тут много занималась. «Герасимова, кажется….», — протягивает библиотекарь, не прекращая кому-то пояснять, что, мол, формуляр надо заполнить. «Точно, Герасимова», — радуется Умка.

Мы уводим Аню из института, хотя ей явно не хочется.

Из автобиографии А. Герасимовой:

«В 1983 г., с годовалым сыном в коляске, поступила я в аспирантуру на кафедру так называемой „советской литературы“.

Потом, как мы знаем, отвязно хипповала, пока не заперла себя замуж (в 87 году). Если б продолжала в том же духе, могла бы нечаянно помереть всерьез.

А так я померла понарошку: пришлось на время завязать с рок-н-роллом. (Слухи о моей смерти, явно преувеличенные, с душераздирающими деталями, долго еще циркулировали в кругах). Зато, как только стало можно, я начала путешествовать за границей, выступать на всяких смешных конференциях (до которых, бывало, добиралась автостопом, к восторгу и ужасу коллег) в роли ведущего специалиста по обэриутам, эксцентричной ученой дамы с загадочным прошлым. Песен не сочиняла, за гитару не бралась: молодость прошла, пора и честь знать. Энергию расходовала на составление книжек: перестроечные издательства наперебой заказывали обэриутов, и я подготовила штук двенадцать изданий… Напечатала несколько десятков филологических статей. Иногда я даже преподавала: в Литинституте один семестр читала спецкурс по обэриутам, потом в Культурологическом Лицее. В 94 году, заскучав, перевела знаменитый роман Джека Керуака „Бродяги Дхармы“. Тут-то, из глубины пятидесятых, от отцов-основателей, и подползли ко мне мои новые времена, и рухнул подточенный строгий режим».

Другими словами, филология и ошибочный муж остались позади, хлынули песни. Сначала на Арбате (ну это вы уже знаете), далее — везде.

Глава восьмая
О творчестве или с головой в песке

Эпиграф:

«Когда молодой и глупый человек пишет песни, то это не интересно, а когда старый и глупый, то некоторым кажется, что они умные».

А. Герасимова.

И в этом месте передо мной предстает страшная действительность: мы совершенно не говорили с Умкой о ее творчестве. То есть я, получается, всю дорогу жалуюсь, как мне не о чем писать, и как у меня нет материала, и как жестокая Умка все не колется и ууууу. А тут такой прокол. Оправдывает меня только одно: я правда не люблю списки фамилий и названий альбомов, то, во что обычно превращается разговор о творчестве. В таком-то году они записали альбом с таким названием и там играли такие-то музыканты (перечислить поименно) на таких-то инструментах (перечислить). Это происходило в этом месте (назвать), где писались еще они и они (поименно). Это было как раз до того, как в группе сменился состав музыкантов с этих на

вот этих (по именам). А еще нужно указать, что без помощи гр-на Х и гр-на У ничего бы не вышло. А они известны по… (назвать работы). Любой музыкант может скопировать данный текст, как рыбу своего пресс-релиза.

Поэтому главная мысль такая: Анна сызмальства писала песенки. Это у них в семье считалось обычным делом. Но как только услышала западный рок, прижухла, ибо любая музыка, кроме этой, для нее потеряла смысл.

Потом, уже когда ее окружали хиппи, Аня поняла, что народу просто нечего петь по-русски, а английского народ не знает. И она снова стала сочинять песни. Но при этом не предполагала совсем, что однажды выйдет, как большая, на сцену и оттуда будет петь людям. В 86 году Аня сломала палец на ноге, но умные врачи загипсовали ее до самого колена. Она разрезала гипс ножницами и, прихрамывая, поехала стопом в хипповый лагерь в Латвию. «Отчетливо помню, — говорит, — как я дохромала наконец до лагеря, уселась на хвою, тут же притащили гитару (в Москве и Питере меня уже знали), и я стала петь все, что успела насочинять».

Народ сбежался и признал в ней поэта и музыканта. Ее даже благодарили некоторыми подношениями, от которых у Ани началась аллергия, и она чуть не сдохла в кустах черники. А понимание того, что с ней и ее песнями происходит нечто важное, поселилось и не ушло. Одну за другой Аня сочиняла и записывала песни — с кем придется, на кассетный или бобинный магнитофон. Это творение гордо именовалось «магнитоальбом». Записи моментально размножались и раздавались друзьям. Через много лет можно было обнаружить копии копий ужасного качества в разных экзотических местах. Например, в Копенгагене. Аня успела записать 5 альбомов. Потом наступил семилетний перерыв — «на семейную жизнь и филологию». Потом перерыв закончился и Аня поняла, что без рок-н-ролла не жизнь. И на настоящий момент у нее 20 альбомов и 250 песен. Да нет, уже больше. В два раза, поправляет меня Аня.

Честно говоря, я терпеть не могу разговоры про творчество, если уж начистоту. И меня вот тоже, бывает, спрашивают, а как, мол, вы пишете песни, когда и зачем. Часто ли приходит вдохновение, когда чаще и можно ли его вызвать, ну, как духов путем столоверчения. Я уже давно не отвечаю правду, потому что, с одной стороны, люди хотят верить в чудеса, а с другой стороны, я тоже считаю, что пусть верят, ни к чему вскрывать кухню, волшебство пропадает. Что касается Умки, то сам процесс творчества, по ее словам, у нее происходит как у Зевса при

рождении Афины. То есть посредством сильной головной боли с последующим выходом на поверхность новой сущности. Вот так она (Умка) это описывала в одном своем интервью:

«…Причём всё это связано с сильными приступами головной боли, почти мигрени, — то есть начинает дико болеть голова, и просыпаешься с уже практически готовой вещью. Странный довольно процесс. Мне говорили, что это нормально, что так бывает: именно в голове работает какая-то штука, и она работает через боль… Или благодаря головной боли активизируются какие-то участки мозга, в которых лежат самые интересные для нас вещи… Или крышечка сдвигается с отверстия, в которое что-то попадает, что летает в воздухе, — ну, я не знаю… В общем, ощущение ветра, который дует из тебя и оставляет след в виде песни».

Надо опять признаться, что эта глава дается мне не так искрометно, как все другие. Потому что роль у меня сомнительная. С одной стороны, я понимаю, что обязательно нужен баланс между историями. Что если я про этот, гм, процесс творчества не напишу, то те, кто ни одной Умкиной пластинки не слышал, сочтут, что хиппование и зажиг и есть ее главный след на свете. А с другой стороны, ну как я песни словами опишу да еще и так, чтобы похоже было. Вот и получается, что надо как-то объяснять. Значит так, нужно купить у нее же самой на концерте или скачать из Интернета какое-то количество альбомов. Все внимательно прослушать. Потом прочитать тексты песен и над ними еще раз подумать. Таким образом, можно прийти к некоему пониманию всего того, что описано выше и будет описано ниже.

Я, например, из стихов, что не песни, люблю вот это.

Можно жизнь просвистать на-ура
И не вспомнить святую Терезу.
Кроме вас, у меня есть гора,
На нее я от вас и залезу.

Разбирайтесь внизу без меня,
Как мне жить и во что одеваться.
А с горы всё — такая..!
Только жалко, что не с кем…

сентябрь 94, Гурзуф

Или вот это я еще люблю:

WITHOUT A NET

Мы работаем без страховки.
Мы работаем без налоговой.
И не то чтоб такие ловкие —
Просто хочется, чтоб не трогает.
Просто тот, кто однажды сдался,
Каждый раз потом и ведется.
Мы обходимся без государства —
И оно без нас обойдется.

22 сентября 03, трасса Севастополь — Симферополь

И еще вот это:

Я люблю — и я же ненавижу
Всех людей, и даже мудаков.
Город мой, далекий от Парижу,
Не умеет жить без кулаков.
Город мой ужасен и прекрасен,
Больше всех нормальных городов,
И уклад страны родных орясин
Безразмерно скучен и кондов.
Я люблю — за что, сама не знаю —
Гул ее длиннющих поездов,
Тех, в которых разве только с краю
Для меня отыщется местов.
Как бы так всю безразмерность эту
Заманить в стальные корабли,
Выслать на далекую планету
И забыть, как страшный сон земли?

9 октября 03, поезд Москва — Пермь

Или вот еще чудное (а это уже песенка):

Реинкарнация.
Если жизнь твоя будет не слишком сладкой,
Можешь родиться опять муравьиной маткой.
Будет всегда излишек
Маленьких муравьишек.
Будешь от них даже в лес убегать украдкой.

Будешь тихо сидеть в лесу под берёзкой.

Будешь гордиться своей красотой неброской,
И, истекая слёзкой.
Скрипя половой желёзкой,
Будешь думать, как бы стать менее яйценоской.

Вот муравьи ходят по лесу в поисках матки,
Не понимая, зачем она играет в прятки.
Ах, не грусти, бедняжка.
Это еще не тяжко.
Вот возродишься мужиком с аденомой простатки,

Будешь тихо сидеть в лесу под берёзкой,
Будешь гордиться своей лысою причёской,
И, истекая слёзкой,
Будешь страдать вопросной:
Что тебе делать с твоей половою желёзкой.

Из впечатлений:

«Приятель стал рассказывать, что видел передачу про Умку, что она суперприколистка… что есть такая песня (про муравьиную матку и половую железку)… Вот так он все это рассказывал, а я постепенно влюблялся в эту песню. Эй вы, эстеты, слышите, влюблялся! Несмотря на то, что песня прошла через микрофон, через телевизор, через моего другана, что почти фатально. Потеряла по дороге почти ВСЕ, но и оставшегося оказалось достаточно, чтобы меня заразить. А вы говорите Хай Енд, Хай Енд. Кстати, до сих пор эту песню так и не слышал. А потом я купил ее кассеты. И стал слушать». (Тим О*Ги)

Аня вообще терпеть не может поклонения и культа личности. И каждый раз убеждает очередного журналиста, чтобы не писал слова «поклонники». У меня, говорит, не поклонники, а друзья, буду со всеми с ними здороваться, мол, за руку, а с поклоняющимися — ни за что. Ну, и друзья совершенно точно знают, что прилюдных восторгов по поводу песен, альбомов и концертов им проявлять не следует, Умка может закипеть. Но у, них прорывается, конечно.

«…тут… БАЦ! Она выходит на сцену и начинает петь.:)

Вот такая вот она, Умка!:))

Я стоял и слушал… Очень понравилось!

После концерта и заверений Умки, что она еще пойдет диски продавать и подпишет всем всё, что захотят, я выслушал в свой адрес укоры типа „А чё ты, блин, стоял как столб-то?“… Осспа-ди,

ребят… А нельзя теперь просто слушать?» (Spleaner_ya)

«Кто-то здесь (или не здесь?) писал, что Умку и Бро слушает в машине каждый день месяцами. Угу. Вот и мне мне как-то неинтересно что-то другое стало слушать, за исключением классики. Каждый день я спускаюсь с холма… Когда чуть отчаянный — то (альбом) „600“, а по-новому — (альбом) „Ничего страшного“. В вертушке музыкальной моей машинки на сегодняшний день — один диск трио-сонаты Баха, другой — концерты Моцарта, и остальные четыре — Умка и Бро. Я думаю, что и ни Амадеич, и ни Иван Севастьяныч не обиделись бы за возможную — с их точки зрения — непропорциональность. Ах, в какой же я замечательной компании пребываю… Только не спрашивай — а ты-то, Саша, хули там делаешь в такой компании?… Так я просто за рулём сижу!!» (San_diegan)

«АААаааааа!!!!! Концерт был потрясающий! Полный раскол-бас!!!

Как только Умка выходит на сцену, люди просто не могут усидеть…

Цивильные дяденьки и тетеньки, дети цветов с блуждающими взглядами, бешеные панки, рвущие на себе ирокезы… И все, все… всё кружится и превращается в единое целое… все мы становимся музыкой… становимся танцем… каждой проигранной нотой, звуком… Я не заметила, как прошло 2,5 часа…» (Shadow_of_songs)

Последний Анин альбом называется «Ничего страшного». И заглавная песня там звучит как мантра, Умка в припеве приговаривает свои характерным голосом «ничего страшного, ничего страшного нет». Умка сама убеждена, что на сегодня это ее лучшие песни. То есть — то, что она пишет сейчас, ближе к сути вещей, чем то, что 5 лет назад и 10. А дальше, значит, будет еще лучше.

* * *

Я: Вот обычно среднестатистические группы выпускают по альбому в 2 года.

Умка: Я работаю в винил-формате. У меня короткие пластинки, и я выпускаю их раз в год. Смена времен года, особенно в нашем климате — это достаточно реальная вещь. По истечении этих четырех времен года у меня все меняется. У меня каждый год имеет другое лицо. И из-за этого нового лица возникают какие-то

изменения во мне.

Я: В этом году какое у тебя лицо?

Умка: Мы узнаем об этом весной.

Я: Хорошо. А какое лицо у тебя было в прошлом году?

Умка: У меня было лицо — «ничего страшного».

Я: И что это значит?

Умка: Это значит, что у меня в жизни произошли некоторые очень тяжелые изменения. После которых произошел некоторый взлет. Это когда умерла мама, и я не хочу об этом особенно говорить…

Я: Для меня тема страха актуальна. Хотя мне родные запретили упоминать про эти, мать их, атаки, но я шепотом скажу, что у меня еще недавно были панические атаки, а это так страшно, брр. И вот они уже и закончились, но чего-нибудь я все время боюсь.

Ну, а как же не бояться? Я каждый день часа полтора чего-нибудь боюсь.

Умка: Да ты что?! Ты с ума сошла? Прекрати немедленно.

Я: Ну, например, я иду в спортзал, и у меня там что-нибудь закололо в боку. И я думаю, что у меня там что-то сломалось, и часа полтора об этом думаю, уговариваю себя.

Умка: Не надо. Это жрет тебя изнутри. Это нехорошо. Вот если у меня горло болит, я ж не начинаю думать, что у меня рак горла.

Я: А я начинаю. У меня есть даже целая теория о знакомых ощущениях и незнакомых. Знакомые ощущения — они безопасные, незнакомые — небезопасные.

Умка: Ого. Ух ты. Чувство опасности должно быть. А бояться не нужно. Я считаю, что страх, он один, как и любовь. И когда ты этот страх уничтожаешь, то перестаешь бояться вообще. Страх может быть направлен на все, что угодно: на машины, на собак, на людей противоположного пола, на людей своего пола, на родителей. Можно вообще начать бояться выходить на улицу.

Я: У меня такое было.

Умка: Я считаю, что человеку нечего бояться. Страх, он находится в тебе. То есть, есть страшные вещи, но бояться их не нужно. Страх — это то, что тебя жрет изнутри. Это то, из-за чего начинаются все твои болезни,

все твои слабости, вообще все твои плохие черты, сволочизм там. Все плохое, что в тебе есть — это от того, что ты чего-то боишься. Не надо ничего бояться.

Я: Ну как же ты перестаешь бояться?

Умка: А я не перестаю бояться. Нельзя бояться, и все. Нужно прекратить бояться, и все.

Я: Ну, а как же прекратить?

Умка: Не знаю.

Я: Силой воли, что ли?

Умка: Да. (Смеется). Мы же отличаемся от последнего… животного? «Тварь ли я дрожащая…?»

Я: «…или право имею?»

Умка: Вот именно.

С той минуты, как выяснилось, что мы двое, сидящие на креслах друг напротив друга в квартире на 13 этаже, не твари дрожащие, мы взглянули на мир, плещущийся вокруг нас, полный страхов.

Умка: Коврига, наш издатель, говорит: «Я не знаю, чего они ноют, что сейчас плохо, плохо. Их всех могли 25 лет назад за то, чем они занимаются, посадить за решетку. Я так рад, что я на свободе и делаю то, что хочу, — что я вообще не понимаю, чего они ноют, что им не нравится. Все прекрасно, все идет к лучшему».

Я: А ты как считаешь?

Умка: Я стараюсь на это не очень обращать внимание. У меня есть своя жизнь, и вообще я прекрасно знаю, что чем меньше обращаешь внимания на постороннюю информацию, тем больше ты будешь обращать внимания на собственную жизнь. Люди, которые всю жизнь заняты тем, что они смотрят телевизор и переживают за события, к которым они не имеют отношения, — они за своей жизнью совсем не следят. То есть они механически живут, механически выпивают свой кофе с бутербродом, идут, там, на работу и все время думают о том, что где-нибудь взорвалась бомба или в теракте погибло 8 человек; а то, что они приходят домой и начинают терроризировать собственную жену, — они не думают об этом. Они детей не замечают, они думают про бомбу и что, когда они сядут в метро, там опять взорвется бомба.

Тут мы подошли к мировоззренческим вопросам. Я в какой-то степени разделяю такую точку зрения, хотя не настолько, чтобы

уж совсем не смотреть новостей и газет не читать. И я еще наивно верю, что можно как-то с помощью политики изменить жизнь к лучшему. Аня считает, что политика — это очень, очень плохо и утверждает, что политически пассивна. Если ее друзья или родственники лезут в политику, ее это, как я понимаю, неприятно задевает. Собственную точку зрения на происходящее она вполне сформулировала в альбоме «600».

Ты не волнуйся, мама, ничего не будет хорошо.
Пока мы скачем по планете, валяем дурака.
Пока живем на белом свете, привет-пока.
Ты не волнуйся, мама, ничего не будет хорошо.

Кстати, альбом называется «600» в честь одного крайне оптимистического анекдота. Два космонавта потеряли управление кораблем. Один кричит: «„Приборы?“. Другой ему: „Шестьсот!“ Командир: „Что шестьсот?“ — Второй: „А что приборы?“»

В песне «600» (одноименной) есть важная строчка «из всех нормальных реакций нам скоро останется только смех».

Восторги по поводу нового века иссякли сами собой;
Другая реальность ушла к другому, а может, даже к другой;
Закат обеих Америк под грохот истерик в одной шестой;
Лорд Байрон плывет и плывет, он верит, что плавает лучше всех;
Костюмчик стоит столбом, пытаясь казаться модней.
Так выпьем за вашу и нашу свободу, держась за шкворни корней,
Покурим за вашу и нашу победу и станем еще смешней,
Из всех нормальных реакций нам скоро останется только смех —
Не гляди назад.

И вот я раздумываю над этими словами ночью перед ноутбуком и понимаю, что предпочитаю иметь иллюзии, которые прикрывают от меня неприятные стороны жизни, как если бы их не было. А Умка выбирает себе не врать. Как не врет себе человек, который знает вкус, цвет и запах, шероховатости реальной жизни, особенно когда она поворачивается темной стороной. Ребенок внутри нее смотрит очень взрослыми глазами.

Я понимаю эту философию так: если даже ничего хорошо не

будет, волноваться не стоит.

Аня тут сказала фразу одну, правда, по другому поводу. Повод не важен, к данному случаю тоже подойдет.

* * *

Умка: Уж какие были глухие времена… Это ужас был. Все так и думали, что они умрут с головой в песке.

Я: Как страусы?

Умка: Точно.

Не хочу с головой в песке. Ничего страшного нет, ничего страшного…

Глава девятая
Ход кротом или о вложении пальцев

Эпиграф:

Фрэнк Заппа: «Люди, никогда не игравшие в рок-команде, лелеют смешнейшие фантазии о том, как увлекательна и роскошна гастрольная жизнь. Нет, бывало, конечно, и весело, но вообще-то это жуткое дело».

THE REAL FRANK ZAPPA BOOK.

Вольный пересказ с американского А. Герасимовой.

Вокруг нового года ко мне домой стали стекаться толпы гостей. Все без конца ели, приносили с собой французские сыры и алкоголь, который без конца сами же, подлецы, и пили. Некоторые даже приезжали из Америки, а потом, уезжая назад, оставляли мне свои сапоги, мол, ясно, что они не подошли, кому-нибудь отдай уже. В разные дни разные люди вели со мной длинные душевные разговоры, плавно уходящие в утро. И мне всем хотелось рассказать, что я пишу книгу и вот там у меня происходит то-то и то-то, а Умка и говорит… «А кто такая Умка?» — спросила девушка из Америки на отличном русском. Именно потому, что у нее такой русский, и могли поговорить. Ну, как… говорю, и вольно пересказываю ей факты биографии. «А почему ее песни все-таки не берут на радио?» — домогалась ответа непонятливая американская подруга. — «О, это вопрос непростой, как это по-английски…» Вспомнить, как это по-английски мне, ясное дело, не удалось.

Зато удалось бодро объяснить, что такое «играть из всех утюгов» и как лично я этого хочу. А что касается первого вопроса, то и на родном языке это не так-то просто объяснить. Но я попробую. Сначала Умка, как мы знаем, играла и пела на Арбате, потом, когда появилась группа, они стали давать концерты в маленьких рок-клубах. Как сказал про тот период добрый Саша Кушнир, «они играли в клубах или обоссанных или облеванных, было только два варианта». Умка, правда, этот факт отрицает, места, мол, были чистые и уютные, но это вопрос субъективный. Бывали еще квартирники, как можно догадаться, на квартирах.

И тут возникают в повествовании некоторые детали, которые вряд ли бы появились в опциях у любого другого музыканта. Всегда, когда речь шла о квартирниках, Аня настойчиво упоминала о носках как о важной части технического как бы райдера. Носки мы с ней обсудили, еще когда были на «Вы».

> **Я:** Перечитав ваши все интервью, замечаю, что через них красной нитью проходит образ грязных носков.
>
> **Умка:** У меня нос чуткий, я терпеть не могу некоторых запахов.
>
> **Я:** У меня есть устойчивый стереотип, что хиппи не являются самыми чистоплотными членами общества.
>
> **Умка:** Это тот самый стереотип. По этому стереотипу у нас с вами должны быть длинные локоны с кучеряшками, например… Просто меня часто про квартирники спрашивают: люблю ли я квартирники. А как их любить, когда все садятся, снимают обувь — и даже если у одного воняют носки, то это просто страшно (причем не обязательно это хиппи — бывают у совершенно цивильных людей вонючие носки). Но если от мужика, например, парфюмом несет, я этого тоже не люблю.

Вторая характерная деталь — плацкартные вагоны. Умка вполне серьезно доказывает, что это лучший транспорт для их группы на гастролях. То есть если бы из экономии, мне было бы понятнее. А тут подведена база. Аня даже написала специальное «Пособие для начинающих ездунов».

«Если вы полагаете, что летом в купе прохладнее, то глубоко ошибаетесь.

Что же касается плацкартного вагона, то там всегда гуляет легкий ветерок — если даже сильно топят, что тоже бывает. И если в купе запах носков соседа (а я что говорю) может превратиться в дантово-адскую пытку, то в плацкарте его как-то потихонечку сдувает, и вообще все запахи сливаются в один, не

самый противный, в котором преобладает аромат жареной курицы с чесноком, иногда слегка протухшей, но чеснок как-то скрашивает дело».

«Есть замечательные новенькие вагоны со стеклопакетами, из которых ПОЧТИ не дует, с мягкими кожаными полками и толстыми новыми матрасами. А есть… разболтанные старые: отовсюду дует, на многих окнах отсутствуют шторки, трясет ужасно, прямо видно, как шатаются переборки. Шатаются и издают ритмичное быстрое поскрипывание, похожее на скулеж небольшого щенка, но гораздо противнее… Но при всем том я никогда не променяю разболтанный продувной плацкарт на душное клаустрофобное купе».

Из пособия мы узнаем, что лучшие попутчики — одинокие нестарые мужики. Одинокие — вместе не бухают, нестарые — шанс, что не храпят, мужики — они человечнее теток (визг, треск, «…девочки, а давайте не будем спать вообще?»), как считает Умка.

Кроме того, она советует соорудить из подручных материалов, например, платка, домик между верхней и нижней полками, в коем уютно спать.

«А если на окне нет шторки, можно одеялом завесить окно, одеяло прекрасно поддается подтыканию во все четыре стороны. Или зацепить его концами за крючки, имеющиеся над обеими верхними полками — если, конечно, эти крючки не оборваны. Вообще, на всякий случай советую возить с собой пару-тройку бельевых прищепок».

Может, мы и далеко ушли от вопроса о радиоротациях, но мне кажется, что причудливые лоскуты сложатся в общее одеяльце, а его можно подоткнуть… навеяло, извините. Третий лоскуток — это то, что Аня упорно отказывается поднимать цену входного билета.

Я: Почему у вас такой низкий уровень притязаний?

Умка: Мы начинали с того, что просто ездили автостопом в города, куда нас приглашали друзья, и там играли на чужих гитарах, на каких-то флэтах. Еще два года назад для меня гонорар в триста баксов казался чем-то запредельным, честное слово.

Я: Так вы не отказываетесь поднимать уровень притязаний?

Умка: Мы, конечно, поднимаем, нас же начинают узнавать в больших клубах, у нас же все постепенно

идет. Недавно еще, бывало, придешь в какой-нибудь клуб: «здрасьте, я некая Умка, можно мы у вас поиграем?» — «Что? Кто? Броневичок? Цирковая труппа с медведем?» Мне все говорят: «Почему ты не выпендриваешься, ты же рок-звезда?» — «Я, — говорю, — как-то не приучена».

Я: А если вы вдруг освоите умение выпендриваться? И вдруг к вам придет директор лейбла крупнейшего?

Умка: Ко мне придет? Ну, если он похож на приличного человека, я с ним заключу контракт на один альбом. Только он не придет ко мне.

Я говорю, что обязательно все, наконец, повернут голову и не пройдут мимо, как не прошли мимо Егора Летова.

Умка: Ну, как раз через 20 лет, когда мне будет 65.

И добавляет:

«Мне, конечно, парочка эфиров не помешает, или чтобы парочка песен иногда крутились по радио».

Я не знаю ни одного артиста, который бы не хотел, чтобы к нему пришло признание. Кто-то, как я, одержим манией стадионов, кому-то достаточно небольшого круга верных последователей. Но есть одна неприятная подробность. Когда на тебя вешают ярлык «неформат», я себя сразу чувствую как в детском саду, когда всех детей строят по парам, всем пара нашлась, а я стою идиотом. Или идиоткой. Меня не взяли. Знаете, как обидно. А в это время песни, которые здорово хуже, карабкаются в рейтингах. Я свои эмоции приписывать Умке не хочу, но шанс, что она испытывает что-то подобное, есть. Аня всегда была отличницей и любила быть лучше всех. Опять же, амбициозная особа. И если оставаться в андеграунде в советское время было как бы даже почетно, там все приличные люди, а сейчас, когда номинально никто ни с кем идеологически не борется, сейчас почему бы не стать ей популярной певицей, собственно?

Умка: Андеграунд — это такая ложная вещь, это прикрытие для тех, кто никому не нужен: «вот мы сидим в андеграунде, а Умка у нас первый в андеграунде парень на деревне». Типа, сиди и не высовывайся, вот твоя экологическая ниша. Это все не так. Вот Егор Летов — это андеграунд или нет? Они завоевали всенародную любовь без всяких искусственных нажимов.

Я: Это то, что ты метафорически называешь «ход

кротом»?

Умка: Ну да. Хотя я не против искусственных нажимов и не против андеграундов. Мне просто смешно позиционировать себя в андеграунде, если я собираю большие залы.

И тут я понимаю, что мне казалось в Ане таким несовременным. Такое несовременное желание не прогибаться и сохранять собственное лицо. Тут мы все, которые за последние годы четко уяснили, что часы дорогой марки, машина, недвижимость, «Prada» и независимые скандинавские дизайнеры делают нас самодостаточными людьми, а заколачивание бабла — единственная возможная мотивация, мы все можем пожать плечами.

А шоу-бизнес, как мы знаем, средоточие всех пороков, артисты спят с продюсерами ради продвижения, родители выкачивают свои нефтяные вышки, делая из бесталанных дочерей певиц, жюри эстрадных конкурсов еще до начала знает, кто победит, звезд штампуют на фабриках, короче, все плохо. Хотя мне сдается, что так всегда и было, с небольшими поправками. И при этом у талантливого человека, я считаю, все равно есть шанс. Если он при этом умный и хитрый, умеет ни с кем не ссориться и проявляет гибкость, дружит с правильными людьми и умеет очаровывать инвесторов.

У меня, правда, не получилось пока. А что наша героиня?

Умка: Если коммерческий успех связан с тем, что я должна измениться, то тогда мне не нужен коммерческий успех, мне лучше уж признание.

Я: Коммерческий успех связан с тем, что ты должна измениться. То есть за успех ты не готова такую цену платить?

Умка: Абсолютно. Вообще, наверное, каждый человек заслужил то, чтобы его воспринимали таким, каков он есть, а не переделывали его под некий стандарт. Вот и все. Это все равно, как если бы тебе сказали петь первым сопрано, когда у тебя такой замечательный низкий голос. Это невозможно, это все то же самое. Чего ты улыбаешься?

Я: Ну, к примеру… Ты понимаешь, что обстановочка поменялась. Если раньше люди хоть как-то понимали, что имеет смысл думать о других, командные виды спорта, например, лидировали у нас в стране, то теперь все убеждены, что надо думать о себе в первую очередь, потому что эгоцентризм — главный фетиш современного

мира, поэтому не хоккей, а игра одиночек, большой теннис…

Умка: Я сейчас близкий человек гораздо большему количеству людей, чем раньше, потому что меня услышало гораздо большее количество людей. Поэтому мне может взять и из Салехарда придти посылка внезапно. А если, не дай бог, чего-нибудь со мной случится, я могу себе представить, как они побегут все.

Я: Я имею в виду, что как будто ты не замечаешь, что мир требует другого.

Умка: Чего он там требует? Ходить в ногу? У нас была уже такая современность, при товарище Брежневе мы все ходили в ногу, то есть велено было ходить в ногу. Дырка в заборе есть всегда: и при капитализме, и при социализме, при феодализме, совершенно все равно. Я вообще не очень верю в социальные вот эти догмы. Есть всегда какой-то процент людей, которые будут такими, какие они есть.

Несколько цитат на тему:

Вопрос: Вы хотели бы, чтобы в вас вложили деньги?

Умка: Нет, я не хочу, чтоб в меня что-то вкладывали. Цитирую песню Мары — Мара, девушка такая симпатичная, торгует лицом своим на обложках всяких, есть у нее такая песня, чего-то там «свои пальцы вложи в меня» или «пальцы твои внутри», что-то такое… Вот эти персты… я не хочу, чтоб в меня их кто попало… сувал… Не надо в меня ничего вкладывать. Я сама могу в кого хочешь…

Вопрос: …Земфира… Завидуешь?

Умка: Я как-то давно переводила текст «Hair» (мюзикл «Волосы»), так там была такая отличная фраза: «Честно говоря, милочка, мне насрать…»

Глава десятая
Бандана

Мне по поводу нашего с Аней предыдущего разговора вспомнилась фантастическая повесть, прочитанная мной, кажется, в журнале то ли «Техника молодежи», то ли «Нева», в школьной библиотеке. Называлась «Приобщение к большинству». Тамошнее книжное общество не любило тех, кто отличался от

большинства, кто хоть чуть-чуть выделялся. Космонавт-герой Рут Доррингтон возвращается с Плутона домой, а тут:

«…Десять лет жизни — срок немалый! К тому же, десять лет, прожитых им, Рутом Доррингтоном! Здесь, на Земле, стрелки часов бежали быстрее. И кое-что тут изменилось не в лучшую сторону. Он уже успел подметить. Да и на Плутон доходили вести…»

И тут он получает письмо, написанное древним способом, от руки. «Дорогой друг! Вам надлежит приобщиться к большинству не позднее, чем через десять дней с момента получения нашего письма. С уважением и восхищением по поручению Высшего Совета Равных…»

Ну и потом он понимает, что так сейчас поступают со всеми, кто отличается.

Под конец к нему приходят плохие и хотят убить. Но сначала вежливо объясняют, почему.

«— А гении теперь тоже ни к чему. Все, что необходимо для дальнейшего процветания, создано. Нужен лишь определенный уровень производства и соответствующее ему количество населения, живущего по общепринятому стандарту. Все, что выходит за рамки этого среднего, должно отсекаться. Как сверху, так и снизу. Это и гарантирует нам сохранение всех стандартов.

— Значит, — „Да процветает средний обыватель!“?

— Именно, Рут. И мы гордимся тем, что мы — край средних людей, среднего большинства, среднеобразованных, среднеинтеллигентных, среднесчастливых…

— И никто не протестует?

— А протесты всегда исходили именно от тех крайних групп, которых сейчас практически не существует. Именно там, в тех слоях, и возникали проклятые вопросы, подобные тем, которые задаете сейчас вы. Вот именно поэтому, Рут, и вы должны уйти, хотя мне лично вы очень импонируете.

— Благодарю, — Рут отхлебнул глоток коктейля, — что ж, почти все ясно…»

Ну и в итоге герой убегает к хорошим, которые, оказывается, есть.

Это я все к тому, что именно так все у нас и устроено. То есть хочется думать, что это «приобщение к большинству» про какие-то сталинские времена, совок и все такое прочее. Но это про сейчас. И я сознательно не обсуждаю вопросы демократии, хотя вряд ли там иначе, я говорю про поп-музыку. Я считаю, что формат — это нивелирование отличий, поддержание только общих видовых черт без малейшей оригинальности. Именно поэтому все неравнодушные к музыке граждане стенают, ах, нет

ничего нового. И в данных условиях не приобщаться к большинству — этот выбор требует изрядного мужества.

Мы практически уже закончили с Аней наши разговоры, и вообще она должна была уйти уже час назад, как обычно. Но как-то так мы стали говорить про облысение. Не про явление природы, а про Анино.

Умка: Я даже не знаю, с чем это было связано. Может, это было связано с тем, что у меня отец был парализован некоторое время. Довольно долго. Ну, и в какой-то момент у меня полностью выпали все волосы. Это было 6 лет назад примерно.

Я: Извини, такой вопрос глупый, они за одну секунду выпали?

Умка: Они стали выпадать очень быстро и выпали где-то месяца за полтора, клоками. Эта болезнь называется аллопеция. У меня длинные волосы были до этого. Я не стала дожидаться, пока они выпадут все, я их сбрила. И вот первый раз когда пришла на концерт, я была в кепке и потом рраз так — сняла эту кепку… все так: аааах!.. ух, как они убиты были. И вот этот ужас сравним только с тем восторгом, который был, когда я в первый раз вышла на сцену без банданы через полтора года. Я выхожу, у меня маленькие совсем, но волосы. Все как закричат: урааааа! Я полтора года ходила лысая совершенно, без бровей, без ресниц. Была похожа просто на Фантомаса.

Я: Ты пыталась относиться к этому с иронией?

Умка: Ну, к такому варианту сложновато относиться с иронией, хотя я старалась. Это было серьезное такое испытание. Я после этого стала как-то мягче, наверное — мягче и добрее, и умнее, если можно так о себе говорить. То есть я поняла, что такое быть человеком, на которого на улице все оглядываются не потому, что он в какой-то броской одежде, а просто потому что он урод, потому что просто видно, что он…

Я: Болеет…

Умка: Ходили всякие жуткие слухи про всякие жуткие заболевания, меня посетившие, а там не было никаких заболеваний, это просто было на нервной почве. Все мне вылечили, волосы у меня выросли.

Я: Как вылечили?

Умка: Вылечили удивительно в клинике частной

маленькой, не очень даже дорогой. Называется клиника «Благовест». Новосибирские ученые разработали способ это дело лечить посредством какого-то активного кремния. Этот жидкий кремний, он как бы строит барьер между клетками… в общем, там, когда лечат, подробно все объясняют. Я видела людей, которых вылечили от гораздо более тяжелых случаев. То есть у меня фигня, я начала лечиться через полгода после начала этой истории, а там была тетка, которая 18 лет ходила лысая. У нее вырос такой седой ежичек. Это удивительно было.

Я: У тебя фотографии же есть?

Умка: Где я лысая? Я постаралась все эти фотографии запихнуть поглубже.

Я: Есть в Интернете они.

Умка: Есть, да. Одна фотография, где я еще с бровями, а без бровей уж очень некрасиво было. Потому что весь как бы кайф моей личности заключается…

Я: В бровях?

Умка: В бровях, в ресницах, в волосах. И когда вот это все черненькое исчезает, то ничего хорошего. Все эти люди абсолютно лысые, они, кстати, очень похожи, я замечаю их. Женщины обычно ходят в париках, накладных ресницах, с накрашенными бровями. А мужики, как есть, так и ходят. У мужчин, как правило, не отрастают волосы.

Я: А почему ты не седеешь?

Умка: Не знаю, наверное, в качестве компенсации.

Я: А ты намерена долго оставаться молодой и красивой?

Умка: Я бы хотела вообще всегда быть молодой и красивой.

Глава одиннадцатая
Привет пошлю я, став старухою…

Эпиграф:

«Известна запись Хармса о том, что стихи надо писать так, что бросишь стихотворением в окно, и стекло разобьется».

А. Герасимова. «„Моя“ „жизнь“ „в“ „искусстве“».

Доклад на конференции «Понятийник русского авангарда» в Загребе, май 1994 г.

Я: Давай. Если бы ты писала бы книжку про Умку, то ты бы что особо отметила, вот Умка — она…

Повисает длинная пауза. Аня вертится на кресле и смеется.

Я: Пауза затянулась. Тебе что, нечего про нее сказать?

Умка продолжает смеяться.

Умка (сквозь смех): Закомплексованная самовлюбленная уродина… Это шутка.

Я (терпеливо): Ну и…

Умка: Помешанная на тотальном контроле (это в мой огород камень, я ей об этом говорю все время).

Я: Это тоже отчасти правда, но мы же книгу будем писать не то что хвалебную, но стараться нашего персонажа предъявить в лучшем свете.

Умка (подхватывает): Обаятельная, мужественная женщина, с кучей положительных качеств. Лучше всех (уверенно кивает головой), просто лучше всех.

Я: Угу. А если бы мы отражали ее вклад какой-то в жизнь окружающих людей?

Умка: Выдающийся вклад (смеется).

Я: Чем?

Умка: Потрясающее колоратурное сопрано.

Я: А если ближе к реальности?

Умка (серьезно): На самом деле мне кажется, что мне за всю жизнь удалось написать несколько очень хороших песен, действительно хороших. Которые близко подходят к сути вещей. (поясняет): Меня интересует суть вещей, хотя чем больше я в нее проникаю, тем больше она от меня удаляется. Но это нормальное явление. Плохо, что невозможно понять, что будет, когда мы умрем. А может, это и хорошо как раз. Какая-то загадка должна оставаться.

Я: «Роллинг стоун», по-моему, публикует статьи из себя же 70-х — 80-х, и меня поразило интервью с Ленноном.

Умка: Я читала это интервью. Оно у меня есть в такой большой американской книжке — лучшие интервью журнала «Роллинг Стоун».

Я: И меня поразило там одно место, что-то типа того, что через 10–20 лет он собирается заниматься тем же, что-то о том, как он будет долго жить и как с ним

будет все круто. И его достаточно скоро, его… мм…

Умка: Обрубают.

Я: Да.

Умка: Он же не знал, что его застрелят.

Я: Да, но я-то вот лично живу в каких-то иллюзиях, что если я буду верить в то, что я буду жить ну, не вечно, а долго и забрасывать постоянно какие-то дела в будущее, как удочку, и рассчитывать их закончить потом когда-то, то я вот и буду долго жить.

Умка: Да, мне тоже так кажется, это очень близкая мне тема. Кстати, Игги Поп говорит в конце книжки, что люди умирают, когда всем становится на них наплевать — или когда устают.

Я: Но мы-то не устали.

Умка: Нет, я пока вообще еще полна сил.

ЗАНАВЕС
Умка. Цитатник на разные случаи

Каждый, кто вылез хоть как-то, даже я, доказательство того, что Золушка существует.

Я не хочу, чтобы в меня кто попало что попало вкладывал.

Когда молодой и глупый человек пишет песни, то это не интересно, а когда старый и глупый, то некоторым кажется, что они умные.

Я не люблю, когда меня уважают, я люблю, когда меня любят. Нет, уважают пусть, но не особенно выказывают.

Я никогда по-человечески не курила, всегда стреляла, самый вкус сигареты мне противен. Я думала, я такой андеграундный персонаж, пусть у меня рядом с кроватью стоит пепельница с бычками — но опять не пошло.

Свобода пришла ко мне в джинсах с вышивкой, с длинными волосами, в хайратнике, с сумкой из мешковины.

К сожалению, 95 процентов людей дураки, я раньше думала, что 70, а на самом деле нет. Но это ничего, кое-кого можно переубедить.

Умка: Вот мой почерк. Там ничего не понятно. Я, правда,

показываю вверх ногами…

Из зала: В тебе умер врач.

Умка: Во мне? Умер? Нет. Во мне никто еще не умер.

О том, как Умка преподавала в лицее:

А я ж не могла курить ту траву, которую студенты курят, особенно тогда: время было голодное, бедное. Это сейчас у каждого школьника эта трава на окне растет, а тогда не было.

Компьютерному поколению вообще почерк не нужен. Зачем им почерк?

Из зала: Вы любите природу?

Умка: Да. И она меня тоже, в общем.

Существует вот это дно, воспетое русской литературой, оно есть до сих пор и там есть очень интересные люди, к которым стоит прислушаться, а если не замечать, как они пахнут, то и вообще отлично.

Самое скучное — это смерть. И еще, наверное, ходить на работу. Но я практически не пробовала.

Я не могу сказать, что я старею. Я просто старше становлюсь. Нельзя же про ребенка, которому было два года, а потом стало пять, сказать, что он постарел. Так же про ребенка, которому было тридцать, а теперь — сорок…

Играние музыки способствует вечной жизни.

Вопрос: Если (попсовики) утратят дистанцию, (поклонники) перестанут покупать постеры, календари с их изображениями и вообще исчезнет культ.

Умка: Ну да. Глупо же дрочить на портрет человека, с которым ты только что здоровался за руку, он смотрел тебе в глаза, говорил «ура»… Поэтому я, кстати, не делаю постеров со своей рожей вообще.

«Мне заграница не нужна, меня бесплатно кормит вся страна» (из песни «Про папу»).

Не знаю, насколько большие деньги и большая слава прибавляют человеку счастья.

Когда один знаменитый филолог, у которого я читала доклад, спросил, где я училась, я ответила: «в Литинституте»; он сказал: «Да, самообразование — великая вещь».

Самое противное в мужчинах — это вот это их «мужское», самое противное в женщинах — это их «женское», самое противное в детях — это их «детское».

Умка, тебя что-нибудь закрепощает? (Вопрос зрителя.)
— Бюстгальтер! (Общий взрыв хохота.) Это штука испортила мне полжизни, пока я догадалась, что можно обходиться без нее!

Деньги можно подарить.
Деньги можно потерять.
Деньги можно прокурить.
Деньги можно прокирять,
Можно их закинуть в речку,
И проездить на такси,
А можно просто бросить в печку,
Как ведется на Руси.

(стишок 1986 года)

И зачем мужиков заставлять рожать детей? Правда, женщин я тоже не стала бы так мучить.

Я никогда не была такая свинская мать, которой все равно, что там ребенок ест или когда он ложится спать. С этим все было железно.

Вообще рок-н-ролл — это такая вещь, которую в белых перчатках не слушают.

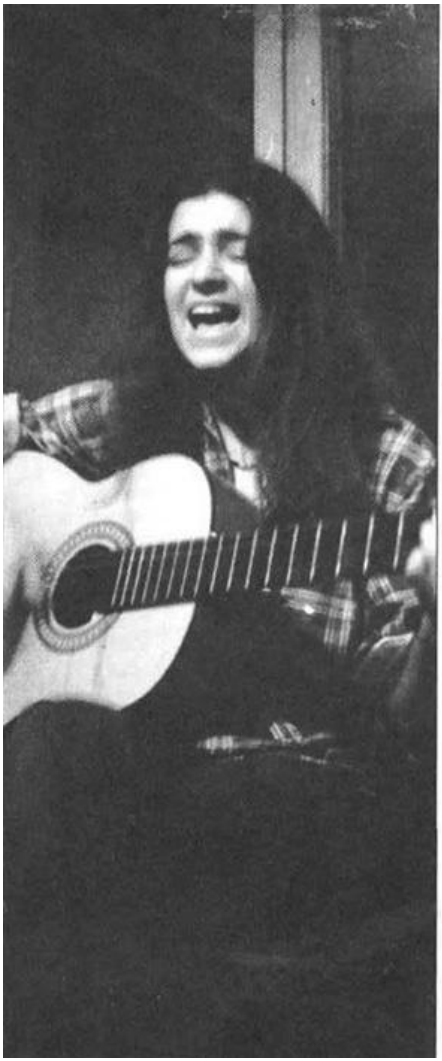
Вопрос: Я не смогу ездить стопом, не люблю невзгоды и лишения.
Умка: Мне кажется, что хуже невзгоды, чем просыпаться в 8 часов по будильнику каждый день, нету.

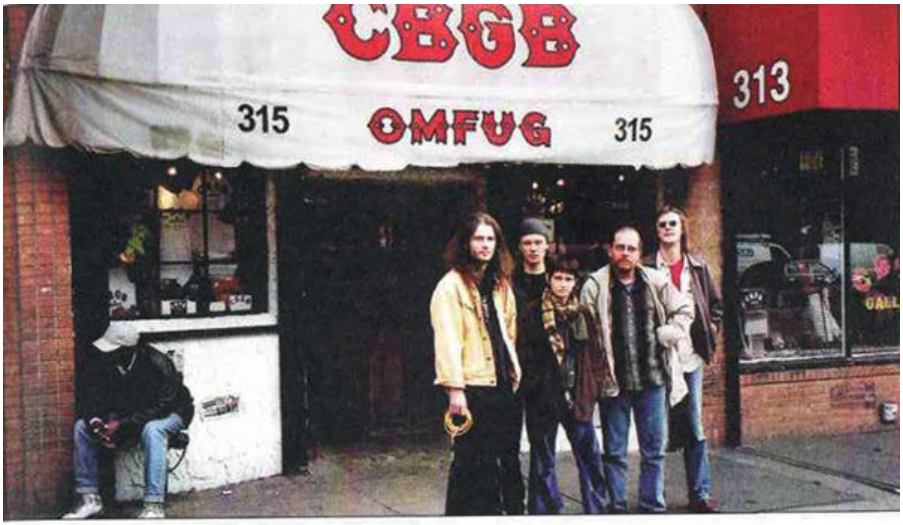
Привет пошлю я, став старухою.
Мужам ученым и мадам:
Рюмашку хлебушком занюхаю
И дневники свои издали.
И долго буду им любезна я.
Седая старая карга,

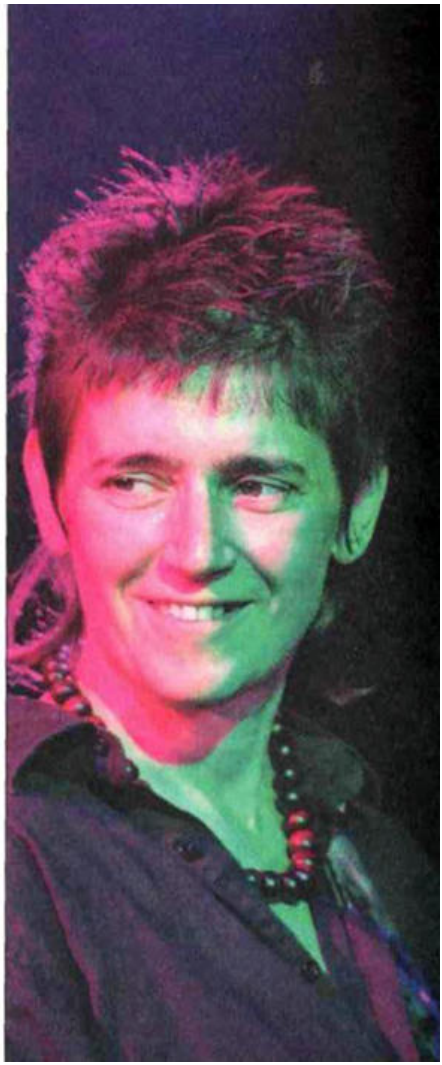
Пока висит еще над бездною
Моя последняя нога.

~~~

~~~




CBGB
315
OMFUG
315
313



Послесловие

Перечитываю книгу и понимаю, что главы получились неодинакового размера. И это меня здорово огорошило. Родные и близкие стразу стали предлагать варианты выхода из ситуации, мол, тут урежь, а тут допиши хвостик. Ну и ладно, в конце концов, решаю я, вон Оксану Пушкину это не беспокоит. Некоторые литературолюбы потребовали, чтобы фотографии в тексте были расположены как в любимом журнале «Караван историй». «Это вряд ли», — резко выпаливаю я. Сами героини разъехались на зимние каникулы, и кто-то упорно избегает прочитывать текст про себя, а кто-то, наоборот, делал разные намеки, мол, где моя глава, срочно мне сюда ее пришли в готовом виде. Издатели прямо завтра ждут книгу, и лучше, чтобы их опытным рукам нечего было делать в моем чудесном тексте. То есть вот почему я сижу и первый раз читаю всю свою сказку целиком.

Честно говоря, книга мне показалась такой же волшебной, как только что сшитое бальное платье.

Е. Шварц: «Фея взмахивает палочкой, и раздается бальная музыка, мягкая, таинственная, негромкая и ласковая. Из-под земли вырастает манекен, на который надето платье удивительной красоты.

Фея: Когда в нашей волшебной мастерской мы положили последний стежок на это платье, самая главная мастерица заплакала от умиления. Работа остановилась. День объявили праздничным. Такие удачи бывают раз в сто лет. Счастливое платье, благословенное платье, утешительное платье, вечернее платье».

И вот только никак не могу придумать, куда же мне поместить фразу, которую я давно приберегаю «…На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась».

Е. Шварц. «**Король:** Ну вот, друзья, мы и добрались до самого счастья. Все счастливы, кроме старухи лесничихи. Ну, она, знаете ли, сама виновата. Связи связями, но надо же и совесть иметь. Когда-нибудь спросят: а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу — большой, а сердце — справедливым…

И через какое-то время говорит:

Обожаю, обожаю эти волшебные чувства, которым никогда, никогда не придет…

И король указывает на бархатный занавес, на котором

загорается слово:

КОНЕЦ»

~~~

Больше всего мне нравится читать книги, слушать песни, смотреть фильмы, по прочтении которых тебе кажется, что тебя поймали на том, что градус твоей жизни понизился. Что тебя в чем-то переплюнули. Уличили — в покое… Застигли врасплох.

Вот ты сидишь, читаешь и понимаешь, что там (в чужой книге, в чужой песне, в чужом фильме) переломилась жизнь и об этом тебе рассказали.

Обычно так бывает, когда ты узнаешь про чужой пограничный опыт.

Это похоже на стихи. На настоящие стихи.

Книга Лены как раз из разряда ТАКИХ книг…

Когда ты читаешь такие чужие книги — тебе становится стыдно, что ты не там. Не на этой вершине, не на этой горе.

И ты встаешь — и идешь.

Надеюсь, что я тоже многим доставил такие же неприятные (в альпийском смысле) минуты.

Дмитрий Воденников

«Макс Фрай: Кстати, с этими волшебными сказками, хорошо, что вы заговорили, я в свое время поняла такую простую, простую штуку. Я вдруг поняла, что… это на самом деле говорит о них мне очень много. Потому что я поняла такую штуку: что очень многие люди в детстве, в юности, ну там скажем в первый 21 год своей жизни, они обязательно должны успеть совершить некоторые нарушения запрета. Потому что иначе не бывать человеку сказочным героем.

Елена Погребижская: Да. Соглашусь.

Макс Фрай: Вот мне кажется, что это очень важный момент. Вовремя успеть свою биографию, во-первых, ну, изучить, что бывают такие, такие, такие запреты, и какой-то нарушить. И получить на свою задницу…

Елена Погребижская: последствия…

Макс Фрай: Всю эту вот волшебную сказку…»

«Свободный вход», радио «Культура».
~~~